

Олег Смыслов

РАССТРЕЛЯТЬ ПЕРЕД СТРОЕМ...

РАССТРЕЛЯТЬ ПЕРЕД СТРОЕМ...

Олег Смыслов

АНТОЛОГИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

АНТОЛОГИЯ
ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Annotation

Новая книга О.С. Смыслова рассказывает о малоизвестных и трагических страницах Великой Отечественной войны — о репрессиях в РККА в военные годы. В центре повествования судьбы генералов и офицеров 1-го Украинского фронта. Автор показывает, как зачастую обстоятельства и незначительные проступки обеспечивали работой военные трибуналы, не знавшие жалости к сослуживцам. Многочисленные документы и свидетельства органично дополняют книгу, формируя образ советских воинов и репрессивных органов СССР в годы войны.

- [Олег Смыслов](#)
 -
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [Глава 4.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
- [Глава 5.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
- [Глава 6.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
- [Глава 7.](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

○ [Глава 8.](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

○ [Глава 9.](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

○ [Глава 10.](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

- [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [Глава 11.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [Глава 12.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [Приложения](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ 1](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ 2](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ 3](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ 4](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ 5](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ 6](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ 7](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ 8](#)
 - [ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
-
-

Олег Смыслов
РАССТРЕЛЯТЬ ПЕРЕД СТРОЕМ...

Светлой памяти ветерана Великой Отечественной войны,

офицера пехоты Александра Захаровича Лебединцева посвящается

ОТ АВТОРА

Эта книга никогда не была бы написана, если бы не знакомство с Александром Захаровичем Лебединцевым, председателем Совета ветеранов 38-й стрелковой дивизии и основным автором книги «Отцы-командиры». Состоялось оно в декабре 2005 года, когда Александр Захарович разыскал меня по служебному телефону.

С этого момента все последующие три года до его смерти, как всегда неожиданной, мы часто встречались или же подолгу общались по телефону, когда кто-то из нас был сильно загружен делами.

Александр Захарович был очень активным человеком и ветераном, и собеседником. Его цепкая память сохранила превеликое множество эпизодов той войны. Он мог детально рассказывать о боях и походной жизни бойцов и командиров матушки-пехоты.

Но красной линией в его рассказах очень часто звучала январская трагедия 1944 года, когда его 38-я стрелковая дивизия вместо наступления сначала попала под сильнейший контрудар немцев, а затем оказалась в окружении. Командир дивизии полковник Коротков вскоре был обвинен в измене Родине и расстрелян перед строем.

Александр Захарович часто просил меня когда-нибудь написать об этой истории отдельную книгу, и, прекрасно зная о том, что дело Короткова до сих пор является совершенно секретным, он был убежден, что мне обязательно удастся в ней разобраться.

На каждую встречу ветеран обычно приносил мне редкие книги, статьи, публикации и даже копии документов. Только потом я понял, что все это делалось с одной целью — убедить меня в необходимости заняться этой темой...

И сегодня я выполняю просьбу А.З. Лебединцева.

Глава 1.

**ГИМО СССР (1960-1970-е ГОДЫ) И
ОДНИ МЕМУАРЫ**

Александр Захарович свою, что называется, дембельскую службу проходил старшим инспектором оперативно-планового отдела Главной инспекции Министерства обороны СССР. Перевелся он туда в 1969 году из Управления боевой подготовки Группы советских войск в Германии. Но так как место было не просто «блатное» — Москва, но еще к тому же к ГИМО СССР, то ему не раз приходилось одаривал, заграничными подарками своего знакомого из Главного управления кадров. Однако место и должность того стоили.

Кабинет был небольшим: два сдвинутых стола, несколько допотопных телефонов, два мощных стальных сейфа для документов, казенные старенькие шкафы, крашенные стены, на которых в гордом одиночестве возвышались генеральный секретарь ЦК КПСС, министр обороны и карта СССР, самая обыкновенная люстра, паркетный пол, — словом, никаких излишеств. Рассчитан он был на двух офицеров в звании полковника.

До Александра Захаровича в этом казенном «жилище» в установленное служебное время обитал точно такой же старший инспектор, без особой суеты дожидавшийся законной пенсии. Но ему пришлось уволиться несколько раньше запланированного им времени. И вот почему.

В то время Главным инспектором Министерства обороны СССР, а точнее, «вечным Главным инспектором», был Маршал Советского Союза К.С. Москаленко (с 1962 г. по 1983-й). И вот однажды он решил написать свои мемуары. Написано их было уже превеликое множество. Наступил и его черед. А уж рассказать маршалу было что: в Красной Армии он служил с 1920 года, где прошел все ступени, от командира огневого взвода артиллерийской батареи до начальника артиллерии корпуса. В 1940-м стал генералом. В войну командовал последовательно 1-й артиллерийской противотанковой бригадой РГК, стрелковым и артиллерийским корпусами, общевойсковыми армиями. Выслуги, как говорится, «столько не живут», да и в маршальском звании выслуга немалая: на 1970 год пятнадцать календарей стукнуло.

О таком боевом пути писать нужно однозначно и бесповоротно. Но как, если всю жизнь командовал, рос в званиях и должностях, воевал, побеждал, а за партией последний раз сидел в 1939 году, да и то на факультете усовершенствования высшего командного состава Военной

академии им. Ф.Э. Дзержинского. До этого в 1928 году на курсах усовершенствования командного состава артиллерии РККА. И самый первый раз в 1922-м на артиллерийском отделении школы червонных старшин. И вот прикинул маршал, что самому никак не написать: нет ни божьего дара, ни времени, ни здоровья, ни сил. Но слышал он, что в таких случаях авторы будущих мемуаров обращаются к талантливым и подготовленным в этом плане людям. Те собирают материал и пишут за авторов однотомные, а если надо, то и многотомные воспоминания. Словом, насколько хватит этого самого материала.

Почти точно также поступил и маршал Москаленко. В один прекрасный или не очень прекрасный день он вызвал к себе старшего инспектора и предложил ему поработать над своими мемуарами. Не молодой уже полковник, прекрасно понимая, что просьба маршала звучит как приказ, а его выполнение связано с титанической и абсолютно не желаемой для него работой, тут же заявил, что собирается уходить в отставку. После недолгого разговора маршал и полковник расставили все точки над «и». Последний увольнялся на пенсию гораздо быстрее, чем этого ему хотелось, а первый попросил подыскать ему более сговорчивого офицера, который мог бы беспрекословно справиться с задачей написания его мемуаров.

Именно таким человеком оказался сосед Александра Захаровича по кабинету. В Главную инспекцию его перевели из Центрального архива Министерства обороны, дали полковника, хороший оклад (что-то в районе командира корпуса), квартиру в Москве. По самое главное — у него был опыт архивной работы, возможности быстрого поиска документов и, безусловно, желание. Естественно, своими прямыми обязанностями по должности он не занимался. Звали его Иван Дмитриевич. На момент появления Александра Захаровича он уже завершил работу над первой книгой мемуаров маршала и приступил к работе над второй.

Официальный автор мемуаров — человек, безусловно, заслуженный, дважды Герой Советского Союза, причем если одну Золотую Звезду он получил в 1943-м, то вторую в 1978-м, к юбилею Вооруженных Сил. Но какая нам разница теперь? Заслуги-то были.

Другое дело — возраст, давно уже как пенсионный. А маршалы, как известно, умирают на службе. Не важно, скучная она или не очень, все же какая-то работа, продлевающая жизнь. Вот и маршал Москаленко каждое утро просыпался в одно и то же время, умывался, неизменно надевал военную форму со всеми атрибутами маршала, завтракал, потом спускался на лифте, выходил на улицу, садился в заднюю дверь черной «Волги» и выезжал напрямик к себе в Главную инспекцию.

Александр Захарович был человеком наблюдательным и не мог не отметить, что маршал ни на одном из партсобраний не выступал, перед инспектированием проводил инструктажи по «шпаргалке», написанной все тем же оперативно-плановым отделом. А особенно старший инспектор любил вспоминать одну из проверок июня 1971 года:

«Министр обороны решил произвести инспектирование НИИ Ракетных войск и ГУКОСа, так как эйфория по поводу нашего первенства в космосе была побита высадкой американцев на Луне и благополучным возвращением их астронавтов на Землю. Я попал в команду генерал-лейтенанта Рыжкова в качестве начальника штаба группы в НИИ ГУКОСа.

На заслушивание доклада начальника института — генерал-лейтенанта, доктора наук и лауреата Ленинской премии — прибыл Москаленко. Он сразу задал вопрос, почему мы не смогли не только опередить американцев, но еще и не готовы к этому. Начальник очень невнятно обещал ускорить, но маршал махнул рукой и удалился. Когда мы остались наедине, я спросил: Так почему же она не стреляла? — Знать, не заряжена была, — ответил он, закуривая и волнуясь. Успокоившись, он указал на рядом сидевшего генерал-майора, тоже доктора наук, лауреата Госпремии, и сказал: «Это мой заместитель по пауке, он вместе со мною являлся основателем и руководителем этого НИИ. Защищался, стал генералом. В НИИ только две генеральские должности. Но Главкому РВСН маршалу Н.И. Крылову захотелось своего сына, полковника автомобильных войск сделать генералом. Добился введения в этом институте никому не нужного заместителя начальника по общим вопросам в генеральском

звании. А так как по штатному расписанию им полагалось только два генерала, то должность заместителя по науке свели до полковничьей, утешая первого, что он ничего не теряет ни по должности, ни в окладе. Так и сделали.

Отставание он объяснил тем, что больше половины научных работников из 200 по штату совершенно не способны к научной работе и попали в институт таким же путем, как маршальский сын. Многие даже на папиных служебных лимузинах приезжают на службу, на которой только и способны на “подай-принеси”, да во время обеденного перерыва забивать мяч. Отдачу дают только капитаны и майоры, одному капитану по значимости кандидатскую диссертацию засчитали как докторскую. Если бы моя власть, я бы оставил только одну четверть, повысил им зарплату, и наука двинулась бы вперед.

Маршал Москаленко, выслушав наш доклад, приказал непременно отметить этот факт в акте. Но когда начали составлять представление министру обороны, то он исключил соответствующую фразу, заявив: “Что ж, если отец — маршал, так его сыну и генералом не быть?” О научных сотрудниках и комментировать не стал, посчитал это излишним. Кстати, именно во время нашей проверки нас разбудили на рассвете и пригласили в ЦУП для демонстрации возвращения на землю троих космонавтов. Сначала прекратилась с ними радиосвязь. Объяснили, что спускаемый аппарат зашел за “шарик”, потом высказали версию, что сгорели антенны в плотных слоях атмосферы, и предложили идти “досыпать”. После завтрака, уже на проходной, узнали о трагической судьбе троих космонавтов из-за разгерметизации люка спускаемого аппарата».

В 1995 году генерал-лейтенант В.Н. Котов опубликовал свои мемуары «Память и боль: Невостребованные откровения офицера Генерального штаба». В этих «Невостребованных откровениях» он вспоминает о многочисленных встречах с видными военачальниками. Одним из них оказался и Маршал Советского Союза К.С. Москаленко:

«В салоне самолета генерал армии С.М. Штеменко, начальник Главного штаба ОВС. В полете он обязательно беседовал по душам. Сергей Матвеевич первым делом справился о делах Генштаба, где он долгое время работал на различных должностях, в том числе в годы Великой Отечественной. Как бы мимоходом спросил о том, посмотрели ли мы те документы, которые подготовлены нашим членом Военного совета ОВС маршалом Кириллом Семеновичем Москаленко, точнее, Главной инспекцией Министерства обороны, генеральным инспектором которой он считался, одновременно исполняя обязанности заместителя министра обороны.

Москаленко — известный военачальник Великой Отечественной войны. Правда, воинские звание маршала было присвоено ему в последнее время как-то неожиданно и загадочно для многих. Знаток военного дела и войсковой службы. При инспектировании частей был всегда строг и придирчив. Однако и у него были свои особенности».

«На Военном совете в Будапеште обсуждение и принятие решения по вопросу о разведке прошли гладко, если не считать того, что маршал Москаленко то порывался несколько раз взять на себя обязанность прочесть текст, то передавал его разведчику, генерал-лейтенанту Ткаченко. А все дело было, как выяснилось, в мелком тщеславии. Очередность выступления, как и размещение делегаций за столом заседания, осуществлялась в алфавитном порядке — болгарская Народная армия, венгерская Народная армия, национальная народная армия ГДР, Войско Польское, румынская Народная армия, Вооруженные Силы Советского Союза и чехословацкая Народная армия. Замыкал весь этот строй штаб ОВС. Ранг выступающего от пашей делегации определялся так: если выступали от других армий заместители министров или начальники генеральных (главных) штабов, то Москаленко считал своей обязанностью докладывать на Совете, если выступали рангом ниже, то от нашей делегации выходил на трибуну равный по должности.

Но так как на этот раз ораторы выступали вразброс, словно карты в колоде, то Кирилл Семенович то “подгребал под себя” материалы, собираясь выступить, то отодвигал их к Ткаченко, давая понять, что тот должен пойти с текстом на трибуну. Наконец слово предоставили главе румынской делегации, генерал-полковнику Николеску. Тогда маршал Москаленко, выхватив текст, направился к трибуне, встретившись добрым взглядом с главой румынской делегации: знаем-де, кому и в каком ранге произносить речь.

Но не успел он прочитать последнее слово на высокой ноте, как Якубовский объявил выступающего от чехословацкой армии в звании... генерал-майор. Кирилл Семенович, как-то осуждающе тянул на Главкома, сошел с подставки трибуны, пользуясь ею из-за малого роста. Самолюбие его было уязвлено...

А к вечеру обширный номер маршала Москаленко превратился в буквальном смысле слова в базар. Военторг Южной группы войск был, что называется, поставлен на ноги, предлагая свои дары высокому гостю...»

«Приземистый ухоженный особняк, с небольшим двориком и скудной зеленью, встретил нас радостно. Взятый из моих рук портфель не оставил сомнений в том, что мне здесь следовало поселиться. Через прихожую, обширный холл меня провели в небольшой кабинет с широким письменным столом и шкапами, заполненными книгами на венгерском языке. Есть ли у меня к нему вопросы, спросил сопровождавший венгр на ломаном русском языке. И, как бы извиняясь, офицер-переводчик сообщил, косясь на другую половину этого обширного коттеджа:

— Здесь будет располагаться также маршал Москаленко. Питаться будете с ним вместе.

Особняк предназначался для главы советской делегации. Но вот почему и меня сюда вселили, было загадкой для всех, кроме меня...

Осмотрел апартаменты, вероятно, не очень состоятельного бывшего венгерского хозяина. Подкатила “Волга”. Из передней двери выскочил полковник, услужливо открывая заднюю дверь, откуда вышел маршал Москаленко, Подойдя к нему, я доложил обстановку. Он снисходительно выслушал, дав понять, что все кончено и мне надлежит оставить его в покое.

— Можете отправляться в гостиницу. До встречи на Военном совете, — сказал он и протянул свою руку.

— Товарищ маршал, но меня разместили здесь. Мне некуда ехать. Так распорядились устроители.

— Как так? — удивленно спросил он, смерив меня злым взглядом. Так

и ушел он молча к себе, ничего не сказав, вроде бы униженный и оскорбленный тем, что к нему подсадили какого-то генерал-лейтенанта, от чего страдало его величие полководца.

Думая, как мне быть в этой дружеской стране в такой обстановке, пошел на свою половину. Услышав звон посуды, легкие вкрадчивые шаги обслуживающего персонала и какие-то команды полковника Д., поспешил помыть руки, чтобы не опоздать к обеду. Но что-то щемило на душе. Не к добру было молчание маршала при встрече. Но все равно надо обедать. Однако на обед меня не пригласили. Значит, о том было указание Москаленко. Унизительно и оскорбительно было наблюдать проявление столь мелкого самолюбия главы делегации. Трапеза между тем закончилась. И он ушел к себе, так как наступило время “адмиральского” часа. И только после этого раздался стук в дверь. Венгр приглашал в столовую. Отказаться было неудобно.

Это была какая-то месть или желание выжить меня из особняка. Но куда выехать, если устроители распорядились так...

К парадному подъезду, лаская асфальт резиной и шипя, подкатила машина. Надо было отправляться в город для участия в протокольном ритуале возложения венков...

...По устойчивой армейской традиции младший по званию и должности должен ожидать старшего. Выхожу во двор раньше. Жду маршала с надеждой на его приглашение сесть в машину. А если откажет — придется ждать другую машину.

Выход Москаленко обставляется с большой помпой. Сначала выскакивают порученцы и адъютант с озабоченными и тревожными лицами, отрывисто переговариваясь и загадочно переглядываясь. Заглядывают в дверь, как ошпаренные, отскакивают: идет, идет!.. С мыслями о том, посадит ли он меня в свою машину и на чем мне добираться в противном случае, стою и я. Маршал небольшого роста, с бледным лицом, бесцветными глазами, блуждающим взглядом, согбенный.

Услужливо распахнулась дверца, его величественно усадили. Недовольно фыркнула мотором машина и выскочила из ворот...

С чувством обиды и досады перед таким явным барством поплелся к себе, чтобы вызвать машину. Оказалось, что протоколом мое место определено в машине вместе с Москаленко. Чтобы не выставить себя и маршала в невыгодном свете, объяснил, что, мол, опоздал с выездом. И пока на другом конце искали выход из создавшегося положения, вернулся переводчик и пригласил поехать вместе с ним в его машине. Он, венгерский офицер, никак не мог понять всю нелепость поведения нашего

маршала...

Во второй половине дня началось заседание Военного совета. Главком ОВС В.Г. Куликов чеканным, командирским голосом, посматривая в лежащий перед ним текст, с большими полями, с ударениями в словах, объявил о начале работы. Как ни странно, мое место рядом с Москаленко, обозначенное табличкой, оказалось не занятым. Подумал, что и здесь он постарается отдалить от себя Генеральный штаб, посадить сюда своего порученца. Но тот сидел во втором ряду, хотя ему вообще не положено было здесь быть.

Сел рядом, но со стороны насупленного, чем-то недовольного Москаленко не удостоился даже взгляда.

В первый же перерыв Москаленко подошел к Главкому и стал втолковывать ему что-то, как мне показалось, касающееся меня, так как смотрел в мою сторону.

Вскоре этот странный случай стал известен другим делегациям, вызвав всеобщее недоумение. К моему удивлению, мне высказывали сочувствие члены болгарской, чехословацкой, немецкой и польской делегаций, знавшие меня по совместной работе по перевооружению их армий.

Как мне рассказал Анатолий Иванович Грибков, действие разыгрывалось прямо-таки по законам драматургии, с завязкой и развязкой. Сначала Куликов позвал своего начальника штаба и справился у него, кто занимается размещением делегаций. Тот, естественно, ответил, что размещением и обеспечением всем необходимым для работы занимается та страна, в которой проводится заседание Военного совета. В данном случае за это отвечала венгерская Народная армия, точнее — ее Генеральный штаб. Штаб ОВС к этому отношения не имел.

Пригласили венгерскую сторону в лице государственного секретаря по оборонным вопросам генерал-полковника Чеми Кароя. Тот сказал, что они при размещении делегаций исходили лишь из обыкновенного уважения к советскому Генеральному штабу, в частности, к его представителю — заместителю начальника Главного оперативного управления. Ну и, конечно, думали об удобстве работы главы делегации, у которого был бы рядом представитель Генерального штаба.

Как мне потом доверительно сообщил Грибков, Москаленко в возбужденном состоянии бросил в лицо Куликову: “Вы что, приставили шпионить за мной Генеральный штаб?!”

И Главком не устоял, заколебался, попросив Грибкова поговорить со мной. По тот решительно отказался идти на мелочные побрякушки маршалу.

Тогда Куликов обратился к венгерской стороне с просьбой перевести меня в другое место. Дело было за тем, какую форму для моего выдворения найти.

До вечера на Совете просидел рядом с Москаленко, ни разу по мне не повернувшись, не проронившим ни слова. Только насупленный взгляд да неподвижное лицо выдавали его недовольство.

На Совет в качестве информации выносился вопрос деятельности НАТО. Согласно предложенной ранее повестке, он не подлежал обсуждению и лишь принимался к сведению. Однако совершенно неожиданно попросил слово от болгарской Народной армии генерал-полковник А.Г. Семерджиев. И после его выступления завязались обсуждение и дискуссия. Не отстали от него венгры, немцы, поляки...

Разумеется, у Москаленко не было никакой заготовки для выступления по такому вопросу, и он с недоумением стал смотреть по сторонам, как бы ища сочувствия, но не обращая внимания на меня. На всякий случай, если предложат выступить мне, я тут же стал набрасывать для себя тезисы выступления.

На трибуну между тем вышел глава румынской делегации Николаеску. Очередь — за Москаленко. Натужно выкарабкиваясь из кресла, он подошел к Куликову, и оттуда донесся шепот: как же так — обсуждение не предусмотрено планом и нет никакого заготовленного текста. Слышалось настойчивое возражение Главкома... И только тут, сев на место, маршал наконец-то повернул голову в мою сторону и увидел придвинутый листок с тезисами, которые он стал переносить к себе.

На трибуну он шел, видимо, как на эшафот. Его голос то падал до шепота, то вдруг взрывался под недоуменные взгляды присутствующих, особенно представителей братских армий. Отчетливо слышались лишь обращения к залу: "Товарищи генералы и офицеры, товарищи члены Военного совета..." Но далее ничего, ровным счетом ничего невозможно было разобрать. Вряд ли он и сам что-то понимал из переписанных наскоро тезисов, ведь без написанного текста он выступать, по-видимому, не привык.

В перерыве маршал Москаленко подошел ко мне и справился, как я устроился на новом месте. На это я ничего ему не ответил, тем самым дав понять, как я отношусь к нему.

По возвращении в Москву тотчас же доложил начальнику Глав-нош оперативного управления генерал-полковнику С.Ф. Ахромееву весь ход заседаний Военного совета, не преминув сообщить о казусе с размещением представителя Главного управления и об отношении маршала Москаленко к Генеральному штабу вообще».

В отличие от множества других мемуаристов генерал армии А.В. Горбатов свои собственные писал простым карандашом и, как правило, на обороте листов, уже заполненных машинописным текстом. Да и появился он в редакции «Нового мира» с рукописью несколько необычно для своего воинского звания.

«Бывало, появлению самого предшествовала вереница адъютантов, порученцев, вестовых, передававших красиво оформленную рукопись, — пишет о знакомстве сотрудников “Нового мира” с Александром Васильевичем В.Я. Лакшин. — А случалось, именитый чинами и заслугами автор так и не переступал порога редакции: подтянутые лейтенанты или аккуратные майоры, отдавая честь, заезжали за версткой, спустя день-два привозили ее назад, а по выходе номера появлялись за авторскими экземплярами. Вот и все общение с авторами».

Сам А.Т. Твардовский восторженно говорил о Горбатове: «Какая судьба! Какой нравственный человек!»

С октября 1941 года по июнь 1942 года автор мемуаров «Годы и войны» командовал 226-й стрелковой дивизией, участвовавшей в боевых действиях на Украине. Дивизия отступала к Харькову. Там же, под Харьковом, недавно возвращенный с Колымы генерал вступил в конфликт с новым командармом Москаленко. Тем самым, который впоследствии станет маршалом. Вот как об этом вспоминает сам генерал армии Горбатов: «В день наступления была необычно сильная по этим местам пурга, в двадцати метрах ничего не было видно. Командиры взводов не видели своих людей, роты и батальоны были не управляемы, поэтому наступление у нас и у соседей не увенчалось успехом. В восемнадцать часов я доложил командарму о неудаче.

— Кому вы служите? — спросил в ответ командарм.

— Служу советскому народу и нашей партии, товарищ генерал, — ответил я. — Разрешите мне доложить свое мнение...

— Короче! Что вы предлагаете? — перебил меня командующий. — Отменить наступление вашей дивизии?

— Нет, я не этого хочу, — ответил я и продолжал: — Претившие, имея стрелков и пулеметчиков в каждой из ста пятидесяти хат на фронте в два с половиной километра, занимает очень выгодное положение, а мы будем вынуждены подставлять себя под огонь. Поэтому наступление в лоб на

этом участке нецелесообразно. Сомневаюсь, чтобы мои соседи своими силами овладели Рубежным и Старым Салтовом.

— Вы очень плохого мнения о своих соседях, посмотрите лучше на себя, — заметил командарм.

Я продолжал, не обращая внимания на этот выпад. Предложил сначала усилиями двух дивизий — правого соседа и нашей — овладеть одним Рубежным...

После небольшой паузы услышал:

— Не возражаю, договоритесь с Тер-Гаспарьяном, только не тормозите выполнение моего общего приказа.

Окончив разговор, я был в недоумении: почему такой тон, почему оскорбления? Ведь командующий меня совсем не знает, только позавчера мы прибыли в его подчинение...

Как я и ожидал, с командиром 227-й стрелковой дивизии мы легко договорились о совместных действиях против Рубежного. 8 марта занимались перегруппировкой. На следующий день, начав наступление, заняли лишь пятнадцать хат в Рубежном, но к двенадцати часам следующего дня с помощью двух танков дошли до середины села.

Когда мы дрались у церкви, я, находясь в то время в ста метрах от нее, получил неожиданную и чувствительную пощечину. Мне принесли два документа за подписью Военного совета армии, в которых явно несправедливо оценивались действия нашей дивизии.

Наскоро ознакомься с этими документами, я вернул их привезшему и приказал ему ехать обратно. Перебирая в намята только что прочитанное, я вспомнил и вопрос: “Кому служите?” Но от мыслей об этих незаслуженных оскорблениях меня отвлекли вражеские пули и снаряды.

Вечером я донес о результатах двухдневного наступления и потерях. При этом обратил внимание командующего на то, что до нашей дивизии здесь десять дней подряд вели наступление другие соединения и ничего не добились. Отсюда сам собою напрашивался вывод о нецелесообразности дальнейших атак на этом направлении. Но в тот же вечер мы получили приказ, в котором снова в грубой форме обвинялись в якобы неправильных действиях».

Одна из самых честных книг воспоминаний военачальников о войне, рукопись Горбатова не могла безболезненно пройти воюющую цензуру и, конечно же, миновать мемуарную группу Главного политуправления. В 1964 году «Новый мир» опубликовал журнальный вариант воспоминаний Л.В. Горбатова, получивший с легкой руки Твардовского название «Годы и войны». В 1965 году эту книгу издал Воениздат. Несмотря на крупнейший

читательский успех книги, переиздана она была только в 1989 году.

В самом первом издании книги «Годы и войны» командарм К.С. Москаленко был пазвап без указания фамилии, просто «командармом». И, видимо, в том числе потому, что маршал Москаленко тогда возглавлял Главную инспекцию Министерства обороны, был заместителем министра обороны СССР.

Вот как выглядит следующий отрывок из книги генерала армии Горбатова с купюрами:

«В тот же вечер я позвонил Маршалу Советского Союза Тимошенко и попросил его вызвать меня к себе вместе с командармом, чтобы в его присутствии объясниться. Через несколько дней, отправившись к главкому, я взял с собой семь приказов, выпущенных штабом армии за последние десять дней, в которых все командиры и комиссары дивизий получили взыскания. Иные из них за этот период имели уже до четырех взысканий и предупреждений.

Решил рассказать Военному совету фронта все по порядку, начиная с бесцельных, непрерывных атак на одни и те же пункты в течение десяти—пятнадцати дней при больших потерях.

Главком выслушал меня очень внимательно и, обращаясь к командарму, сказал:

— Я же вас предупреждал, что грубость ваша недопустима, но вы, как видно, не сделали нужного вывода. Надо с этим кончать.

А мне он посоветовал не горячиться, расспросил о состоянии дивизии и разрешил ехать к себе.

За все это время командарм не сказал ни слова. Когда я уезжал, он остался у главкома. О чем они говорили — гадать не берусь. Однако после этого объяснения оскорбительных приказов стало заметно меньше».

А вот что писал Л.В. Горбатов в подлиннике, которому бояться уже было нечего да и некого:

«Решил рассказать Военному совету фронта все по порядку, начиная с бесцельных, непрерывных атак на одни и те же пункты в течение десяти—пятнадцати дней при больших потерях.

Когда я вошел к маршалу Тимошенко, в комнате были член Военного совета П.С. Хрущев, начальник штаба И.Х. Баграмян и командующий 38-й армией К.С. Москаленко. После того, как я представился и поздоровался, главнокомандующий юго-западным направлением Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко спросил меня:

— Ну, рассказывайте, что вы там не поделили? Доведенный оскорблениями до белого каления, в запальчивости я, показывая рукой на

командарма, ответил:

— Это не командарм, это бесплатное приложение к армии, бесструнная балалайка.

Ко мне подошел Н.С. Хрущев и, положив на мое плечо руку, укоризненно сказал:

— Товарищ Горбатов, разве можно так говорить о командарме, да еще во время войны?

— Товарищ генерал, — ответил я Хрущеву, — прошу меня извинить за резкость, но то, что я сказал, я доложил Военному совету фронта в присутствии командарма, а не шепотом на ухо кому-то на базаре.

Хрущев посмотрел на главкома, а затем вновь с вниманием выслушал мои взволнованные слова:

— Больше терпения нет, товарищ член Военного совета. Я сказал то, что думаю. За 5 дней наши дивизии захватили не одну сотню пленных, десятки орудий и минометов, и все потому, что действовали по своей инициативе, вопреки приказам командарма. Все руководство командарма заключается в самом беспардонном отношении к подчиненным. Мы только и слышим: “Гитлеру помогаешь, фашистам служишь, предатель!” Надоело слушать и бесконечную брань. Неужели командарм не понимает, что своим повелением не мобилизует подчиненных, а только убивает их веру в свои силы? Подобные оскорбления я слышал в Лефортовской тюрьме от следователя и больше слушать не хочу. Сначала я думал, что командарм позволяет себе так разговаривать только со мной, недавно прибывшим с Колымы. Но это трафарет и применяется к каждому из подчиненных. Все мы честно служим и будем служить нашей Родине и партии, но незаслуженная ругань на любого человека действует отвратительно. Прошу оградить от нее, так как она наносит колоссальный урон нашему делу.

Главком выслушал меня очень внимательно и, обращаясь к командарму, сказал:

— Я же вас предупреждал, что грубость ваша недопустима, но вы, как видно, не сделали нужного вывода. Надо с этим кончать...» (А.В. Горбатов. Годы и войны. Записки командарма. 1941—1945.)

Не всегда правда на этой земле торжествует. Но Александру Васильевичу Горбатову крупно повезло. На его пути оказывались люди, которые увидели в нем честного человека и грамотного военачальника. И эти люди не дали его в обиду. В армии вообще, а на войне в частности, нередко трудно найти правду. И там с избытком хватает чинуш и карьеристов в самом плохом понимании этих слов. Однако во все времена судят по делам. А.В. Горбатов с 3 июня 1943 года и до самого конца войны

успешно командовал 3-й армией. Летом 1944 года ему было присвоено воинское звание «генерал-полковник», а в апреле 1944-го его удостоили звания Героя Советского Союза.

Кирилл Семенович Москаленко также закончил войну в звании генерал-полковника. Точно также командующим армией и Героем Советского Союза. Но между этими людьми легла целая пропасть...

Даже в наградном листе командующий войсками 1-го Украинского фронта И.С. Конев подчеркивал, что командующий войсками 38-й армии «генерал-полковник Москаленко — волевой и решительный командир. Много работает, не считаясь со временем и своим здоровьем. Тактически грамотен. Лучше умеет наступать, чем обороняться. При осложнении обстановки мало устойчив...»

Об Александре Васильевиче Горбатове в наградных представлениях вы таких слов не найдете!

В своих воспоминаниях, широко известных под названием «Время. Люди. Власть», Н.С. Хрущев, видимо, совершенно случайно коснулся и военных мемуаров. Запись была сделана на магнитофонную пленку в 1969 году, а сама книга появится лет через тридцать.

Никита Сергеевич в отличие от других чаще говорил то, что думает. И в этой записи он откровенен, может быть, как никогда:

«Несколько дней назад я совершенно случайно встретился с Иваном Христофоровичем Баграмяном. Мне было очень приятно его повидать. Ведь я уже много лет не видел его. Накоротке мы обменялись с ним различными мнениями. Неожиданно он поднял вопрос о книге мемуаров Жукова, высказал ряд замечаний и заявил, что в ней допущены очень большие искажения и отступление от истины. Тут же он сказал, что написал воспоминания и маршал Москаленко, причем написал просто гадкую книгу. Я не стал его выпрашивать и как-то уточнять, в чем же выражается эта гадость. Но вообще-то Москаленко может такое сделать. Я его знаю и с хорошей, и с плохой стороны. С хорошей знаю в том смысле, что он человек, преданный делу, воевал неплохо, проявлял настойчивость и энергию, не щадил себя. Плохие его стороны — нервозность, неуравновешенность, вспыльчивость, грубость, даже больше, чем грубость. Оскорбления, которые он наносил своим подчиненным, всем известны. Люди, которые находились у него в подчинении, неоднократно жаловались мне на то, что он груб, оскорбляет их. Вот его обычный лексикон: “Враг народа! Предатель! Подлец! Судить надо! Расстрелять надо!” Это человек настроения, который очень поддается влиянию. Он на все способен. Особенно если почувствует, что это выгодно для него, что такая гадость как-то оплачивается, то он пойдет на нее.

Его безпринципность особенно поразила меня во время истории с отставкой Жукова в 1957 году. Я с доверием относился к Жукову во время войны и многое сделал для поднятия его репутации и авторитета в глазах Сталина. Когда в 1957 г. обсуждался вопрос о пресечении попытки Жукова организовать военный путч с целью захвата власти в руки военной хунты, то Москаленко активно выступал с обвинениями в адрес Жукова. Уже не на общем заседании пленума ЦК КПСС, а в более узком кругу лиц, когда Москаленко со страстью обвинял Жукова за поползновение к захвату власти, а Жуков с его солдатской грубостью, с его солдатской прямоотой (а я

верю Жукову, что он сказал правду) бросил ему: “Что ты меня обвиняешь? Ты же сам не раз мне говорил: чего смотришь? Бери власть в свои руки, бери!”

Когда я услышал это, то был поражен. Такого я никак не ожидал от Москаленко. Жукову не было смысла лгать. Да и Москаленко никак не смог парировать такое серьезное обвинение, фактически в государственной измене, когда я рассказал об этом Малиновскому, Малиновский по собственной инициативе внес предложение об освобождении Москаленко от занимаемых постов.

Но я сказал: “Родион Яковлевич, вряд ли нужно так поступать. Это же Москаленко! Если будет нормальная обстановка (а я был уверен, что она нормализуется), то Москаленко станет честно выполнять свои обязанности...”

Это я рассказал, чтобы показать, кто есть Москаленко. Существуют несколько Москаленко. Один—это генерал, который честно командовал войсками, попадая во всевозможные переплеты на первом этапе войны. Затем он командовал армией, и его активная роль была заслуженно отмечена. Я лично вносил предложение о присвоении ему, уже после смерти Сталина, звания Маршала Советского Союза. Другой Москаленко—настоящий истерик. Я уже рассказывал анекдотический случай, как при нашем отступлении его выгнала колхозница из своего коровника, где он прятался, переодевшись в крестьянскую свитку, и оп, сам украинец, выступил после этого против украинцев, кричал, что все они предатели и всех их надо выслать. Вот неуравновешенность этого человека.

А есть и третий Москаленко — приспособленец, алогичный и беспринципный человек. Таким он показал себя в деле с Жуковым. По в чем конкретно выражалась та гадость, о которой говорил Баграмян, я не знаю».

Находясь в одном кабинете и сидя напротив друг друга, два полковника не только занимались каждый своей работой, но и, конечно же, беседовали. Александр Захарович прекрасно знал, что Иван Дмитриевич готовит рукопись второй книги мемуаров маршала Москаленко. Для этого он работал с архивными материалами из ЦАМО по 38-й, 27-й и 40-й армиям и Воронежского, а после 1-го Украинского фронта. И вполне естественно, что даже, несмотря на их секретность, в порядке исключения некоторые оперативные документы фронта и армий хранились в его сейфе.

Бывало, Иван Дмитриевич отвлечется от своей кропотливой работы и поинтересуется у Александра Захаровича:

— Саша, а ты, случаем, не помнишь погоду и проходимость дорог в те дни?

А речь шла как раз о тех днях, когда стрелковая дивизия Александра Захаровича, в одном из полков которой он был помощником начальника штаба, участвовала в зимнем наступлении 1944 года, которое оказалось для нее катастрофическим.

Отвечая на некоторые специфические вопросы Ивана Дмитриевича, Александр Захарович, кроме погоды и проходимости дорог, рассказывал летописцу маршала и многие другие вещи, о которых не мог забыть до самой своей смерти.

Надо сказать, отличался полковник не только прекрасной памятью, но и прекрасными способностями рассказчика.

— Наша 38-я стрелковая дивизия в первый бой после переформирования пошла под Сумами в 1943 году. Требовалось про рвать немецкую позиционную оборону на второстепенном направлении. Наступали без артиллерии РК, без танков и авиации. После 15-минутного артналета. За два дня безуспешных действий двух полков (третий был в резерве комкора) мы потеряли убитыми 431 человека и ранеными 1516, из них 285 офицеров...

...В ночь с 23 на 24 сентября 1943 года дивизия успешно форсировала Днепр и захватила плацдарм в районе большой излучины, который стал именоваться Букринским. Сначала всех офицеров наградили орденами, а солдат и сержантов орденами и медалями. Потом приказ: представить 50 человек к званию Героя Советского Союза. Представляем, конечно, тех, кто отличился и уже был награжден. Но командарм даст геройство только 16, а

остальных снова награждает орденами Красного Знамени или Отечественной войны 2-й степени (теперь уже вторично). Таков был «размах». Всех отметили, кроме... командира дивизии и начальника штаба. Хотя оба они переправлялись с полками на плацдарм. У нас там за 40 суток боев только погибших было свыше 300 человек...

...4 ноября нашу дивизию вывели из боя, дали пополнение, переодели в зимнее обмундирование... и тут же приказали всю пехоту передать в другие дивизии, а нас вернули на левый берег на доукомплектование. Но взят Киев, и нас снова переправляют на западный берег и сажают в оборону без стрелков и пулеметчиков. Офицеры подстелили на снег соломки, установили пулеметы и «обозначили» оборону.

9 ноября — приказ: мобилизовать всех военнообязанных в прилегающих селах, вооружить и в своей одежде отправить в окопы... Кто и о чем думал, когда приказывал передать личный состав 38-й сд в другие дивизии, а затем так ее пополнять? Загадка до сегодняшнего дня.

— И что же дальше? — заслушавшись собеседника, спросил Иван Дмитриевич.

— А дальше было следующее. 28 декабря 38-я сд участвует в наступлении. Только в одном нашем полку были убиты 75 и ранены 265 человек. Жены и родственники тут же собрали тех и других на саночки и увезли по домам, многих даже в своих жупанах. Погибших хоронили на родных погостах, раненых лечили местные врачи. Справа танковые части пробиваются с боями на Белую Церковь, а мы слева обеспечиваем их фланг. День лежит наша пехота на снегу, а немцы ведут огонь по ней из окон и с крыш хат. Ночью они отходят на новый рубеж, а мы за ними. Так и догоняли, более ста километров...

На этом рассказчик на мгновение замолк, посмотрел на свои часы и улыбнулся.

— Пора, Иван, собираться по домам, а то что-то мы засиделись.

В первой книге мемуаров Маршала Советского Союза К.С. Москаленко «На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма», вышедшей в издательстве «Наука» в 1969 году, есть введение. А в нем, словно в ларце, перечислены все те, кто принимал участие как в ее написании, так и в ее подготовке к выходу в свет:

«Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность за помощь в подготовке этой книги полковнику И.Д. Фосту, генералам и офицерам Военно-научного управления Генерального штаба, Отдела печати Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, Архива Министерства обороны СССР, а также за техническую работу — полковнику П.В. Капитонову, М.М. Афанасьевой и Т.В. Каретниковой».

Неоднократно перечитывая весь список, лично я не нахожу всего одной фамилии...

Письмо Маршалу Советского Союза К.С. Москаленко:

«Дорогой Кирилл Семенович, прошу великодушно извинить меня за то, что я так задержал обещанное. Единственная причина — то, что я никак не мог кончить свою книгу из-за огромного объема работы. Каждую неделю казалось, что вот-вот кончу, а практически кончил только три дня назад и лишь после этого сумел сделать обещанное.

Хочу сказать о том, что я сделал и чего не сделал.

В данном случае речь в Вашей работе идет о событиях, которых я самостоятельно не изучал и о ходе которых собственного представления у меня не сложилось. Поэтому я видел свою задачу единственно в том, чтобы в меру своих сил помочь Вам в качестве, если так можно выразиться, литературного редактора. Я с пером в руке прошелся по Вашей рукописи с точки зрения стилистической, имея в виду, что она адресована не только военным специалистам, но и более широкому кругу читателей.

Собственно говоря, Ваша работа распадается на три части. Первая часть. — введение и заключение — связана с общими концепциями предвоенной и военной обстановки и роли Сталина. Вторая часть — история первых боев Вашей бригады — тяготеет к мемуарному жанру. Третья часть — история киевского окружения — представляет собой скорее оперативный очерк событий с использованием целого ряда необыкновенно интересных и значительных документов.

Работу я Вашу читал с большим интересом. Конечно, многое, связанное с киевским окружением, читать тяжело. Но тут без правды не обойдешься. Да и вообще в конечном итоге нигде и ни в чем не обойдешься без правды. И этой правдой мне и дорога прежде всего Ваша работа. Поэтому я и рад был оказаться Вам хоть в какой-то мере полезным как литератор. Считаю товарищеским долгом высказать Вам некоторые возникшие у меня сомнения и вопросы.

Первое. Документы, связанные с Шапошниковым, конечно, говорят об очень большой мере его ответственности за все случившееся под Киевом. Но для меня лично остается открытым вопрос — состоит ли его ответственность в том, что он сам был от начала и до конца яростным противником отвода войск из киевского мешка, или его ответственность состоит в том, что он целиком подчинил свою волю и свои взгляды на эту проблему воле и взглядам Верховного Главнокомандующего и как

начальник Генерального Штаба не сумел убедить Верховного Главнокомандующего в неправильности принимаемых решений.

У Вас получается, что вроде бы Сталин в этом вопросе поддался Шапошникову. Не располагаю возможностью доказать обратное, в то же время психологически чувствую, что тут что-то не так. Сталин поддался Шапошникову — мало вероятно. Шапошников поддался Сталину — это более психологически вероятно.

Второе. Почему Тимошенко столь ответственное решение, как решение на отвод войск Юго-Западного фронта, передал Кирпоносу в устной форме через Баграмяна? Вы этого не объясняете. Думая над этим, я пришел к предположению, что, может быть, имея абсолютно жестокую директиву Сталина, запрещавшую еще и тогда, 16 сентября, отход войскам Юго-Западного фронта, а в то же время понимая, что каждый час промедления гибелен, Тимошенко, не решившись дать письменную директиву, прямо противоположную директиве Ставки, дал устный приказ Кирпоносу делать то, что все равно придется делать, но не стал закреплять этот приказ в документе.

Может быть, это и не так, но у меня рождается именно такое предположение. В этих условиях, когда командующий направлением, имея полную возможность отдать письменный приказ на отход, отдаст вместо него устный, Кирпоносу, конечно, требовалось огромное гражданское мужество для того, чтобы выполнить этот устный приказ, учитывая все предыдущие запреты отхода, шедшие от Ставки.

На фоне всех тех документов, которые Вы приводите, на фоне всего того страшного нажима Ставки на Кирпоноса, который был до этого, запрос Кирпоноса в Ставку после получения устного приказа от Тимошенко кажется мне, в общем-то, естественным. Кирпонос всеми предыдущими приказами Ставки был буквально загнан в такое положение, когда ему пришлось запрашивать. Я решил поделиться с Вами этими моими читательскими недоумениями и размышлениями потому, что они, видимо, могут возникнуть и у других читателей.

Буду очень рад, если моя скромная литературная помощь в какой-то мере окажется полезной для Вас.

Жму Вашу руку.

14 июня 1966 год

Ваш Константин Симонов».

Теперь, я думаю, понятно, почему маршал И.Х. Баграмян назвал книгу маршала К.С. Москаленко «гадкой».

Во-первых, это касается тех самых вопросов, о которых в письме к Москаленко высказал свои сомнения К. Симонов.

Во-вторых, кому, как не Ивану Христофоровичу было знать всю правду случившегося под Киевом. Выпускник Военной академии им. М. Фрунзе и Академии Генштаба, с июня по декабрь 1941 года полковник (затем генерал-майор) Баграмян был заместителем начальника штаба и начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта.

А Москаленко — всего лишь командиром 1-й артиллерийской моторизованной противотанковой бригады РКК (апрель—август 1941 г.) и командиром стрелкового корпуса (август—сентябрь 1941 г.). Да, собственно, и книгу писал другой человек, далекий от тех трагических событий.

Глава 2.

**СТАВКА И ШТАБ 1-го УКРАИНСКОГО
ФРОНТА ЗИМОЙ 1943-1944 гг.**

Чтобы более или менее понять ту ситуацию, о которой мы будем говорить несколько позднее, необходимо остановиться на той обстановке, которая складывалась зимой 1943—1944 гг. на южном крыле советско-германского фронта. И, конечно же, о планах сторон.

С этой целью для начала откроем воспоминания Маршала Советского Союза А.М. Василевского:

«Освобождение Правобережной Украины осуществлялось в ходе восьми операций, первые шесть из которых были связаны единым стратегическим замыслом и с военными действиями на других фронтах: Житомирско-Бердичевская (с 24 декабря 1943 года по 15 января 1944 года), Кировоградская (с 5 по 16 января), Корсунь-Шевченковская (с 24 января по 17 февраля 1944 года), Ровно-Луцкая (с 27 января по 11 февраля), Никопольско-Криворожская (30 января—29 февраля), Проскуровско-Черновицкая (с 4 марта по 17 апреля), Уманско-Ботошанская (с 5 марта по 17 апреля) и Березнеговато-Снегиревская (с 6 по 18 марта). Так слагалась в целом стратегическая операция при разгроме вражеских войск на всем южном крыле советско-германского фронта, при создании условий для полного изгнания оккупантов с Украины. Дополняла их Одесская наступательная операция (с 26 марта по 14 апреля), практически совпадавшая с ними по времени, но достаточно самостоятельная по своей организации и проведению в жизнь. Наконец, когда все они уже были завершены либо близились к этому, началась Крымская операция (с 8 апреля по 12 мая). Крупнейшими из указанных операций зимой и весной 1944 года были Корсунь-Шевченковская и Крымская; превосходить их могла лишь только Ленинградско-Новгородская операция, вошедшая в историю под названием “Первый удар”.

Сделаю оговорку. В свое время было принято называть главные наши операции 1944 года на советско-германском фронте “десятью ударами”. Соответственно, освобождение Правобережной Украины в феврале—марте 1944 года именовалось “Вторым ударом”, Крымская — “Третьим”. И хотя позже эти названия вышли из употребления и помнит их лишь старшее поколение советских граждан, я считаю возможным напомнить о старой терминологии. (...)

Директивами Ставки предусматривалось вначале разгромить противника в восточных районах украинского Правобережья, окончательно

отбросить его от Днестра и выйти на рубеж Южного Буга (до Первомайска) и реки Ингулец (от Кривого Рога до устья).

В дальнейшем, развивая наступление, выйти на линию Луцк, Могилев-Подольский, Днестр; одновременно ликвидировать крымскую группировку врага и освободить Крым.

Конкретно фронтам приказывалось: 1-му Украинскому (Н.Ф. Ватулин) — нанести главный удар на Винницу и Могилев-Подольский, частью сил на правом крыле фронта — на Луцк, а на левом — на Христиновку, чтобы совместно с войсками 2-го Украинского фронта окружить и уничтожить сильную корсунь-шевченковскую фашистскую группировку, удерживавшую каневский выступ; 2-му Украинскому (И.С. Конев) главный удар намечалось нанести на Кировоград, Первомайск и частью сил на Христиновку. Ближайшая задача — совместно с войсками левого крыла 1-го Украинского фронта разгромить врага, оборонявшего каневский выступ. Не снималась с него и поставленная ранее Ставкой задача — содействовать 3-му Украинскому фронту в разгроме противника у Кривого Рога. Решению этой задачи Верховный Главнокомандующий придавал важное значение в связи с огромной экономической ролью Криворожского промышленного района. 3-й (Р.Я. Малиновский) и 4-й (Ф.И. Толбухин) Украинские фронты должны были, действуя по сходящимся направлениям, ликвидировать никопольско-криворожскую группировку врага, в дальнейшем, развивая наступление на Первомайск, Николаев и Одессу, освободить все наше Черноморское побережье. Одновременно 4-му Украинскому фронту предстояло освободить Крым. С этой целью привлекались также Отдельная Приморская армия, сформированная 15 ноября 1943 года из соединений Северо-Кавказского фронта, Черноморский флот, Азовская военная флотилия и партизанские отряды Крыма.

Эти планы опирались на прочную реальную основу. Крупные победы, одержанные осенью 1943 года, ярко демонстрировали возросшую мощь Советских Вооруженных Сил. Повысилась маневренность войск, улучшилось управление ими, выросла ударная и огневая сила. То, чем мы располагали в третью военную зиму, стояло качественно несравнимо выше того, что мы имели в начале войны. Огромный боевой опыт накопил Генеральный штаб. В начале 1944 года отдел по использованию опыта войны был преобразован в управление. Непрестанно разрабатывались пособия для офицеров, памятки воину, выпускались сборники теоретических статей по отдельным проблемам, в которых анализировалось все лучшее, достигнутое советскими войсками, становясь затем общим достоянием. 4,2 млн. человек — такова цифра пополнения,

пришедшего в действующую армию в 1944 году».

В «Воспоминаниях и размышлениях» Маршал Советского Союза Г.К. Жуков пишет:

«Для более детального ознакомления с положением на фронтах, рассмотрения и уточнения плана дальнейших наступательных операций в середине декабря я был вызван в Ставку. Прибыл и А.М. Василевский, с которым мы встретились в Генштабе и сразу же обменялись мнениями об итогах 1943 года и перспективах на ближайший период.

Александр Михайлович выглядел усталым. Ему, как и мне, пришлось, начиная с апреля, почти непрерывно находиться в движении — то в полетах, то в поездках по фронтовым дорогам. Обстановка в это время была довольно сложная, напряженная и изобиловала чрезвычайно острыми сменами больших успехов и досадных неудач. Все это, вместе взятое, плюс систематическое недосыпание, физическое и умственное перенапряжение особенно сказывались тогда, когда мы оказывались в Москве, в тиши кабинетов, где не слышно было ни налетов авиации, ни артиллерийских обстрелов, ни тревожных докладов с опасных участков фронтов.

На декабрьском совещании в Ставке присутствовали большинство членов Государственного Комитета Обороны. Скорее, это было расширенное заседание Государственного Комитета Оборота с участием некоторых членов Ставки Верховного Главнокомандования.

Совещание было довольно длительным. В обсуждении итогов и опыта борьбы на фронтах, а также оценки обстановки и перспектив войны приняли участие А.М. Василевский и А.А. Антонов. По вопросам экономики и военной промышленности докладывал И.А. Вознесенский. О проблемах международного характера и возможности открытия второго фронта говорил И.В. Сталин. (...)

В результате глубокого и всестороннего анализа обстановки Ставка решила в зимнюю кампанию 1944 года развернуть наступление от Ленинграда до Крыма включительно.

При этом главные наступательные операции имелось в виду провести на юго-западном театре военных действий, с тем чтобы прежде всего освободить Правобережную Украину и Крым. Было решено полностью освободить Ленинград от блокады и отбросить врага за пределы Ленинградской области. На северо-западном направлении войска должны были выйти к границам прибалтийских республик. Западному

направлению ставилась задача возможно большего освобождения территории Белоруссии.

Планируя действия советских войск на зиму 1944 года, имелось в виду главные средства и силы сосредоточить на 1,2,3-м и 4-м Украинских фронтах, чтобы создать там более значительное превосходство над противником и в короткие сроки разгромить войска групп армий “Юг” и “А”».

Сегодня существуют совершенно противоположные мнения о роли Г.К. Жукова в Великой Отечественной войне. Однако, заглядывая в хронику деятельности Маршала Советского Союза в эти годы, невозможно отрицать его важную роль в планировании и осуществлении стратегических замыслов в период 1941—1945 гг. Об этом говорят следующие факты.

С 24 сентября по 29 сентября 1943 года работал в Ставке ВГК в Москве.

С 27 сентября по 3 декабря координировал действия Центрального (с 20 октября — Белорусского) и Воронежского (1-й Украинского) фронтов по разгрому киевской группировки противника и овладению городом Киев.

1 октября — в штабе Воронежского фронта.

2 октября — утром выехал на Центральный фронт в 60-ю и 13-ю армии.

2—3 октября — на Центральном фронте. 5 октября — на Воронежском фронте в 27-й армии. 7—8 октября — в штабе Воронежского фронта. 8 октября — на Воронежском фронте в 27-й армии, в 3-й гвардейской танковой армии.

10 октября — в 40-й и 27-й армиях, в 4-й и 3-й гвардейских танковых армиях.

11 октября — в 38-й армии.

17 октября — в штабе Воронежского фронта.

23 октября — на 1-м Украинском фронте и в 38-й армии.

25 октября — переезд к Коневу (2-й Украинский фронт).

27 октября — в армиях 2-го Украинского фронта.

28 октября — 2 ноября — на 1-м Украинском фронте.

2 ноября — переезд на 2-й Украинский фронт, в 7-й и 37-й армиях и 5-й гвардейской танковой армии.

3 ноября — в 37-й и 7-й гвардейской армиях.

5 ноября — на 1-м Украинском фронте в 38-й армии.

6 ноября — был в Киеве.

12—13 ноября — на 1-м Украинском фронте в 3-й гвардейской танковой армии.

С 4 по 12 декабря работал в Ставке ВГК в Москве.

С 12 по 31 декабря работал на 1-м и 2-м Украинских фронтах.

16 декабря — на 1-м Украинском фронте.

17 декабря — в 18-й Воздушной армии, 3 8-й армии, в 3-й гвардейской и 1-й танковых армиях на 1-м Украинском фронте.

22 декабря — на 1-м Украинском фронте в 38-й армии. С 1 января по 18 февраля 1944 года координировал действия 1-го и 2-го Украинских фронтов.

2 января — в 17.45 на 2-й Украинском фронте.

3 января — в 5-й гвардейской армии.

7 января — в 17.00 на 1-м Украинском фронте.

Вот как описывает свое прибытие на подопечный фронт сам Георгий Константинович:

«Сначала я решил поехать на 1-й Украинский фронт, чтобы передать решение Ставки и помочь спланировать предстоящие действия войск.

Н.Ф. Ватутин, как я уже говорил, был прекрасный штабист. Он обладал завидной способностью коротко и ясно излагать свои мысли и к тому же имел на редкость красивый и четкий почерк. Большинство важных приказов, директив и донесений Верховному Главнокомандованию он писал сам. Я как раз застал его за составлением директивы о переходе в наступление главной группировки войск фронта в общем направлении на Винницу.

Николай Федорович работал в жарко натопленной хате, накинув на себя теплую бекешу. Посмотрев на него, я понял, что ему явно нездоровилось.

Коротко познакомив Н.Ф. Ватутина с решением Ставки о развертывании действий на ближайший период и заслушав его последние коррективы к плану действий войск фронта, я посоветовал ему принять что-нибудь и сейчас же лечь, чтобы быть вполне работоспособным к началу наступления. Он согласился.

Выпив стакан крепкого чая с сушеной малиной и приняв пару таблеток аспирина, Николай Федорович ушел к себе в комнату. Мы с начальником штаба А.Н. Боголюбовым направились в оперативный отдел штаба, чтобы еще раз как следует разобраться в обстановке и проверить готовность войск к действиям.

Не прошло и десяти минут, как раздался телефонный звонок. А.Н. Боголюбов взял трубку. Звонил Н.Ф. Ватутин, приглашая его зайти. Я решил пойти вместе с А.Н. Боголюбовым. И мы вновь увидели Н.Ф. Ватутина за рабочей картой предстоящего наступления.

— Мы же договорились, что вы пойдете отдохнуть, а вы опять за работой?

— Хочу написать донесение в Ставку о ходе подготовки к

наступлению, — ответил Николай Федорович.

Насильно выпроводив его из рабочей комнаты, я предложил все необходимое выполнить начальнику штаба, тем более что это была его прямая обязанность. (...)

1-му Украинскому фронту в то время противостояла группировка противника в составе 30 дивизий, в том числе 8 танковых и одной моторизованной. Командовал войсками генерал танковых войск Э. Раус. Вражеское командование все еще мечтало ликвидировать советские войска, овладев большим плацдармом западнее Днепра и Киевом.

Во второй половине ноября противник, как я уже говорил, захватил Житомир и неоднократно пытался опрокинуть соединения 1-го Украинского фронта и прорваться к Киеву. Но эти настойчивые попытки не увенчались успехом. Больше того, в результате своих безрассудных действий немецкие войска понесли колоссальные потери, которые в отдельных дивизиях доходили до 60—70 процентов личного состава и материальной части. В результате истощения сил и средств гитлеровское командование прекратило наступление, но все еще не отказывалось от намерения вновь захватить Киев и выйти на Днепр. Ставка Верховного Главнокомандования потребовала от 1-го Украинского фронта подготовить и провести Житомирско-Бердичевскую операцию по разгрому противостоящей 4-й танковой армии противника и отбросить ее к Южному Бугу. На усиление 1-го Украинского фронта Ставкой были переданы 18-я, 1-я танковая армия, 4-й гвардейский и 25-й танковые корпуса.

К началу решающих операций 1-й Украинский фронт имел 1-ю гвардейскую, 13, 18, 27, 38, 40 и 60-ю общевойсковые армии, 1-ю и 3-ю гвардейские танковые армии. Всего 63 стрелковые дивизии, 6 танковых, 2 механизированных корпуса, 3 кавалерийские дивизии.

Замысел наступательной операции войск фронта был таков: разгромить противника в районе Брусилова и выйти на рубеж Любар — Винница — Липовая.

60-я армия генерала И.Д. Черняховского, усиленная 4-м гвардейским танковым корпусом, имела задачу наступать из района Малина и выйти на реку Случь на участке Рогачев — Любар. 13-я армия генерала Н.Л. Пухова получила задачу наступать в направлении Коростень — Новоград-Волынский. 40-я и 27-я армии наносили удар на Белую Церковь и далее на Христиновку, где и должны были соединиться с войсками 2-го Украинского фронта.

Поддержку войск фронта с воздуха осуществляла 2-я воздушная армия генерала С.А. Красовского.

Утром 24 декабря после 50-минутной артиллерийской и авиационной подготовки войска главной группировки фронта перешли в наступление. Оборона противника не выдержала удара наших войск, и немецкие войска начали отход. В связи с создавшимися благоприятными условиями во второй половине дня были введены в дело 1-я и 3-я гвардейские танковые армии. К исходу 30 декабря фронт прорыва расширился до 300 километров, а глубина его достигла 100 километров. Были освобождены Коростень, Брусиллов, Казатин, Сквир и много других городов и населенных пунктов.

Наступавшие войска завязали бой на подступах к Житомиру, Бердичеву, Белой Церкви. Немецкому командованию пришлось принимать экстренные меры, чтобы закрыть образовавшуюся брешь, для чего сюда было переброшено 12 дивизий из других групп армий («Север», «Центр» и групп армий «А»).

31 декабря был вновь освобожден Житомир. Развернулись тяжелые бои за Бердичев — крупный узел железнодорожных и шоссейных коммуникаций. Здесь действовали войска 1-й танковой армии генерала М.Е. Катуква и 18-я армия генерала К.Н. Леселидзе. Ввиду слабой организации боя 1-я танковая армия понесла потери, успеха не добилась, и лишь 5 января, после вмешательства Н.Ф. Ватутина, Бердичев был освобожден».

Но вернемся к мемуарам Маршала Советского Союза А.М. Василевского:

«На южном крыле советско-германского фронта гитлеровцы имели в начале 1944 года одну из своих наиболее крупных стратегических группировок. Против четырех советских Украинских фронтов на участке от реки Припять до берегов Черного моря действовали: группа армий “Юг” генерал-фельдмаршала Манштейна (4-я и 1-я танковые, 8-я и 6-я полевые армии) и группа армий “А” генерал-фельдмаршала Клейста (3-я румынская и 17-я немецкая армии, 44-й немецкий отдельный армейский корпус. Эти войска поддерживались авиацией 4-го воздушного флота. Всего в обеих группах было 1,76 млн. солдат и офицеров, 16 800 орудий и минометов, 2200 танков и штурмовых орудий, 1460 самолетов. По строжайшему приказу Гитлера они любой ценой должны были удержать за собой богатейшие хлебные районы Правобережной и западных областей Украины, Никополь с его предприятиями по добыче и переработке марганца, Криворожский бассейн, богатый железной рудой, и Крым, прочно прикрывая коммуникации южного крыла германо-советского фронта. Гитлеровское командование еще надеялось на восстановление своей обороны и по Днепру. Вот почему оно с таким упорством стремилось удержать за собой корсунь-шевченковский плацдарм, выгодный для нанесения флангового удара как по левому крылу 1-го Украинского, так и по правому крылу 2-го Украинского фронтов, а также плацдарм южнее Никополя, который прикрывал Криворожский бассейн и позволял нанести удар на Мелитополь по тылу 4-го Украинского фронта и пробиться к крымской немецко-румынской группировке».

Примечательно, что еще в декабре 1943-го командующего Белорусским фронтом К.К. Рокоссовского срочно вызвал к аппарату Верховный Главнокомандующий, который сказал, что у командующего 1-м Украинским фронтом ситуация складывается неблагоприятно.

— Противник перешел там в наступление и овладел Житомиром, — с тревогой и раздражением в голосе подчеркнул Сталин. — Если так и дальше пойдет, то гитлеровцы могут ударить и во фланг войскам Белорусского фронта.

— Какие будут приказания? — спросил Константин Константинович.

— Вам необходимо немедленно выехать в штаб 1-го Украинского фронта в качестве представителя Ставки, разобраться в обстановке на месте и принять все меры к отражению наступления.

— Слушаюсь, товарищ Сталин.

За считанные минуты подготовлена и соответствующая директива Ставки ВГК № 30 260:

«...Копия: командующему войсками 1-го Украинского фронта 9 декабря 1943 г. 00 ч 10 мин. В связи с прорывом противника в направлении Черняхов, Потиевка, Малин не исключена возможность распространения его вдоль р. Тетерев к северо-востоку и угрозы левому крылу Белорусского фронта. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает лично Вам, в качестве представителя Ставки, немедленно выехать в штаб 1-го Украинского фронта (Святошино) с задачей: 1. Ознакомиться на месте с создавшейся обстановкой и мероприятиями командующего 1-м Украинским фронтом по ликвидации прорыва противника. 2. Совместно с т. Ватутиным наметить мероприятия по обеспечению стыка между Белорусским и 1-м Украинским фронтами. 3. Донести свою оценку обстановки на 1-м Украинском фронте, мероприятия, намеченные Вами по обеспечению стыка фронтов, и дать заключение по мероприятиям командующего 1-м Украинским фронтом...»

Перед самым выездом из-под Гомеля, где в одноэтажных домиках размещался командный пункт Белорусского фронта, Рокоссовскому вручили телеграмму с распоряжением Верховного: в случае необходимости немедленно вступить в командование 1-м Украинским фронтом, не ожидая дополнительных указаний.

В своих мемуарах Константин Константинович вспоминает о встрече с

Ватутиным не без легкого юмора:

«Штаб фронта располагался западнее Киева — в лесу, в дачном поселке. Ватутин был уже предупрежден о нашем прибытии. Меня он встретил с группой офицеров управления фронта. Вид у него был озабоченный.

Н.Ф. Ватутина я знал давно: в Киевском Особом военном округе он был начальником штаба. Высокообразованный в военном отношении генерал, всегда спокойный и выдержанный.

Как я ни старался, дружеской беседы на первых порах не получилось. А ведь встретились два товарища — командующие соседними фронтами. Я все время пытался подчеркнуть это. Но собеседник говорил каким-то оправдывающимся тоном, превращал разговор в доклад провинившегося подчиненного старшему. В конце концов я вынужден был прямо заявить, что прибыл сюда не с целью расследования, а как сосед, который товарищески хочет помочь ему преодолеть общими усилиями те трудности, которые он временно испытывает.

— Давайте же только в таком духе и беседовать, — сказал я.

Ватутин заметно воспрянул духом, натянутость постепенно исчезла. Мы тщательно разобрались в обстановке и ничего страшного не нашли.

Пользуясь пассивностью фронта, противник собрал сильную танковую группу и стал наносить удары то в одном, то в другом месте. Ватутин вместо того, чтобы ответить сильным контрударом, продолжал обороняться. В этом была его ошибка. Он мне пояснил, что если бы не близость украинской столицы, то давно бы рискнул на активные действия.

Но сейчас у Ватутина были все основания не опасаться риска. Помимо отдельных танковых корпусов, две танковые армии стояли одна другой в затылок, не говоря об общевойсковых армиях и артиллерии резерва ВГК. С этим количеством войск нужно было наступать, а не обороняться. Я посоветовал Ватутину срочно организовать контрудар по зарвавшемуся противнику. Ватутин деятельно принялся за дело. Но все же деликатно поинтересовался, когда я вступлю в командование 1-м Украинским фронтом. Я ответил, что и не думаю об этом, считаю, что с ролью командующего войсками фронта он справляется не хуже, чем я, и что вообще постараюсь поскорее вернуться к себе, так как у нас и своих дел много. Ватутин совсем повеселел.

Меня несколько удивляла система работы Ватутина. Он сам редактировал распоряжения и приказы, вел переговоры по телефону и телеграфу с армиями и штабами. А где же начальник штаба фронта? Генерала Боголюбова я нашел в другом конце поселка. Спросил его, почему

он допускает, чтобы командующий фронтом был загружен работой, которой положено заниматься штабу. Боголюбов ответил, что ничего не может поделывать: командующий все берет на себя».

То, что происходило по ту сторону южного крыла советско-германского фронта, достаточно достоверно изложил в своих мемуарах командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн:

«Развитие событий в первые дни января вынудило меня 4 января вылететь в Ставку фюрера, чтобы наконец добиться от Гитлера разрешения на переброску крупных сил с правого фланга группы армий на левый. Я начал с того, что охарактеризовал ему новую опасность, возникшую в Днепровской дуге, а также крайне критическое положение на участке 4 танковой армии.

Затем я подробно объяснил ему наш замысел: атаковать противника, наступающего на фронте этой армии с флангов, силами 3 тк 1 танковой армии с востока, а силами 26 та, перебрасываемого за северный фланг 4 танковой армии, с северо-запада. Я сразу сказал Гитлеру, что намеченные контрудары в лучшем случае временно устранят нависшую угрозу, однако ни в коем случае не могут укрепить на длительный срок положение на северном фланге группы армий. На всем южном крыле Восточного фронта нависнет смертельная опасность, если нельзя будет восстановить положение на северном фланге группы армий. Группа армий «Юг» и группа армий «А» очутятся тогда в Румынии или на Черном море. Если, таким образом, главное командование не может выделить в наше распоряжение крупные силы, отвод южного фланга группы армий для высвобождения сил, необходимых для имеющего решающее значение северного фланга, что, конечно, повлечет за собой сдачу Никополя (а следовательно, и отказ от Крыма), нельзя больше откладывать.

Я хотел бы здесь добавить, что оставление восточной части Днепровской дуги, по мнению командования группы армий, было лишь первым шагом по пути переноса главных усилий на северный фланг группы армий, что единственно отвечало общей обстановке.

Для того чтобы провести такую перегруппировку в необходимых больших масштабах, следовало значительно сократить фронт на юге. Командование группы армий поэтому предусмотрительно уже отдало приказ о разведке и начале оборудования оборонительной позиции на запад от занимаемой линии фронта, что, естественно, было известно Гитлеру. Эта позиция проходила от нижнего течения Буга в общем северном и северо-

западном направлении, с использованием удобных рубежей рек, до южной границы района, в котором в настоящее время северный фланг группы армий вел ожесточенные бои. Занятие этой линии означало бы сокращение примерно наполовину фронта 6 и 8 армий, которые в результате удерживания Днепровской дуги растянули его на 900 км. Такое значительное сокращение фронта и связанная с ним большая экономия сил (в сочетании с переброской 17 армии из Крыма на континент) дадут наконец возможность сосредоточить необходимое количество сил на северном фланге. Несмотря на это, южный фланг сохранил бы достаточно сил для того, чтобы удерживать упомянутую выше линию даже против значительно превосходящих сил противника. Конечно, и противник высвободил бы силы. Однако сокращенный и достаточно обеспеченный войсками фронт на юге, на котором можно было бы создать устойчивую оборону, даже при массированных атаках противника мог бы доказать, что “оборона сильнее наступления”. С другой стороны, противник в связи с тем, что мы разрушили железнодорожную сеть, вряд ли сможет в такой же степени и теми же темпами перебросить силы со своего южного фланга в район западнее Киева, чтобы добиться здесь превосходства своих сил.

Естественно, лишь оставление Днепровской дуги создало бы предпосылку для такого значительного отвода сил на южном фланге германской армии. Просить о ней Гитлера сейчас уже было бы совершенно нецелесообразно. (...)

Так как в таком широком кругу, в каком обычно проходили “доклады об обстановке”, дальнейшая дискуссия с Гитлером не обещала успеха, я попросил разрешения переговорить с ним только в присутствии начальника Генерального штаба. С явным неудовольствием, недоверчиво ожидая, что я ему теперь преподнесу, Гитлер дал свое согласие. Представители ОКВ, Геринга, адъютанты, секретари Гитлера, а также оба стенографа исчезли. Последние обычно должны были записывать каждое слово, произнесенное во время этих докладов об обстановке. Так как перед ними не было карт, они, правда, часто совсем не могли попятить, о чем идет речь. Я вылетел в Ставку фюрера, задавшись целью наряду с вопросом об обстановке на фронте группы армий еще раз поднять вопрос об общем руководстве военными действиями в этой войне.

После того как все присутствующие, кроме генерала Цейтлера, ушли, я попросил у Гитлера разрешения говорить совершенно открыто.

Ледяным тоном, насупившись, Гитлер ответил: “Пожалуйста”. Я начал со следующих слов: “Надо ясно отдавать себе отчет, мой фюрер, в том, что чрезвычайно критическая обстановка, в которой мы сейчас находимся,

объясняется не только неоспоримым превосходством противника. Она является также следствием того, как у нас осуществляется руководство военными действиями”. По мере того как я произносил эти слова, лицо Гитлера стало принимать напряженное выражение. Он уставился на меня таким взглядом, который говорил об одном: теперь он хочет подавить твою волю, заставить тебя замолчать. Я не припоминаю, чтобы я когда-либо видел взгляд, который так передавал бы силу воли человека. (...)

Таким образом, мне пришлось вернуться, ничего не добившись ни в отношении облегчения положения группы армий, ни в отношении разумного урегулирования вопроса о нашем Главном командовании. Однако это никак не означало, что мы отказались от борьбы за то, чтобы наконец добиться свободы маневра для нашего фланга в Днепровской дуге, и за усиление северного фланга нашей группы армий.

В связи с отрицательными результатами переговоров в Ставке фюрера для группы армий не оставалось ничего иного, как продолжать борьбу в Днепровской дуге. На ее северном фланге необходимо было действовать так, чтобы сорвать попытки противника окружить 4 танковую армию и прорваться в южном направлении, в результате чего были бы перерезаны тыловые коммуникации южного фланга.

Противник с неослабевающей силой в течение всего января продолжал в Днепровской дуге атаки на позиции, которые мы все еще должны были удерживать. С особой силой он обрушивался на восточный участок 8 армии. Но и на участке, занимаемом теперь 6 армией, войска вынуждены были непрерывно отражать вражеские атаки. Они велись как в направлении на позиции, расположенные в Днепровской дуге, фронтом на север, так и с юга против никопольского плацдарма».

«Под ударами 1-го Украинского фронта враг откатывался на запад, — напишет Г.К. Жуков. — Это заставило командование немецких войск собрать группу войск в районах Винницы и Умани для контрудара по 38,40-й и 1-й танковой армиям. Завязалось новое большое сражение.

Наши войска перешли к обороне, пытаясь расстрелять противника с места огнем и ударами с воздуха. Но, не выдержав нажима противника, сами отошли километров на тридцать назад, где и закрепились.

В итоге Житомирско-Бердичевской операции войска 1-го Украинского фронта продвинулись на глубину до 200 километров, полностью освободив Киевскую и Житомирскую области, а также ряд районов Винницкой и Ровенской областей. Левое крыло фронта охватило всю группировку противника, занимавшего крупный плацдарм в районе Канева и Корсунь-Шевченковского. Таким образом, была создана благоприятная обстановка для Корсунь-Шевченковской операции.

К середине января 1-й Украинский фронт закрепился на линии Сарны — Славута — Казатин — Ильинцы. Далее фронт поворачивал на Днепр до района Ржищева и Канева, где продолжала стоять в обороне крупная группировка немецких войск. Видимо, немецкое командование, мечтая вновь захватить Киев, не подозревало, что оно готовило само себе здесь ловушку... (...)

А теперь рассмотрим обстановку на 2-м Украинском фронте.

2-й Украинский фронт, во главе которого стоял генерал И.С. Конев... к концу декабря так же, как и фронт Н.Ф. Ватутина, получил значительное пополнение танками и самоходно-артиллерийскими установками. В состав фронта был передан усиленный 5-й авиакорпус и несколько артиллерийских частей. Это пополнение укрепило войска, но далеко не удовлетворило их потребности. Особенно малочисленными оставались общевойсковые соединения, без которых, как известно, не достигается и не закрепляется успех операций.

2-й Украинский фронт имел задачу подготовить и провести операцию, нанося главный удар на Первомайск через Кировоград. Частью сил фронт должен был наступать в общем направлении на Христиновку, где, соединившись с 1-м Украинским фронтом, разгромить противника в районе Звенигородка — Канев.

До 7 января мне не удалось побывать на 2-м Украинском фронте, так

как вынужден был заниматься на участках войск Н.Ф. Ватутина, где обстановка изобиловала сложными и опасными моментами. 7 января я прилетел в штаб 2-го Украинского фронта. И.С. Конев в это время был в районе Кировограда на командно-наблюдательном пункте.

Заехав в штаб фронта, я застал там начальника штаба фронта М.В. Захарова, который детально ознакомил меня с данными обстановки на участках фронта. (...)

После ознакомления с обстановкой в штабе фронта я позвонил И.С. Коневу и выехал к нему.

По дороге к командному пункту И.С. Конева мы отчетливо слышали звуки артиллерийского огня, разрывы авиационных бомб, рев моторов многочисленных самолетов: можно было безошибочно определить, что идут жаркие схватки с врагом на земле и в воздухе.

Поздоровавшись, я спросил Ивана Степановича, как развивается операция.

— Бьем смертным боем врага, но пока он не бросает Кировоград, — ответил И.С. Конев.

Изучив карту И.С. Конева и выслушав его обстоятельное сообщение, понял, что врагу все же не удастся удержаться в Кировограде. К исходу 7 января он был не только обойден войсками фронта, но и едва держался на южных окраинах города, где наступали 29-й танковый корпус, 29-я и 50-я стрелковые дивизии. (...)

К утру 8 января Кировоград был освобожден. Враг отходил под натиском войск фронта на запад.

На правом крыле фронта наступление 53-й армии и 4-й ударной армии не увенчалось успехом. Оно было остановлено сильными контратаками противника на рубеже Смела—Каниж.

Остановив наступление и перейдя к обороне западнее Кировограда, командование фронта перегруппировало на правое крыло фронта 5-ю гвардейскую танковую армию под командованием генерала П.А. Ротмистрова. Но из-за усилившейся здесь группировки врага она не смогла создать перелома в нашу пользу.

В связи с необходимостью проведения более капитальной подготовки дальнейших операций наступление войск 2-го Украинского фронта было приостановлено на всех направлениях, и я вернулся на 1-й Украинский фронт, чтобы вместе с его командованием взяться за подготовку Корсунь-Шевченковской операции.

Обсудив цель и задачи операции, Н.Ф. Ватутин решил создать группировку в составе 40-й армии Ф.Ф. Жмаченко, 27-й армии С.Г.

Трофименко и 6-й танковой армии генерала танковых войск А.Г. Кравченко, отличившегося при взятии Киева.

По данным немецкой трофейной карты за 24 января 1944 года, в районе корсунь-шевченковского выступа, который доходил своей вершиной до самого Днепра, находилось девять пехотных, одна танковая и одна моторизованная дивизии, входившие в состав 1-й танковой и 8-й армий немецких войск.

Эта довольно сильная группировка противника мешала 1-му и 2-му Украинским фронтам проводить дальнейшие операции в западном направлении, так как была расположена на флангах того и другого фронтов.

11 января я доложил наши соображения Верховному о плане отсечения, окружения и разгрома всей корсунь-шевченковской группировки. Верховный утвердил предложения и 12 января подтвердил свое решение директивой Ставки.

Директива предусматривала нанесение встречных ударов фронтов под основание выступа и соединение их в районе Звенигородки. Перед началом операции Ставка по моей просьбе усилила 1-й Украинский фронт 2-й танковой армией».

Для более полного понимания сложившейся обстановки на январь 1944 года будет совершенно не лишним остановиться на «Записках» командующего 2-м Украинским фронтом И.С. Конева: «В результате успешного осуществления Житомирско-Бердичевской операции войска 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Н.В. Ватутина к середине января 1944 г. вышли в район города Сарны, на подступы к Шепетовке и Виннице.

Войска 2-го Украинского фронта захватили большой плацдарм западнее и северо-западнее Днепропетровска и после Кировоградской наступательной операции отбросили противника от Днестра более чем на 100 км, выйдя на рубеж Смела, Баландино, западнее Кировограда и Новгородки. В это же время войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Р.Я. Малиновского, освободив Запорожье, продвинулись от Днестра на запад на 50—400 км.

Однако в среднем течении Днестра в районе Канева гитлеровцам удалось удержаться. В результате сложившейся на фронте обстановки образовался так называемый Корсунь-Шевченковский выступ. Оборонявшиеся немецкие войска, используя благоприятную местность, удержались в стыке между 1-ми 2-м Украинскими фронтами, нависли над смежными флангами фронтов и сковывали свободу их маневра.

Немецко-фашистское командование стремилось во чтобы то ни стало удержать Корсунь-Шевченковский выступ, упорно обороняло его, поскольку не могло примириться с окончательной потерей «Восточного вала». Было очевидно, что гитлеровский генералитет рассчитывал использовать этот выступ в качестве плацдарма для наступления с целью восстановить линию фронта по западному берегу Днестра.

Ставка Гитлера и командование группы армий «Юг» надеялись, что в связи с началом распутицы советские войска не смогут наступать в прежних масштабах, поэтому рассчитывали получить передышку на южном участке своего восточного фронта. В этот период противник все еще полагал, что ему удастся сильными ударами отбросить наши войска к Днестру, сохранить за собой богатые промышленные и сельскохозяйственные районы Правобережной Украины и установить сухопутную связь с крымской группировкой своих войск. Гитлер принимал все меры к тому, чтобы удержать Правобережную Украину. Он хорошо

понимал, что потеря ее разорвет весь стратегический фронт немецких войск. Желание иметь позиции у Днепра не в последнюю очередь объяснялось также и пропагандистскими целями, попыткой скрыть провал своих стратегических планов в войне на восточном фронте.

Гитлеровцы торопились создать в районе Корсунь-Шевченковского выступа устойчивую оборону, которая могла бы обеспечить удержание всего плацдарма и служила бы исходным пунктом на случай развертывания наступательных операций. Местность в том районе благоприятствовала обороне. Многочисленные реки, ручьи, овраги с крутыми склонами, большое число крупных населенных пунктов способствовали созданию оборонительных рубежей и отсечных позиций. Высоты, особенно многочисленные в районе Канева, позволяли хорошо организовать наблюдение.

Наиболее прочную оборону с развитой системой инженерных сооружений и различного рода заграждениями гитлеровцы создали в вершине выступа — на участке Кагарлык, Мошны. На участке Мошны, Смела передний край вражеской обороны проходил по сильно заболоченной местности. Поэтому оборона здесь состояла из отдельных пунктов, перехватывающих основные дороги. (...)

Перед войсками 1-го Украинского фронта, особенно на участке к югу от Ольшаны, оборона противника в инженерном отношении была развита слабее. На этот рубеж враг отступил только 10—12 января и поэтому не успел достаточно укрепить его. Здесь имелся ряд опорных пунктов, промежутки между которыми прикрывались заграждениями. В лесах противник устроил завалы и засеки, минировал их противотанковыми и противопехотными минами.

Придавая важное стратегическое значение удержанию Правобережной Украины, фашистское командование сосредоточило там крупные и наиболее боеспособные соединения и части — всего 93 дивизии, в том числе 18 танковых из 25 действовавших на всем советско-германском фронте.

Непосредственно в Корсунь-Шевченковском выступе на участке Тиновка, Баландино оборонялись правифланговые соединения 1-й танковой армии и левифланговые соединения 8-й полевой армии в составе 11 пехотных и 2 танковых дивизий, моторизованной бригады и 4 дивизионов штурмовых орудий.

Все дивизии противника, хотя и понесли значительные потери в предыдущих боях, были вполне боеспособны. Большая часть их длительное время находилась на советско-германском фронте и имела

большой боевой опыт.

Следует заметить, что непосредственно в выступе враг не имел крупных резервов. Однако в районе западнее и северо-западнее Кировограда держал пять танковых дивизий, две из которых были в резерве 8-й армии. К тому же в районе юго-западнее Охматова действовали три танковые дивизии 1-й танковой армии, которые вражеское командование также могло быстро перебросить в район Корсунь-Шевченковского выступа.

Наземные войска существенно усиливались авиацией; так, перед 1-ми 2-м Украинскими фронтами действовали соединения 4-го воздушного флота немцев. Всего в их составе было около 500 дневных бомбардировщиков, 260 истребителей и 240 разведывательных самолетов. (...)

В сложившейся к середине января 1944 г. стратегической обстановке ликвидация Корсунь-Шевченковского выступа стала первоочередной задачей 1-го и 2-го Украинских фронтов. Успешное решение ее позволяло осуществить общее наступление с целью полного освобождения Правобережной Украины.

Чтобы не дать возможности противнику укрепить свои оборонительные позиции и усилить группировку войск, мы должны были начать ликвидацию Корсунь-Шевченковского выступа как можно быстрее. Это вынуждало нас провести подготовку операции в сжатые сроки».

По твердому убеждению Эриха фон Манштейна, если германский фронт «в течение января смог удержаться не только в районе никопольского плацдарма, но и в Днепровской дуге», то это произошло только благодаря самоотверженности немецких войск.

В частности, он пишет:

«На левом фланге группы армий обстановка была крайне тяжелой. То, что 4 танковая армия не могла оказать сильного сопротивления натиску превосходящих сил противника и сдала Бердичев, а также отошла, чтобы создать сплошной фронт хотя бы на большей части своего участка, дальше на запад и юго-запад, было еще не самым опасным. Гораздо более опасным было то, что противник примерно к 6 января понял, как большие шансы на успех он может получить при использовании разрыва линии фронта между 1 танковой армией и правым флангом 4 танковой армии, а также большой брешью, образовавшейся между 4 танковой армией и группой армий «Центр». В этом районе действовал лишь изолированный слабый 59 ак, отступавший с боями на Ровно.

Было ясно, что русские приостановили наступление на фронте 4 танковой армии, чтобы использовать свои шансы на се открытых флангах.

Силами трех армий (18, 1 гвардейской и 3 гвардейской танковой армий) противник стремился теперь разгромить северный фланг 4 танковой армии, в то время как 60 и 13 армии русских продвигались далее к северу, осуществляя параллельное преследование в направлении на Ровно.

Одновременно противник крупными силами (1 танковая и 40 армии) продолжал наступать на юг через брешь, образовавшуюся между 1 и 4 танковыми армиями. Его передовые отряды вышли в район 30 км севернее Умани, являвшейся базой снабжения 1 танковой армии, а также на подступы к Виннице, где находился ранее штаб группы армий. За несколько дней до этого он был переведен в Проскуров, так как линии связи, проходившие из Винницы к правому флангу группы армий, в результате наступления противника оказались под угрозой. Вражеским танкам даже удалось временно заблокировать у Жмеринки важнейший путь подвоза группы армий (дороги, проходившие далее к югу, вели через румынскую территорию и имели очень небольшую пропускную способность).

Командование группы армий могло избрать в связи с создавшейся

обстановкой два пути. Следовало ли помешать дальнейшему продвижению противника в сторону почти открытого северного фланга группы армий, которое таило в себе опасность глубокого обхода его северного фланга? Или было важнее не дать противнику окончательно прорвать фронт через брешь между 1 и 4 танковыми армиями? Для того чтобы решать обе эти задачи одновременно, сил не хватало.

Мы решили сначала ликвидировать вторую опасность. Она в настоящий момент была более угрожающей. Если бы противнику дали возможность ввести в эту брешь крупные силы и нанести удар на юг через верхнее течение Буга, 8 и 6 армии оказались бы под угрозой окружения.

Дальнейшее продвижение противника в сторону северного фланга группы армий на Ровно могло лишь позже приобрести угрожающий характер. Здесь силы, которые Гитлер рано или поздно вынужден был бы сюда перебросить, в конце концов, должны были бы спасти положение.

Если бы, однако, обе армии южного фланга очутились в окружении, было бы уже невозможно вызволить их оттуда. На единственное правильное решение значительно отодвинуть назад линию фронта на южном фланге группы армий для высвобождения сил, способных преодолеть кризис на северном фланге, Гитлером по-прежнему было наложено вето.

Исходя из этих соображений, мы приняли решение сосредоточить вначале все имевшиеся в нашем распоряжении силы для нанесения удара по противнику, продвигавшемуся через брешь между 1 и 4 танковыми армиями на юг.

Эта брешь была особенно опасна потому, что прорыв противника в направлении на Умань вынудил 1 танковую армию загнуть свой западный фланг в районе юго-западнее Киева на юг. Он соприкасался теперь своими тыловыми позициями расположенной в Днепровской дуге 8 армии. Так как внутренние фланги обеих армий удерживали еще и Днепр по обе стороны от Канева, немецкие позиции образовали, так сказать, мешок, который был перевязан на севере у Днепра, в то время как его продольные стороны представляли собой обращенные на восток и на запад фронты обеих армий. Если бы противник добился успеха, используя брешь севернее Умани, ему было бы легко “затянуть” этот мешок на юге! Разумнее всего было бы, конечно, уйти из него, так как на его оборону пришлось бы бессмысленно тратить много сил. Но и здесь Гитлер не хотел добровольно уступать побережье Днепра. Он все еще надеялся нанести удар из этого выступа фронта для того, чтобы когда-нибудь снова овладеть восточной частью дуги. Поэтому этот выступ остался. Через непродолжительное время этот

“мешок” превратился в черкасский котел.

Штаб группы армий планировал нанести удар по противнику, продвигавшемуся в глубь бреши между 4 и 1 танковыми армиями с трех сторон, взяв противника в клещи.

С востока — из расположения 1 танковой армии — 7 ак наносил противнику удар во фланг. Корпус удалось высвободить из упомянутого выше выступа фронта благодаря тому, что по приказу командования группы на Днестре были оставлены только слабые прикрития. В результате этого 7 ак по крайней мере не попал затем в черкасский котел.

С запада 46 тк должен был нанести удар по другому флангу противника. Он в тот момент еще только подходил из Франции.

С юга наносил удар высвобожденный группой армий из Днепровской дуги 3 тк. Его задача состояла в том, чтобы, маневрируя, задержать и сковать противника, пока оба других корпуса не сосредоточатся для атаки».

В своем капитальном труде, кстати сказать, в одном из первых по истории Второй мировой войны, немецкий генерал Курт фон Типпельскирх лишь дополняет увиденную нами картину:

«К концу декабря войска группы армий “Юг”, прекратившие свои контрудары южнее Киева и в районе Житомира, оборонялись на извилистом, осложненном плацдармами противника и исключительно неустойчивом фронте. Противнику, пожалуй, контрудары немецких войск были только на руку, потому что они предпринимались лишь в силу необходимости временно предотвратить глубокие прорывы русских. И созданное в результате таких контрударов на какое-то время облегчение совершенно не использовалось для выпрямления линии фронта. В то время как русские для пополнения измотанных дивизий и формирования новых соединений, необходимых для предстоящих наступательных операций, располагали богатейшими резервами живой силы и техники, контрудары поглощали силы немецких войск, и восстановить их в полной мере было невозможно. Вследствие неизменного требования Гитлера удерживать по возможности более обширные районы Украины, а также его запрета эвакуировать в интересах экономии сил выступы немецкой обороны, против которых русские не предпринимали активных действий, группа армий “Юг” вынуждена была держать свое очень сильно растянутое южное крыло выдвинутым далеко вперед, а это, несомненно, таило в себе серьезную опасность. Можно было с уверенностью ожидать, что противник использует столь благоприятную для него, прямо-таки соблазнительную возможность охвата этого крыла и постарается взломать удержавшуюся лишь ценою крайнего напряжения всех сил немецкую оборону на этом

выступе...

Так оно и случилось. В рождественские дни 1943 г. первым перешел в наступление западнее Киева против 4-й танковой армии 1-й Украинский фронт под командованием Ватутина. Цель этого удара состояла в том, чтобы сделать еще более глубоким северный фланг группы армий и тем самым вынудить немцев еще больше растянуть свои силы. В ходе многодневных боев русские армии пробили в немецкой обороне у Радомышля и южнее брешь шириной 80 и Шубиной 40 км, взяли Радомышль и Брусиллов и развили успех в южном направлении. Прорыв был таким удачным, а боеспособность 4-й танковой армии (у которой после окончания ее декабрьского выступления взяли приданные танковые дивизии, направив их в тыл для пополнения) оказалась настолько ослабленной, что эта армия стала неудержимо откатываться назад. За потерей Радомышля и Брусиллова очень скоро последовала сдача Коростышева, а 1 января 1944 г. русские вновь вступили в оставленный ими 20 ноября Житомир. Затем русские перешли в наступление и севернее, до самого Коростеня, продолжая в то же время неудержимо продвигаться на запад. 3 января наступавшие русские войска достигли города Новоград-Волынский, а западнее Коростеня вышли в район Олевска и приблизились к старой польской границе, которую и перешли на следующий день. Устраняя всякую угрозу с фланга, войска левого крыла русских повернули крупными силами на юг и отбросили там удерживавших непрочную оборону немцев за линию Бердичев, Белая Церковь. Развивая наступление в западном и северо-западном направлениях, русские 12 января взяли город Сарны, а в центре, южнее Новоград-Волынского, продолжали теснить немецкие войска в направлении Шепетовки. Войска южного крыла 1-го Украинского фронта 16 января вышли в район восточнее Винницы и к Погребищенскому. Когда в результате развития ими этого удара в направлении на Умань возникла угроза, что центр и южное крыло группы армий «Юг» могут отказаться отрезанными с запада и вся оборона опрокинутой, командование ввело резервы и во второй половине января продвижение русских было остановлено. Решительным контрударом войска Ватутина были отброшены назад к Погребищенскому и Жашкову».

Глава 3.

38-Я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ

У каждой воинской части своя история и своя судьба. Есть она и у 38-й стрелковой дивизии. На сегодняшний день известны три ее формирования. Но это уже нам, внукам и правнукам участников Великой Отечественной войны. А тогда солдаты и офицеры этого соединения как максимум слышали всего про два формирования. Знали про разгром дивизии в 1944 году. Слышали о том, как она воевала под Харьковом в 1942-м. Но совершенно не догадывались о ее самом первом формировании...

38-я Донская Краснознаменная Морозовско-Донецкая имени А.И. Микояна стрелковая дивизия была впервые сформирована в 1918 году как 2-я Донская стрелковая дивизия. В феврале 1919 года в составе 1-й армии дивизия принимала участие в боевых действиях в Башкирии и Зауралье против войск атамана Дутова. В 1920 году обеспечивала доставку своими отрядами леса с Кавказа в Донбасс. Затем в составе 13-й армии вела боевые действия против армии генерала Врангеля. С октября 1920 года дивизия вела боевые действия против банд батьки Махно.

В ноябре 1920 года 2-я Донская стрелковая дивизия охраняла побережье Азовского моря, штаб дивизии в это время был развернут в Джанкое. В состав дивизии вошли части расформированной 1-й Донской стрелковой дивизии. С 7 по 27 декабря 1920 года 3-я бригада дивизии принимала участие в обороне Мелитополя, До июня 1922 года вела бои против банд Маслака, Каменюка, Попова в бывшей Донской области и Воронежской губернии. В июне 1922 года переименована в 9-ю Донскую стрелковую дивизию.

В 1930 году дивизия входила в состав Северо-Кавказского военного округа, дислоцировалась в Ростове-на-Дону, а ее подразделения размещались в Новочеркасске, Таганроге и Зернограде.

В 1936 году 9-я стрелковая дивизия, была переименована в 38-ю Донскую Краснознаменную Морозовско-Донецкую имени А.И. Микояна стрелковую дивизию. В августе—сентябре 1939 года на базе дивизии дополнительно были сформированы 158-я и 171-я стрелковая дивизии СКВО.

В мае 1941 года дивизия была выведена в Персиановские лагеря в Ростовской области, где развернута до полного штата в составе 34-го стрелкового корпуса 19-й армии. В конце мая — начале июня 1941 года соединение наряду с другими тремя стрелковыми и одной горнострелковой

дивизией СКВО была передислоцирована на Украину. Выгрузившись на станции Белая Церковь, в районе Киева, дивизия сосредоточилась в районе Трушки.

С началом войны в составе войск армии переброшена на западное направление, в район Рудня, Орша, Смоленск. Части дивизии прибывали разрозненными группами, которые немедленно вводились в бой в ходе Смоленского сражения.

«10 июля 1941 года началось ожесточенное Смоленское сражение, в ходе которого, немецко-фашистские войска понесли серьезные потери и не смогли с ходу прорваться к Москве, — рассказывает Сергей Гоман. — Во время Смоленского сражения, которое продолжалось два месяца, наш город героически защищали части 38-й стрелковой дивизии полковника Максима Гавриловича Кириллова. (...)

Хорошо обученная и укомплектованная по штатам военного времени (15 тыс. человек) дивизия являлась одной из лучших в округе. В конце мая 1941 года она в составе 34-го стрелкового корпуса 19-й армии генерал-лейтенанта И.С. Конева была скрытно перебросена на Украину, в район Белой Церкви, где занималась боевой подготовкой в лесных палаточных лагерях. 1 июля 1941 года нарком обороны маршал С.К. Тимошенко приказал И.С. Коневу срочно перебросить войска армии на западное направление, в район Рудни, Орши и Смоленска. Под непрекращающимися бомбежками, в условиях острой нехватки подвижного состава и огромных пробок на станциях и перегонах переброска 19-й армии сильно затянулась. Из 350 эшелонов за две недели прибыло в районе выгрузки лишь 130, а сами станции выгрузки войск в связи с быстрым продвижением врага все дальше отодвигались на восток, на 100—150 км от заранее намеченных районов сосредоточения. В результате — ни одна из дивизий не была собрана в полном составе. Разрозненные батальоны и полки совершали изнурительные марши к фронту, не имея тылов, прикрытая с воздуха, с минимальным количеством боеприпасов.

Штаб 38-й СД, снецчасти и 48-й Зерноградский стрелковый полк майора П.И. Шеремета к 15 июля выгрузились на ст. Ярцево, Вышегор, 29-й Новочеркасский стрелковый полк полковника М.П. Бовды двумя батальонами прибыл на ст. Кардышево и Колодня, а один его батальон майора Б.С. Апояна оказался восточнее Ярцево. 343-й Ростовский стрелковый полк майора М.И. Алхимаина к 12 июля прибыл на ст. Красный Бор, западнее Смоленска. В итоге 38-я оказалась раздробленной на три части и была с ходу введена в бой с прорвавшимися немецкими танками.

Наиболее трагично сложилась судьба последних двух частей 38-й стрелковой дивизии. С 16 июля они вошли в состав 16-й армии генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина и до 30 июля вели бои за Смоленск, где полностью полети. Свыше 5 тыс. воинов 29-го и 343-го стрелковых полков,

приданных двух батарей 134-го дивизиона ПТО и 214-го легкого артполка навеки остались в земле, защищая Смоленск. Лишь несколько десятков бойцов 5 августа пробились из окружения через Соловьеву переправу и вынесли знамя 343-го стрелкового полка, и полк снова вскоре возродился в составе родной 38-й дивизии.

16 июля в районе Ярцево противник высадил крупный парашютный десант — около тысячи специально подготовленных диверсантов с танкетками и минометами. Оседлав шоссе Москва—Минск, десантники устремились к железнодорожной станции и к мостам. Путь им преградили две сотни бойцов истребительного батальона, которые в неравном бою почти полностью погибли, но на время задержали парашютистов. Ночью 17 июля в район Ярцево приехал генерал-майор К.К. Рокоссовский, который приказал полковнику М.Г. Кириллову уничтожить гитлеровцев. Для выполнения этой задачи комдив располагал 48-м стрелковым полком, выгрузившимся на ст. Свищево, 70-м отдельным разведывательным батальоном капитана Г.И. Колесникова, а также несколькими батареями 214-го легкого артполка. Максим Гаврилович Кириллов грамотно организовал взаимодействие частей дивизии, враг был разгромлен. Большая часть немецких десантников погибла в бою, несколько десятков попало в плен. Вечером 18 июля в боевом донесении, отправленном в штаб Западного фронта, сообщалось: “38-я дивизия выполнила свою задачу по уничтожению вражеского десанта в районе Ярцево”.

Но на западном берегу Вопи, на железнодорожной станции продолжался бой. Около роты десантников, укрывшись за толстыми каменными стенами старых построек, пытались продержаться до подхода своих. Огневые точки фашистов были уничтожены огнем гаубиц поставленных на прямую наводку, и утром 19 июля Ярцево было полностью очищено от противника.

Но в тот же день со стороны Духовщины подошла 7-я немецкая танковая дивизия генерал-майора фон Функа и атаковала не успевших закрепиться воинов 38-й дивизии. Двое суток бойцы М.Г. Кириллова вели неравный бой с танками и мотопехотой гитлеровцев на улицах Ярцева. К вечеру 20 июля на помощь подоспела направленная из резерва 101-я танковая дивизия Героя Советского Союза полковника Г.М. Михайлова. Не вся ее бронетехника выдержала форсированный марш — из 132 танков и 16 бронемашин до поля боя дошло лишь 59 танков, в том числе 7 “КВ”. Они и возглавили контратаку 101-го мотострелкового полка дивизии. Немцы были выбиты из Ярцево на западный берег Вопи. В последующие двое суток противник подтянул к городу дополнительно еще и 20-ю моторизованную

дивизию генерал-майора Цорна и усилил атаки вдоль железной дороги и шоссе Москва—Минск. К исходу 22 июля после ожесточенной бомбардировки с воздуха части 38-й и 101-й дивизий не смогли сдержать атаку фашистов и были оттеснены из города в леса юго-восточнее Ярцево. Командующему оперативной группой войск генерал-майору К.К. Рокоссовскому пришлось приложить немало усилий и проявить мужество и выдержку, чтобы задержать отход измотанных непрерывными боями людей, организовать оборону, а потом контратаку, чтобы вернуть утраченные позиции.

В последнюю неделю июля в районе Ярцево кипели не прекращающиеся бои. О степени их ожесточенности говорит тот факт, что с 22 июля по 2 августа железнодорожная станция Ярцево восемь раз переходила из рук в руки и в конце концов осталась за 38-й дивизией. За это время перед ее фронтом фашисты потеряли 3570 солдат и офицеров убитыми и ранеными, 16 человек пленными, 5 танков, 15 орудий, 50 автомашин, 6 мотоциклов, 34 миномета, 48 пулеметов и сбитыми 5 самолетов. Немалыми были и потери дивизии. С 8 августа группа войск генерал-майора К.К. Рокоссовского переформируется в 16-ю армию, и 38-я входит в ее состав. Вскоре в дивизию вернулся пополненный после боев за Смоленск 343-й стрелковый полк. Чуть раньше на базе батальона 29-го стрелкового полка был развернут полк трехбатальонного состава. Теперь вся 38-я опять была в сборе и удерживала Ярцево до 5 октября. С 7 по 13 октября дивизия сражалась в оперативной группе генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина в Вяземском окружении, где и погибла. Приказом наркома обороны от 27.12.1941 г. она была расформирована «Как погибшая на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками»».

Во второй раз 38-я стрелковая дивизия была сформирована зимой 1941—1942 гг. в Среднеазиатском военном округе, в Алма-Ате, сначала как 460-я стрелковая дивизия. И только 31 марта 1942 года она стала называться 38-й.

В мае 1942 года в составе 28-й армии Юго-Западного фронта участвовала в Харьковской наступательной операции. В июне 1942-го вела оборонительные бои на рубежах рек Северский Донец и Оскол. В июле 1942 года 38-я стрелковая дивизия была выведена на переформирование.

Уже в конце месяца соединение было переброшено под Сталинград, где с конца августа 1942 года закрепились на южной окраине города и вели оборонительные бои до начала контрнаступления.

1 марта 1943 года 38-я стрелковая дивизия была преобразована в 73-ю гвардейскую Сталинградскую дивизию.

В третий раз 38-я стрелковая дивизия была сформирована в мае 1943 года на базе стрелковой бригады в Россоши, в Орловском военном округе. В июле она вошла в состав действующей армии. В сентябре 1943 года в составе 40-й армии Воронежского фронта отличилась в наступательных боях на харьковском направлении.

В марте 1944 года дивизии было присвоено почетное наименование «Днестровская», а в апреле ее наградили орденом Красного Знамени.

Но что примечательно. Если с 1918-го по 1-е декабря 1941-го 38-й стрелковой дивизией командовали всего 4 командира (в том числе 2 комдива, 1 полковник), то с декабря 1941-го по март 1943-го — 3 командира (2 генерал-майора и 1 полковник). А дальше — больше: с мая 1943 года по май 1945 года — 3 генерал-майора, 6 полковников и даже 1 подполковник.

Думаю, что эти цифры говорят сами за себя. И о том, как воевали, и о том, как командовали. Не зря в книге «Отцы-командиры» А.З. Лебединцев честно напишет:

«Наша военная история еще не все оценила и не сказала настоящей правды. А тогда, выступая в поход, мы даже не знали, кто командует армией, ибо командующих на ней с сентября 42-го по март 43-го сменилось пять человек. Все неудачи на фронте решались снятием, перемещением, отстранением, переводом военачальников, а не надлежащим обеспечением вооружением, боеприпасами и умением организовать и провести операцию и бой».

А вот что он расскажет про одного из тех десяти комдивов той самой 38-й стрелковой дивизии:

«Командир нашей дивизии полковник Богданов А.В. как-то незаметно был отстранен от командования. Никто не называл причин. Уже будучи на пенсии, я задал этот вопрос бывшему начальнику оперативного отделения штаба дивизии, в то время майору Петрову В.И. Он снятие Богданова объяснил так: “Почти все командиры дивизий, принимавшие участие в формировании, получили звание Героя Советского Союза, а нашему комдиву и начальнику штаба подполковнику Хамову не дали даже обязательных для всех офицеров боевых орденов. Богданов высказал это в резкой форме командующему 27-й армией генерал-лейтенанту Трофименко, возможно, сказал и об урезывании нашей “геройской” разнарядки. Но после того, как я узнал о пленении штаба и роты связи 29-

го полка, думаю, что, видимо, и этот грех свалили на него, чтобы не привлекать к ответственности тех, кто посадил небоеспособную дивизию в оборону”.

Назначен Богданов был на нашу дивизию приказом командующего Воронежским фронтом 28 сентября, а отстранен 21 ноября 1943 года. После кратковременного состояния в резерве 6 февраля он был назначен с понижением командиром 995-го полка 309-й стрелковой дивизии и был убит в бою 20 апреля 1944 года».

Согласно уточненным данным «Книги потерь» («Великая Отечественная без грифа секретности»), за все годы войны наша армия потеряла: 400 — командиров сухопутных дивизий и бригад (погибшими и умершими) и 163 — пропавшими без вести. А всего получается — 563 командира сухопутных дивизий и бригад. Поистине страшная цифра!

Одной из таких жертв войны по стечению обстоятельств, а не иначе, окажется полковник Короткое Андрей Данилович. О нем мне совсем немного рассказывали ветераны дивизии. Но я, в очередной раз находясь в подольском архиве, все же решил ознакомиться с его биографией, чтобы лучше понять то, о чем придется говорить.

Итак, Андрей Данилович Короткое — родился 17 октября 1899 года в селе Колдино Каргапольского района Челябинской области. В январе 1944-го ему было 44 года. В документах значится: из крестьян (профессия — хлебопашество). Там же указано, что с 1918 года по 1919 год служил в Белой армии рядовым. В 1936 году исключался из партии за сокрытие социального происхождения. Позже был восстановлен. В Красной Армии с августа 1919 года. В том же году вступил в партию (п/б № 1 996 792).

Бытность в походах: «На Восточном фронте против Белой армии Колчака — 1919. По ликвидации бандитизма на Украине, главным образом банды Махно 1920—1921». Ранений и контузий не имел.

Образование: гражданское — 6 классов или 3 группы; военное — повторное отделение Командного состава Киевского пехотного училища — 1926 год; курсы при ВВА им. Ворошилова — 1943 год.

Женат.

Службу в РККА начал красноармейцем на Восточном фронте в 3-м Крепостном полку в августе 1919 года. Затем там же помощник командира взвода до декабря 1919 года.

С 1920 г. — командир взвода 185-й отдельной бригады Восточного фронта, а затем Харьковского военного округа. В 1921-м — курсант школы политруков 11-й стрелковой дивизии Харьковского военного округа.

Далее, как в документе:

«552 с(трелковый) п(олк) 11 с(трелковой) д(ивизии) ХВО — политрук 1921-3 — 1921-4.

62 стрелковый полк 7 с.д. ХВО—политрук 1921-4 — 1921-8.

60 с.п. 7 сд. ХВО — политрук 1921-8 — 1922-7.

20 сп. 7 сд. ХВО — политрук 1922-7 — 1923-3,
20 сп. 7 ел. УВО — политрук 1923-3 — 1925-9.
При Киевском пехотном училище УВО отдела среднего состава
1925-9 — 1926-8.
20 сп. 7 сд. УВО — политрук 1926-8 — 1927-6.
20 с.п. 7 сд. УВО — Врид. пом. ком. полка по полит, части. 1927-6 —
1927-7.
20 сп. 7 ел. УВО — политрук 1927-7 — 1927-10.
20 сп. 7 сд. УВО — командир роты 1927-10 — 1928-12.
20 сп. 7 сд. УВО — ответственный секретарь партбюро полка 1928-12
— 1929-12.
285 сп. 95 сд. УВО — командир роты 1931-10.
30 отдельный пулеметный батальон КВО, командир учебной роты
1931-10 — 1934-1.
32 У(крепленный) р(айон) — командир 14 отд. пупьроты 1934-1 —
1935-3.
52 УР КВО пом. командира 30 отд. пульбата (пулеметного батальона)
1935-3 — 1936-9.
45 стр. див. командир батальона 1939.28.5. ХВО 06.37.
Проскуровское с/пулем. уч(илище) командир батальона (19) 40.27.4.
НКО 01818 и (19) 40.15.2. КОВО 0311».

Воинские звания до войны:
«майор» — 1938 г. НКО № 0251 и «подполковник» — 1940 г. №04 658.
Награды до войны: медаль «XX лет РККА».

Из аттестации на майора Короткова А.Д. (командный, пехота, ВУС
№2):
«Должности и обязанностям командира батальона соответствует.
Достоин назначения для самостоятельного командования батальоном
УРА».

«Военную присягу 1939.23.2».

18 февраля 1942 года подполковника Короткова назначают командиром
835 стрелкового полка 237 стрелковой дивизии (Сибирский военный округ
18 февраля № 008).

27 мая 1942 года он — командир 835 сп 237 сд 2-й резервной армии.
25 октября 1942 года он — командир 835 сп 237 сд Воронежского
фронта.

20 марта 1943 года Коротков — исполняющий), д(олжность).
заместитель командира дивизии (№ 0141 38 Армии).

13 апреля 1943 года (НКО № 02 686) присвоено очередное воинское

звание «полковник».

Распоряжением Воронежского фронта от 9 мая 1943 года направлен на учебу в ВВА им. Ворошилова.

3 января 1944 года назначен командиром 38-й стрелковой дивизии (приказом 27 Ар.).

В годы войны был награжден орденами: Александра Невского, Красного Знамени, Ленина.

Так в самом первом представлении Короткова к награде говорилось:

«В наступательных боях с войсками немецко-фашистских захватчиков 835 стрелковый полк под командованием тов. КОРОТКОВА нанес чувствительные потери живой силе и технике противника.

За время боев 27.1.43 г. по 3.2.1943 г. его полк уничтожил до 1900 солдат и офицеров, автомашин — 400, мотоциклов — 244, орудий — 28, минометов — 64, пулеметов — 52, велосипедов — 640, лошадей — 610, повозок — 750 и другие.

Захватил солдат и офицеров 1190, автомашин — 515, мотоциклов — 270, орудий — 26, минометов — 40, раций — 8, пулеметов — 75, велосипедов — 400, лошадей — 910, повозок — 1680 и другие.

В ожесточенных боях с противником полк занял 10 населенных пунктов.

Проявил смелость, и умение вождения войск в современной войне.

Представляется к правительственной награде ордену Красного Знамени.

Командир 237 стрелковой дивизии полковник Дьяконов

*Начальник штаба 237 стрелковой дивизии полковник
Мароль*

6 февраля 1943 г».

(ЦАМО.Ф. 33. Оп. 682525. Д. 468. Л. 385).

А вот что говорилось во втором наградном листе:

«В наступательных боях с 27.1. по 3.2.1943 года 835 стрелковый полк под командованием тов. КОРОТКОВА А.Д. нанес чувствительные потери живой силе и технике противника, за что тов. Коротков представлен к Правительственной награде ордену Красное Знамя.

В дальнейшем 835 стрелковый полк вновь нанес значительные удары

противнику и занял важные укрепленные пункты.

В ночь на 3.3.1943 года 835 сп с боем занял город СУНДЖА, захватив при этом следующие трофеи: автомашин — 50, тракторов — 12, тягачей — 7, орудий — 4, складов с зерном — 5, складов с картофелем — 6 и типографию.

За время боев за СУНДЖА полком уничтожено до 150 солдат и офицеров противника, автомашин — 30, пулеметов — 7, лошадей — 50 и взято в плен 2 солдата.

В ночь на 7.3.1943 г. 835 си после решительной атаки занял укрепленный пункт СВЕРЛИКОВЩИНА. В бою за этот пункт уничтожено до 300 солдат и офицеров противника, орудий — 3, лошадей — 50, повозок — 40, пулеметов — 12, захвачено трофеев: орудий — 4, пулеметов — 7, лошадей с повозками — 30 и другие, захвачено пленных — 2.

В результате четкого и правильного взаимодействия танков, артиллерии и пехоты полк всегда выполняет точно задание.

Достоин вторичной правительственной награды ордена “Александр Невский”.

Командир 237 сд

Генерал-майор Дьяконов

9 марта 1943 г.»

(ЦАМО. Ф.33. Оп. 682526. Д. 366. Л. 269).

Трудно себе представить, но факт остается фактом, согласно все той же «Книге потерь», в годы войны наша армия потеряла всего 566 начальников штабов сухопутных дивизий и бригад. В том числе 345 — погибшими и умершими, 221 — пропавшими без вести.

Начальником штаба 38-й стрелковой дивизии был Петр Филиппович Хамов. Он родился 17 декабря 1913 года в с. Подгорном Мраковского района Башкирской АССР. Русский. Член ВКП(б) с 1937 года. В 1931 году окончил 9 классов. В Красной Армии с 25 сентября 1931 года. В 1934 году окончил Военную Ульяновскую бронетанковую школу.

Далее его прохождение службы было следующим:

«Командир взвода танкового батальона 14 механизированной бригады МВО 00107 31.7.34.

Командир взвода Учебного танкового батальона 13 механизированной бригады МВО 007 7.1935 г.

Командир роты 31 отдельного танкового батальона 13 механизированной бригады ЗабВО МВО 22.9.37 г.

Помощник командира батальона по с/ч 33 отдельный танковый батальон ЗабВО 0102 19.2.40 г.

Слушатель академии Фрунзе НКО 03235 16.7.1940 г.

Офицер Генштаба Красной Армии НКО 02673 17.9.41 г.

Офицер при штабе — Генштаб Красной Армии НКО 03431 29.5.42 г.

В распоряжении Центрального штаба партизанского движения НКО 02987 3.5.43 г.

Начальник штаба 38-й стрелковой дивизии НКО 0312415.5.43 г.».

Присвоение воинских званий:

«лейтенант НКО 0038/п 13.1.1936 г.

старший лейтенант НКО 0685 28.3.39 г.

капитан НКО 04009 27.11.41 г.

майор НКО 06878 11.11.42 г.

подполковник ГУК НКО 01659 23.10.43 г.».

В 1943 году награжден орденом Красного Знамени.

Начальников отделений управлений сухопутных дивизий за годы войны было потеряно гораздо меньше, чем командиров дивизий (бригад) и начальников штабов дивизий (бригад). Однако и им досталось несладко. Всего начоперов было потеряно 313 человек (в том числе 160 — погибли и умерли, 153 — пропали без вести).

Начальником 1-го отделения (оперативного) штаба 38-й стрелковой дивизии был Василий Иванович Петров.

Родился 2 (15) января 1917 года в с. Чернолесское Ставропольского края в семье служащего, русский. В 1935 г. окончил 10 классов средней школы, а в 1937 года — «2 курса Орджоникидзевского педагогического института».

Спустя десятилетия Василий Иванович так расскажет о своей довоенной жизни:

«Как ни покажется странным сейчас, я мечтал с детства стать учителем. Да-да, не удивляйтесь. После окончания педагогического техникума два года преподавал в школе, поступил в пединститут. А в 1939 году отменили все отсрочки студентам, учителям — и меня призвали в армию».

Начал свою службу В.И. Петров рядовым бойцом в кавалерии. Как пишет его фронтовой товарищ Л.З. Лебединцев: «Затем были учеба в полковой школе, первая командная должность — командир отделения, первая награда — знак “Отличник РККА” (в ту пору весьма редкий и почитаемый, так как приказ о награждении подписывался народным комиссаром обороны). В 1941 году, в самый канун войны, Петров окончил краткосрочные курсы младших лейтенантов — и сразу на фронт. В боях под Одессой был ранен и эвакуирован в Сочинский военный госпиталь».

После излечения он направляется в 72-ю Кубанскую казачью дивизию. Первоначально Петров командует сабельным взводом в 193-м кавалерийском полку, сражается на Керченском полуострове. Там, напомню, в мае 1942 года советские войска потерпели тяжелое поражение. С трудом эвакуировавшиеся из Крыма остатки дивизии стали основой для формирования 40-й отдельной мотострелковой бригады, и Петров, уже начальник разведки кавполка, назначается начальником штаба отдельного мотострелкового батальона, а позднее получает должности командира батальона автоматчиков и заместителя начальника штаба бригады по

оперативной работе.

40-я бригада была брошена на удержание Туапсинских горных перевалов, через которые рвались гитлеровские егеря к Черному морю. Бои носили упорный характер при острой нехватке боеприпасов и продовольствия, так как их подвоз осуществлялся по горным тропам и бездорожью. Но воины бригады не только выстояли, но и нанесли противнику невосполнимые потери. Из многих соединений Северо-Кавказского фронта только 40-я бригада да одна стрелковая дивизия были награждены орденами Красного Знамени.

В январе 1943 года части бригады во взаимодействии с соседними соединениями перешли в решительное наступление. Освобождали город Апшеронск, станицы Нефтяную, Рязанскую, Старокорсунскую, а 12 февраля вместе с подразделениями 31-й стрелковой дивизии овладели столицей Кубани — Краснодаром.

В майские дни 1943 года все штабы стрелковых, мотострелковых и горнострелковых бригад были переброшены под Воронеж в состав Степного резервного фронта для формирования здесь стрелковых дивизий. Капитан Петров по преемственности теперь назначается начальником оперативного отделения штаба 38-й сд (третьего формирования под этим номером с начала войны).

Части, укрытые в лесных массивах, получали личный состав, вооружение и боевую технику. На оперативное отделение штаба дивизии лета плавная обязанность по организации учебы поступающего пополнения. Шло боевое сколачивание подразделений, все учения сопровождалось стрельбой из стрелкового оружия, огнем артиллерии и минометов».

Вот, например, как характеризуют капитана Петрова в должности помощника начальника штаба по оперативной работе 40-й отдельной мотострелковой бригады в самом первом представлении к награде командир и начальник штаба:

«В борьбе с немецкими оккупантами проявляет мужество, отвагу и геройство.

С 3 по 9.8.1942 г. будучи нач. Штаба 3-го Батальона в районе Армавир, а затем с. Лабинская лично сам неоднократно руководил наступлением отдельных подразделений.

3.8.42 г. под Армавиром батальоном было уничтожено 7 танков противника, до 2-х взводов автоматчиков. В районе Лабинская уничтожено: 1,5 батальона пехоты, 6 бронетранспортеров, 5 средних танков, 3 миномета и сбит 1 самолет.

3.8.42 г. батальон по приказу отошел из Красная Поляна (Армавир) на следующий рубеж обороны, при отходе был убит комиссар батальона и остался в селении. Капитан Петров сам лично с 5-ю бойцами через 6 часов после боя, ночью возвратился в село, занятое противником, и вынес убитого комиссара.

22.8.42 г. Бригада находилась в с. Баговской с целью выяснения действий противника и уточнения его сил. Тов. Петрову было задание связаться с партизанскими отрядами Тульского, Мостовского, Кошехабльского районов. Тов. Петров с 3-мя красноармейцами проехал более 200 км в тылу противника, связался со всеми отрядами и доставил ценные сведения о противнике.

Капитан Петров достоин Правительственной награды — Ордена Красной Звезды.

Командир бригады (подпись)

Начальник штаба (подпись)

1.11.42 г».

(ЦАМО.Ф. 33. Оп. 682525. Д. 232. Л. 236).

Второй наградной лист, уже на майора Петрова, подписал начальник штаба 38-й стрелковой дивизии майор Хамов:

«Майор Петров, за время боевых действий 38 стрелковой дивизии, работая начальником оперативного отделения штаба дивизии, многократно, мужественно и умело выполнял ответственные поручения командования дивизии, в боях под городом Сумы, Гадяч, контролируя выполнение приказа командования, непосредственно в передовых подразделениях способствовал успешному развитию боевых действий.

При форсировании реки Днепр оперативно и умело организовал управление частями дивизии в боях на правом берегу реки Днепр в районе высоты 205, 2, под огнем противника, обеспечил выполнение боевого приказа командования 343 стрелковым полком.

За мужество, проявленное в боях под городом Сумы и городом Гадяч, при форсировании реки Днепр, за умелое оперативное управление частями дивизии достоин награждения орденом «Отечественной войны 2 степени»» (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1103. Л. 245).

В 38-й стрелковой дивизии командиром 70-й отдельной разведроты служил лейтенант Зайцев. Человек, в соединении известный, но не столько по своей должности, сколько по своим боевым заслугам.

Родился он в д. Сутопов Данковского района Рязанской области в 1924 году. В 1941 году окончил педагогическое училище в г. Лебедянь и в октябре ушел на фронт. Вот только уже 28 ноября война для него временно закончилась. Сам Алексей Николаевич вспоминает об этом не без юмора:

«Середина ноября 1941 года. Собрали нас, человек 18, и сказали, что надо выполнить правительственное задание. Отправили копать окопы для артиллерии. Грунт уже начал подмерзать. Стали мы лопатами, даже ломов не было, рыть те траншеи и котлованы. Дырку пробиваешь, а потом корку разламываешь... Тяжело, но работаем, стараемся. Прилетела немецкая “рама” — самолет-разведчик. Сделал пару кругов и улетел. Мы опять за работу. Вскоре появились самолеты, начали кружить и, завалившись набок, сбрасывать бомбы. Вот одна из них меня и накрыла.

Так и закончилось мое участие в обороне Москвы.

Выкопали меня, вытащили... Сколько тогда наших погибло — я и не знаю. Оказался в госпитале. Очнулся, вижу: военные ходят, губами шевелят. В голове у меня чириканье, как птички на кусте поют. Потом тиканье часов. Я начал писать врачам, что со мной происходит. Женщина-врач, лечившая меня, написала в ответ на листочке, что я молодой и должен победить болезнь. До конца февраля я пробыл в госпитале.

А мне без трех месяцев 18 лет. Из документов имелся только комсомольский билет. Увидел одного военного с медалью, при ремнях, подошел к нему. Он мне объяснил, как рапорт писать. Начальник госпиталя прочел и приказал подойти завтра. Так я с бумагами оказался в военкомате. А это уже начало 42-го года. На полтора месяца дали отпуск, чтобы подлечился.

И вот нас восьмерых собрали в военкомате. Я всех по фамилиям помню... Все ребята толковые были, а меня старшим назначили. Я их в училище доставил, документы сдал, сам в госпиталь пошел. Там соврал, что чувствую себя хорошо, что в голове уже не чирикает и не тикает. Так я оказался в Саранском пулеметном училище.

Быстро овладел “станкачом”. Приказали готовить стрельбы с закрытых позиций, это когда мишени за бугром. Я все должен был точно

рассчитать. Установили ростовые мишени, прибыли офицеры... Зарядили ленту из тридцати патронов. Я нажал и отпустил, ведь пулемет при стрельбе сам плавно идет. Расстояние — 400 метров. Пошли проверять. Из десяти мишеней три были поражены. Это результат. Училище я окончил не младшим лейтенантом, как остальные из нашей группы, а лейтенантом».

По распределению лейтенант Зайцев попал на Воронежский фронт командиром пулеметного взвода (31 мая 1943 г.). А это уже была Курская дуга. Именно там юного лейтенанта и послали в разведку.

«Времени на подготовку было несколько часов. Даже познакомиться толком с разведчиками не успел. В 23.00 мы шестеро — все фамилии навсегда запомнил — пошли в разведку. Вышли с кукурузного поля на скошенное пшеничное и поползли. В ночном небе вспыхивали и зависали осветительные ракеты. Нейтральную полосу длиной метров 400 преодолевали около двух часов. До бруствера первой траншеи доползли незамеченными. Внезапно над траншеей возник силуэт... «Шо цэ? Чугун на колу чи фриц в каске?» — шепотом спросил у меня разведчик Жиленко. Немец, а это был наблюдатель, что-то заподозрил. Я приказал стрелять, а сам спрыгнул в траншею. Тут же на меня навалился другой немец. Здоровенный, как медведь. Я успел вывернуться, но он рассек мне ножом бровь и ранил в правую руку. Я оказался чуть проворнее, успел выстрелить в него из пистолета. Пока изымали документы, появились еще немцы. Завязался рукопашный бой в траншее. Крикнул своим, чтобы отходили, а сам, дав очередь, выскочил из траншеи, да не на нашу сторону. Где там разберешься? Начал выбирать, наблюдая за позициями немцев. Они стреляли, и по траассирующим пулям можно было определить, где находятся огневые точки. До своего попка добрался только на рассвете. Меня встретили как воскресшего, думали, что я погиб, как и Марков с Бугаевым...

Конечно, если быть честным, тот поиск не удался. Хотя пользу принес. Ведь получилось что-то вроде разведки боем. Однако меня это не утешало. Тогда я услышал про неписанный закон разведчиков: сколько уходит в поиск, столько и вернуться должно — живыми, ранеными или мертвыми».

В сентябре 1943 года лейтенанта Зайцева назначили в 48-й стрелковый полк 38-й стрелковой дивизии командиром взвода пешей разведки, а уже в ноябре того же года — командиром разведроты дивизии. За ту же осень — три боевых ордена.

Первой наградой разведчика стал орден Красной Звезды:

«Лейтенант Зайцев за период боевых действий полка во время форсирования реки Днепр и при расширении плацдарма правобережья,

командуя работой автоматчиков 48 стрелкового полка, первым со своей ротой переправился на правый берег и закрепился на нем. В одну из атак, превосходящими силами противника Зайцев воодушевил личным примером своих бойцов и повел роту в контратаку, уничтожив 115 немецких солдат и офицеров и занял высоту.

В дни расширения правобережного плацдарма Зайцев несколько раз водил роту в атаку, уничтожая живую силу и технику противника и имея успех.

Представляю к Правительственной награде ордену Красной Звезды.

Командир 48 стрелкового полка майор Кузминов

19 октября 1943 г».

(ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д 1108. Л. 23).

Следующими стали два ордена Красного Знамени, один из которых разведчик получил вместо звания Героя Советского Союза:

«Командир взвода пеших разведчиков лейтенант Зайцев с 24 по 25 сентября 1943 г., получив приказ на разведку обороны противника на правом берегу Днепра, на переплавных средствах, поделанных из подручного материала, пользуясь вечерними сумерками, под сильным огнем противника первым форсировал реку без потерь. Точно установил передний край обороны и расположение огневых точек противника.

29 сентября 1943 г. противник силами до батальона, пользуясь сплошным туманом, перейдя в контратаку на стык 48 стрелкового полка и 165 стрелкового полка 61 стрелковой дивизии, вклинился в нашу оборону. Лейтенант Зайцев со своим взводом сильным огнем из винтовок и автоматов задержал часть наступающего противника, перешел в контратаку уничтожил до роты немецких солдат, чем сорвал наступление немцев и дал возможность другим подразделениям удержаться на занятых рубежах правобережья.

Представляю к высшей правительственной награде, званию — Герой Советского Союза,

25 октября 1943 г.

Командир 48 сп майор Кузминов»

(ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1103.

Л. 227).

Глава 4.

**48-й СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК 38-й
СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ**

В книге «Отцы-командиры» бывший помощник начальника штаба 48-го полка А.З. Лебединцев так воспроизводит события осени 1943 года:

«Заканчивался октябрь 1943 года. Наш плацдарм так и не удалось расширить, чтобы нанести удар по Киеву, однако мы смогли приковать на этом участке фронта десять вражеских дивизий, в том числе пять танковых и одну моторизованную. 30 октября наша дивизия была выведена в резерв командующего 27-й армией. Передав свою полосу 155-й стрелковой дивизии, наши части сосредоточились на западной окраине Григоровки, в которой за полтора месяца непрерывных боев все строения были разрушены или сожжены. Повсюду торчали только остовы печей с трубами, а жители переселились в погреба и подвалы.

3 ноября совершенно неожиданно в полку снова появился майор Бунтин, снятый за трусость под Сумами, а теперь снова восстановленный в командовании полком, а майор Кузминов откомандировывался в распоряжение командарма, где получил полк в 180-й стрелковой дивизии. Особого церемониала прощания с полком не было. Бунтин эти три месяца где-то в другой гвардейской дивизии исполнял обязанности заместителя командира полка и даже не считал, что это было для него понижением. Начальник артиллерии майор Бекетов при первой же встрече с Бунтиным заявил о том, что служить под его началом не намерен, и подал рапорт о переводе в другую часть. Его просьба была удовлетворена, так как 23 октября был подписан Указ о присвоении ему звания Героя.

До полка дошел слух о том, что дивизия выводится в резерв на доукомплектование. Одновременно из штаба дивизии позвонил подполковник Хамов П.Ф. и разговаривал со мной почти открыто о получении полком пополнения, обмундирования и переброске его к переднему краю. Я был немало удивлен такой неосторожностью с его стороны и забывчивостью соблюдать скрытность управления. Как позже выяснилось, и по радио велись почти открытые разговоры о прибытии на плацдарм новых сил, тогда как ночами стали выводить с него 3-ю гвардейскую танковую армию.

Уже 3 ноября штабом дивизии было приказано батальон под командованием Кошелева провести несколько раз колонной в Большой Букрин, чтобы его прохождение было наблюдаемо немцами с переднего края, а отвод в тыл проводить скрытыми балками. Читатель еще

познакомится с моим рассказом о выдвигании штабных подразделений из хутора Полтавского в сторону Ново-Ротовки на виду у противника. Так получилось и теперь. Спускаясь с холма, мы трижды подвергались обстрелу вражеской артиллерии и несли потери в живой силе и лошадях. Я сам участвовал в этих маршах и всякий раз сообщал по телефону о потерях подполковнику Хамову. Однако все повторялось снова.

4 ноября мы получили зимнее обмундирование и переодели в него наших солдат и сержантов. К вечеру приказано было передать их с вооружением в другую дивизию, которая оставалась на плацдарме, а офицерскому составу и спецподразделениям приказано было следовать по маршруту: Зарубинцы—Вьюнище—Мал Каратуль. Ночью по наплавному мосту мы переправились на левый берег и прибыли в Переяслав-Хмельницкий. Неожиданно вместо следования в тыл нас повернули на север, и 7 ноября мы встретили в селе Ерковы, где был митинг и вручение орденов и медалей за форсирование — тех орденских знаков, какие оказались у дивизии в наличии...

Потом прошли Рогозов и Борисполь. С 8 на 9 ноября снова на лодках переправляем подразделения боевого обеспечения через Днепр в районе Вита-Литовская в Ходосовку и далее следуем на Дмитривичи—Безродичи—Нещеров—Обухов—Красное, и к 12 часам 10 ноября полк сосредотачивается в Козиевке. А на следующий день полк занимает рубеж обороны за селом Долина.

Как читателям, возможно, известно, наши войска, нанеся стремительный удар с Лютежского плацдарма, 7 ноября освободили столицу Украины Киев. Войска Воронежского фронта начали развивать наступление в западном и юго-западном направлениях. Левый фланг наступавших войск оставался открытым от Днепра, а там еще удерживалась вражеская группировка вокруг Букринского плацдарма. И командование решило бросить на прикрытие фланга нашу небоеспособную дивизию, совсем лишенную пехоты. Приказ есть приказ. Его нужно выполнять, хотя в данном случае правая рука не ведала, что делает левая. Зачем тогда нужно было передавать солдат в другую дивизию на плацдарме? Дивизия оказалась в пределах Обуховского района Киевской области. Странная ситуация: ничего не знаем ни о противнике, ни о своих соседях. Штаб сначала разместился в Щербаневке, потом перешел в село Долина. Командиры подразделений вышли за село и своим присутствием “обозначили” оборону, подстелив на снег соломки и установив пулеметы на открытых позициях. Хорошо хоть артиллеристы были укомплектованы наполовину, да еще были связисты и разведчики. (...)

С небольшого села Долина и только в наш полк 14 ноября мы призвали 72 человека. Только однофамильцев Кияница было 13 человек, Киященко и Плюта по 9 и т.д. Поступило пополнение в количестве 100 человек из Киева, 40 человек из Сумской области и из других областей Украины, так что мы смогли укомплектовать полностью два стрелковых батальона. В командование ими вступили старшие лейтенанты Кошелев А.В. и Лысынчук М.Ф. (...)

Оба они ходили по дворам и призывали под наше Боевое Знамя всех, кто остался дома, и тех, кто успел подрасти за два года оккупации. В чем были дома военнообязанные, в том и вышли на оборону своего родного села со своими лопатами. Когда вырыли окопы, им вручили винтовки, автоматы, пулеметы. Некоторые по месяцу и более оставались в своих кожухах или жупанах, а то и свитках, треухах и “взуттях”. Некоторые так и погибли в десяти километрах от дома под Германовской Слободой, где за 27 и 28 декабря дивизия потеряла 132 человека убитыми и 285 человек ранеными...»

За годы войны наша армия потеряла погибшими и умершими 2545 командиров сухопутных полков. 1114 командиров полков пропали без вести в горниле сражений. А всего — 3659!

Только по этой причине Иван Михайлович Бунтин мог быть назначен командиром 48-го стрелкового полка.

Он родился в августе 1907 года в селе Хованщина Пензенской области. Из рабочих.

Член ВКП(б) с 1930 г. (п/б № 2162 457).

Образование:

«9 классов Батумской средней школы в 1937 г.; Полтавская Военно-Политическая школа — полный курс в октябре 1933 г.; 2-месячные курсы преподавателей истории ВКП(б) при Академии им. Ленина в 1938 г.».

В Красную Армию призван в 1929 году Беловским РВК Пензенской области.

Прохождение службы:

«Курсант — 5.1930 г.

Политрук батареи 1-й артполк 1-й Кавказской СД — 10.1933 г.

Политрук батареи 25 СП 1 Кавказской СД — 5.1934 г.

Исполнял должность преподавателя истории — Тбилисское Военное училище. Зак. ВО № 99 от 2.9.37 г.

Секретарь парторганизации 1-й Дивизии Тбилисского горно-артиллерийского училища. По училищу 364 25.12.38 г.

Военком 542 Легко артиллерийский Полк. ПУРККА № 04 263 25.9.39.

Военком 423 га. Артиллерийский полк 2 га. Артиллерийской дивизии ВС Южн. фр. 01642 от 24.6.1942 г.

Слушатель курсы «Выстрел» МВО НКО СССР 0947 11.2.1943 г.

Командир полка 48 стрелковый полк 38 СД 2 Укр. Фр. 4.1943 г.».

Присвоение званий: «Старший политрук НКО СССР 01371/п — 16.8.1938 г.

Батальонный комиссар НКО СССР 00 355/н — 16.10.1939 г.

Старший батальонный комиссар НКО СССР 0657/п — 25.1.1942 г.

Майор...»

Участие на фронтах:

«Западный фронт с июля 1941 г. по февраль 1942 г., Южный фронт с февраля 1942 г. по сентябрь 1942 г., 2 Украинский фронт с апреля 1943 по

февраль 1944...»

Командиром 48-го стрелкового полка 38-й стрелковой дивизии назначен 12 марта 1943 года (011—1 Украинского фронта).

С должности командира полка отстранен 25 февраля 1944 года. До этого награжден не был.

За годы войны наша армия потеряла 2147 начальников штабов сухопутных полков, в том числе 1372 — погибшими и умершими, 775 — пропавшими без вести.

Если бы не такие потери, то Василий Васильевич Ершов никогда не стал бы занимать должность начальника штаба 48-го стрелкового полка.

Он родился 10 апреля 1911 года. В его послужной карте записано следующее:

«Бригадная школа 58 стрелковой дивизии МВО, курсант. 1933
Декабрь.

Полковая школа 147 стрелкового полка 49 с.д. МВО, курсант. 1934
сентябрь.

Рота снайперов 147 с.п. 49 с.д. МВО, командир отделения. 1934
ноябрь.

Полковая школа 147 с.п. 49 с.д. МВО, пом. командира взвода. 1935
октябрь.

Курсы мл. комвзводов 147 с.п. 49 с.д. МВО, курсант. 1936 ноябрь.

4 ср. 147 с.п. 49 с.д. МВО, командир взвода. 1937 июнь.

Курсы мл. лейтенантов 49 с.д. МВО, курсант. 1937 октябрь.

9 стрелковая рота 147 с.п. 49 с.д. МВО, командир взвода. 1938
апрель...

147 стрелковый полк, командир транспортной роты. 1939.01.

32 запасной стрелковый полк, командир учебной роты 1939.10.

483 стрелковый полк, начальник полковой школы. 1940.10.

48 запасной стрелковый полк, пом. нач. штаба 1941.07.

11 отдельная стрелковая бригада, пом. нач. 5 отделения. 1941.09.

11 отдельная стрелковая бригада, нач. 1 отделения. 1942.04.

Военная академия им. Фрунзе, слушатель. 1942.

48 стрелковый полк, начальник штаба. 1943.05».

Там же есть и такие записи:

«На должности пом. ком. роты может быть выдвинут в очередном порядке. На курсы усовершенствования можно послать, т.к. в этом нуждается. Присвоения в/звания лейтенант достоин в очередном порядке.

Занимаемой должности командира стрелкового взвода соответствует. В военное время можно использовать пом. ком. роты.

23.2.39. Принял военную присягу.

Курсы младших лейтенантов 6 мес. 1938.

Ускор. Курс ВАФр. 6 мес. 1943»,

Присвоение званий:

«младший лейтенант 1938 01531/н НКО

лейтенант 12.12.40 05 568

старший лейтенант 1941 г. 042 8 армия

капитан 8.04.1942 № 0768 ЛФ

майор 4.05.1943 02 991 НКО».

В отличие от своего командира успел Ершов получить и один орден Красной Звезды:

«С 26 июня 1941 года участвует в боях с немецкими захватчиками.

27.6.42 г. он в составе 11-й отдельной стрелковой бригады, действующей на Ленинградском фронте, будучи в должности помощника начальника 1-го отдела, все время находился в боевых порядках наступающей бригады.

6 мая 1942 г., находясь в той же бригаде, будучи начальником оперативного отдела, получил задачу с отрядом форсировать реку Неву, форсирование реки Невы произвел. Занял левый берег реки по фронту 3 километра в глубину 1 14 километра. 15 дней выдерживал невероятный натиск противника, воя личный состав в контратаки и лишь по приказу командования переправил личный состав на правый берег Невы, покинул берег противника последним. Непрерывно находился в действующих частях армии до конца 1942 года. За исключением перехода на излечение от ран.

Сейчас готовит полк и штаб к предстоящим боям с фашистами.

Командир 48 сп майор Бунтин

20 июня 1943 г.»,

(ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д.1379.Л.219).

Как можно заметить, написано это представление задним числом на другом фронте и в другой части.

Александр Захарович Лебедгашев родился 18 сентября 1922 года в станице Исправной Зеленчукского района КЧР, в семье казака-крестьянина. После окончания семилетки (1937 г.) два года работал заведующим районной библиотекой и год старшим пионервожатым средней школы. В Красной Армии с 1941 года.

В ноябре 1941-го окончил 1-е Орджоникидзевское пехотное училище. Далее ознакомимся с выпиской из его личного дела, которую он мне подарил задолго до своей смерти:

«Присвоено воинское звание “лейтенант” приказом 56 армии №011 от 01.11.1941 г.

27.1.1942 г. — командир взвода пешей разведки 1135 сп 339 сд Пр. 9 А. № 0358 от 27.12.1941 г.

Присвоено воинское звание “старший лейтенант” — приказ 56 А № 133 от 03.03.1942 г.

15.04—2.6.1942 г. — командир стрелковой роты 1135 си приказ 56 А №078 от 22.4.1942 г.

02.06—10.07.1942 г. адъютант старший стр. батальона 1135 сп 339 сд приказ 1135 сп № 07 от 02.06.1942 года.

10.07.—18.09.1942 г. откомандирован на Курсы усовершенствования комсостава ЮЗФ.

18.09.1942—01.1943 г. — командир учебного взвода на армейских курсах младших лейтенантов 47 А.

01—11.05.1943 г. офицер связи командования штаба 47 А.

06.07.1943 г. — ПНШ по тылу 48 сп 38 сд приказ Стенного фронта № 2798 от 18.09.1943 г.

07.10.43—05.1944 г. ПНШ-1 (по оперативной работе — ЗНШ полка) приказ 40 армии № 056/н от 29.5.1944 г. 2 Украинский фронт».

Дополняет все эти звания, должности и даты представление Александра Захаровича к ордену Красной Звезды:

«Старший лейтенант Лебединцев в период боевых действий полка под селением Васильевка» будучи Помощником Начальника штаба полка по разведке, получил задачу организовать сводный отряд с задачей зайти во фланг противнику и помочь наступающим подразделениям овладеть Васильевкой. Целый день шел напряженный бой, противник упорно оборонял важный объект на подступах к городу Сумы, к вечеру бой

разгорелся с новой силой, уловив удобный момент, Лебединцев с отрядом атаковал и выбил из села противника.

В этом бою отряд уничтожил до взвода солдат противника. Сам он застрелил несколько солдат и обер-лейтенанта, захватив при этом сумку со штабными документами, контрольного пленного и трофеи. Овладев и закрепившись в Васильевке, отряд в течение ночи отбил 3 контратаки противника. Работая первым Помощником Начальника штаба в боях на правом берегу реки Днепр, особенно отличился в бою 29 сентября 1943 года. Противник, перейдя в наступление, пытался во чтобы то ни стало вклиниться на стыке с соседом. В самый разгар боя он с группой бойцов выдвинулся на фланг, наладил связь и отбивал атаки противника, непрерывно информируя вышестоящий штаб об обстановке, тем самым предотвратил замыслы противника и обеспечил выполнение задачи.

Неутомимый грамотный командир, любит и ценит штабную работу. Представляю к правительственной награде ордену Красной Звезды.

Командир 48 стрелкового полка

майор Кузминов

18 октября 1943 г». (ЦАМО. Ф.33. Оп.686044. Д.1103.Л. 240).

Старший лейтенант А.В. Кошелев в 48-м полку командовал стрелковым батальоном. Как скажет о нем Александр Захарович, «воевать начал еще в Крыму сержантом, потом командовал пулеметным взводом под Туапсе, за отличия в боях был награжден орденом Красного Знамени и произведен в офицеры. Командовал стрелковой ротой, потом был заместителем командира батальона до Днепра. Теперь командовал батальоном. Образование военное у него было в пределах полковой школы, но опыта, деловой хватки и воинской доблести было вполне достаточно, чтобы занимать этот пост. Он один из комбатов, который воевал до Дня Победы, так и закончив войну командиром батальона в звании «майор»».

Более полно о комбате от Бога напишет А.Н. Зайцев:

«В армию Кошелев был призван в 1938 году, службу проходил в 48-м кавалерийском полку 6-й Чонгарской трижды орденоносной имени С.М. Буденного дивизии 6-го корпуса. Полком командовал И.А. Плиев, корпусом — А.И. Еременко.

В 1939 году красноармеец Кошелев участвовал в освободительном походе в Западную Белоруссию. Трудолюбивый, крестьянский парень, он в службе отличался старанием, в боевой учебе — прилежностью, на учениях — сноровкой и находчивостью и скоро стал в полку лучшим из лучших. Однажды комкор Еременко собрал отличников боевой учебы и в заключение беседы спросил:

— Кто из вас желает отправиться на помощь штурмующим линию Маннергейма?

Желающими оказались все.

В начале 1940 года на карельском перешейке Кошелев принял боевое крещение, получил первое ранение и первую государственную награду — медаль «За отвагу».

Свою довоенную службу он заканчивал в только что созданном Прибалтийском военном округе. Домой, в родной Георгиевск, вернулся поздней осенью 1940 года сержантом запаса.

Но недолго довелось ему заниматься мирным трудом. Грянула Великая Отечественная война. Не стал Алексей дожидаться, когда начнется мобилизация людей его возраста, и 23 июня 1941 года уже был в военкомате.

С декабря 41-го — на Крымском фронте, в составе 72-й кавалерийской

дивизии по льду форсировал Керченский пролив, освобождал города Керчь и Феодосию.

В мае 1942 года Крым пришлось оставить. На Тамани на базе 72-й кавдивизии была сформирована 40-я отдельная мотострелковая бригада. Командиром был назначен генерал Н.В. Цепляев, начальником штаба — полковник Балдынов, начальником оперативного отделения — капитан В.И. Петров.

В составе только что рожденной бригады Алексей Кошелев участвовал в жарких боях в районе Краснодара, вскоре был назначен командиром пулеметной роты.

Как-то на одной из скалистых высот близ Туапсе закрепились два стрелковых взвода и пулеметчики лейтенанта Кошелева.

Четверо суток почти непрерывно шли бои за ту высоту. В промежутках между яростными атаками фашисты бомбили ее с воздуха, обстреливали артиллерией и минометами. Около тридцати раз пытались они сбросить наших воинов с вершины, но бесполезно. Защитники высоты не отступили ни на шаг.

Когда вышли из строя все офицеры оборонявшейся стрелковой роты, лейтенант Кошелев принял командование на себя, ввел в бой пулеметный резерв и снова обратил фашистов в бегство.

На четвертый день гитлеровцы, собравшись с новыми силами, полезли в решающую атаку.

Кошелев сам лег за пулемет, уничтожил несколько десятков гитлеровцев, рядом с ним разорвалась мина, но, и раненый, он продолжал стрелять. Не прекратил огонь и тогда, когда разрывная пуля попала в бедро. К Алексею подбежала санинструктор Фатима Додоева и ужаснулась: он был весь в крови. Пыталась сделать перевязку, да где там — лейтенанта от пулемета было не оторвать...

Осталось в роте восемь человек, четверо из них — ранены, в том числе и Кошелев. Радист старший сержант А. Шелест оставил рацию ротному, а сам с тремя солдатами перебежал по траншее, с места на место, и вел огонь с разных позиций — пусть думают фашисты, что людей на высоте еще много... Но вражеские атаки не ослабевали.

Фатима рассказывала потом, что видела, как лейтенант положил рядом с собой последнюю гранату.

Догадалась, зачем.

И вдруг с левого фланга донеслось родное русское "ура!". Это пришел на выручку комсорг батальона старший сержант Тихон Ламко с группой бойцов. И снова гитлеровцы вынуждены были бежать.

Увидел это Кошелев и упал без сознания. Только тогда Фатима Додоева вместе с бойцами смогла вынести Алексея в укрытие».

К слову сказать, командиры стрелковых батальонов на фронте были третьими по потерям, после командиров стрелковых взводов (первые) и командиров стрелковых рот (вторые).

Немудрено, что наградные листы на Алексея Варламовича Кошелева имеют свою особенность: они конкретны, честны и по-своему красивы. Например, взять хотя бы этот:

«1.11.42 г. в бою за безымянную высоту, что юго-западнее вые. Рыбная с сильно укрепившимся противником (выстроил сеть Дзот) велись упорные бои в течение двух суток. Поступил приказ высоту взять штурмом. Противник открыл шквальный автоматнo-пулеметный огонь, при поддержке минометов. 2 рота, не выдержав огня, залегла и частично начала отходить.

Комроты Кошелев бросился вперед на фашистов с криком: “Ура! За Сталина!” Бойцы поднялись и смело пошли за Кошелевым, штурмуя противника. Высота была взята.

3.11.42 г. там же в бою Кошелев был ранен и эвакуирован.

Комбат майор Кузминов 9.11.42 г».

(ЦАМО.Ф. 33. Оп. 682525. Д. 455. Л. 176).

И снова мы возвращаемся к рассказу тогдашнего ПНШ-1 старшего лейтенанта А.З. Лебединцева:

«Через несколько дней капитана Осипова на должности начальника штаба полка сменил прибывший с курсов майор Ершов Василий Васильевич. Порядка представления в то время никакого не существовало. Один пришел, другой ушел — и только. Кем он был раньше, что окончил — ничего мы о нем не знали, да и он нас тоже».

Далее Александр Захарович подробно останавливается на организации штаба стрелкового полка:

«Командир полка имел штатного заместителя по общим вопросам и заместителя по политической части, ему же подчинялся и штаб во главе с начальником. Замы имели служебную категорию подполковника и оклад 1300 рублей. Начальник штаба тоже считался заместителем командира полка, и, более того, только одному ему представлялось право отдавать письменные приказания от имени командиров за своей подписью. В штабе полка имелись шесть помощников начальника штаба, сокращенно именовавшихся по номерам, от первого до шестого.

Первый помощник (ПНШ-1) — по оперативной работе. В его обязанности входило вести подсчеты боевой численности подразделений и на этой основе делать предложения об их боевом использовании. Вести запись боевых задач подразделениям при отдаче командиром устного боевого приказа. Составлять боевые донесения в штаб дивизии. Письменно оформлять все боевые распоряжения штаба от имени командира полка. Вести рабочую карту и журнал боевых действий полка. Вести учет и снабжение топографическими картами. Замещать начальника штаба в его отсутствие. Организовать службу оперативных дежурных и руководить ею. Это далеко не полный перечень его обязанностей, который сохранился у меня в памяти.

Второй помощник (ПНШ-2) являлся начальником разведки.

Третьим помощником (ПНШ-3) считался начальник связи полка.

Четвертый помощник (ПНШ-4) имел в своем подчинении двоих делопроизводителей и нескольких писарей по учету личного и конского составов. Они вели книги учета...

Пятый помощник (ПНШ-5) должен был ведать вопросами тылового обеспечения и снабжения...

И последний — ПНШ-6 — считался помощником начальника штаба по специальной связи. В его распоряжении находились кодовые таблицы для кодирования текста при передаче его по телефону и радио.

Всем ПНШ, кроме ПНШ-6, полагались звания капитана с окладом 800 рублей, и только ПНШ-6 звание старшего лейтенанта с окладом на 50 рублей меньше. Кажется, в ноябре 1943 года до полков дошло изменение штатного расписания штаба, но которому статус ПНШ-1 повышался до майорского чина и оклад его увеличивался до 850 рублей. Он уже официально начал именоваться заместителем начальника штаба полка. Начальнику штаба подчинялся еще комендантский взвод, имевший 7 человек отделения охраны, хозяйственное отделение, поваров с двумя походными кухнями для штаба и подразделение боевого обеспечения.

Соответствовали ли мы своим должностям? Скорее всего, нет, кроме чистых специалистов (связист, химик, сапер). Дело в том, что ни операторов, ни разведчиков, ни укомплектовальщиков нигде не готовили. Если на ПНШ-4 мог пойти гражданский кадровик, то оператором с кругозором полкового масштаба мог быть только человек с академическим образованием или окончивший курсы усовершенствования в полковом масштабе. Я выяснил, что Академию имени М.В. Фрунзе закончили только два из пяти наших командиров дивизий. А полками командовали лица, не имевшие полного курса пехотного училища, что же говорить о ПНШ?

Самым страшным бедствием для штаба оказалась писчая бумага, вернее, ее отсутствие, так как бумаги не было ни в полках, ни в дивизии, а тем более не было книг для учета офицеров и личного состава. Даже строевую записку и донесение в штаб дивизии написать было не на чем. Начальник штаба отпустил меня в Россошь в штаб армии, где я у офицеров и машинисток смог выпросить около сотни листов порезанных топокарт старых изданий. На их обратной стороне можно было писать деловые документы».

«26 декабря к 18 часам полки и дивизия в целом заняли исходное положение для наступления примерно в восьми километрах южнее прежнего нашего рубежа обороны, — продолжает свой рассказ А.З. Лебединцев. — Штаб разместился в Германовской Слободе. (...) Командный пункт разместился в том подземелье, а КНП командира полка — на обратном скате обрыва в землянке. 27 декабря была проведена разведка боем двумя батальонами от дивизии, но, понеся огромные потери, успеха она не достигла.

28 декабря в 4.30 части дивизии перешли в наступление, но удалось овладеть только первой траншеей. И снова повторилась прежняя тактика противника — немцы нас засыпают ручными гранатами со второй траншеи. Повторная атака в 16.30 успеха не дала. Полк потерял 132 человека и 285 ранеными. Такое же положение было и в других полках. 30 декабря нашу дивизию перемещают правее, где обозначился успех.

Страшно было видеть массу убитых и еще больше раненых на своей земле, в восьми километрах от родного дома. Все жены пришли с саночками и увезли кого на свое кладбище, а кого оплакивали здесь же и хоронили в братской могиле. Раненых увозили по домам, где им оказывалась помощь местными медпунктами и полевыми госпиталями. После войны мы были в этом селе не раз. На братской могиле, где покоится прах нескольких сот человек, воздвигнут величественный монумент с перечислением фамилий всех погибших как память и как укор бездарности генералитету и командирам полков, не умевшим воевать.

Мы продолжали наступать, и в Петровке я выехал на противоположную окраину этого большого села, где и застал комбата со своими ротными командирами. Единственный наш батальон совсем поредел, хотя в него была сведена пехота и минометчики из 2-го батальона. За последних два дня боев мы имели потери 12 убитыми и 63 человека ранеными и обмороженными. Пленные немцы были из 75-й и 198-й пехотных дивизий».

«Ночью был получен новый боевой приказ о наступлении на совхоз Селиванковский. “Ч” — час атаки был указан произвольно на 12 часов. Обычно переносы сроков начала атаки после уточнялись по телефону так: “К тому, что имеете, добавьте два”, — и получалось, что атака в два часа дня. Так было и на этот раз. С утра подвезли на машинах много боеприпасов и в один из оврагов направляющие реактивных установок “БМ-31”, чтобы нанести удар по северной окраине населенного пункта, где окопались немцы. Для нас такая поддержка была впервые, и я выехал в батальон, чтобы наблюдать за эффективностью этого нового оружия, которое досужие языки называли в противовес “катюше” “Иваном Грозным”, а немецкие шестиствольные реактивные минометы — “Андрюшей”.

Ровно в 12 часов “прорычали” “Иваны”. Сильные разрывы слышались невдалеке. Это подбодрило наших пехотинцев, и они охотно пошли в пургу в атаку с криками “Ура!”. Там снова: “Ура-а-а” — и автоматная стрельба».

Удивительная память Александра Захаровича будто специально переносит нас в то время, чтобы «врасти» в атмосферу боевой обстановки зимних дней накануне трагедии:

«Я задержался, пока телефонист отключал телефон, и начал сматывать катушку. Рядом остановился “виллис”. Я догадался, что это был комдив, так как сзади сидел начальник разведки майор Чередник. Комдив был в кожаном пальто и папахе. В этих пальто и сейчас можно увидеть на снимках крупных военачальников тех лет, например, Рокоссовского.

Полковник спросил меня: “Ты кто будешь?” Я ответил, что ПНШ-1 48-го полка. “Где Кошелев?” Я показал направление, куда ушел батальон, и он скомандовал: “Вперед!”. Это была моя первая и последняя встреча с полковником Коротковым. Немцы понесли потери убитыми и ранеными от огня реактивных снарядов и отошли на ближайшие хутора Новоблаговещенки, на которых закрепились и остановили нашу дивизию прямо в открытом поле. Эта тактика немцев будет повторяться почти две недели подряд, и наше командование было не в силах изменить ее, в связи с чем мы ежедневно несли потери не только от огня противника, но и от обморожения на снегу в открытом поле. Тогда как немцы с окраин сел всегда имели возможность отогреться в хатах, а с крыш в течение короткого зимнего дня вести огонь по нашей залегшей на снегу пехоте. До

чего же бездарным было наше командование, оставлявшее неизменной тактику действий наших частей в ту зиму, что приводило к огромным боевым потерям и обморожениям».

С горечью в сердце бывший ПНШ-1 пишет о том, как воевала пехота:

«С наступлением темноты нами подвозятся кухни с горячей едой, подбираются раненые, а немцы отходят, оставляя прикрытие, которое выпускает по нам все мины и стреляет до полуночи из пулеметов. Потом отходит и само прикрытие к следующему населенному пункту. Утром пас снова встречают немцы организованным огнем у следующего села, и все повторяется сначала. Даже когда мы наступали, не мы, а нам противник навязывал свою волю и отходил вовсе не потому, что мы его вытесняли. Теснили его на соседних участках наши танковые армии. Почему на нашем направлении не было ни одного танкового полка, чтобы хоть в полосе стрелкового корпуса он мог бы поддержать пехоту в наступлении, подавляя пулеметные точки? Командование полков и дивизий было малограмотным в военном деле, а командиры батальонов иногда выигрывали бой, но не умением, а дерзостью, внезапностью, и преимущественно ночью. Снова за хутор Новоблаговещенский полк потерял 7 человек убитыми и 38 ранеными».

И тем не менее они кое-как наступали вперед!

«Как всегда, с вечера до полуночи противник выстреливает свои выложенные на грунт боеприпасы. Но мы не ждем и обходим окружными дорогами, выходя раньше их на последующий рубеж. Однажды вечером начальник штаба приказал мне выехать на санях с ротой связи вперед, чтобы к приезду штаба была установлена связь с батальоном и поддерживающим артиллерийским дивизионом. Наступали сумерки. Из нашего села двигалась колонна гужевого транспорта, преимущественно санного. На выезде стояли несколько человек. Неожиданно слышу приказ: “Остановитесь!” Я ответил: “Мы не вашей части”. Слышу выстрел вверх, приказал съехать на обочину и подхожу к окликавшим нас. Узнаю майора Бунтина, который разразился матерной бранью и зимней рукавицей ударил меня по щеке, прикрытой опущенным клапаном ушанки. Я сразу заорал: “За что?” — “За то, чтобы лучше слышал”, — ответил он. Конечно же, причина была совсем не в этом. Сознывая свою безграмотность в военном деле и не умея написать даже расписки, он наводил на подчиненных страх. Я пригрозил завтра написать рапорт о переводе в другую часть и поехал в следующее село. Подписывая утром боевое донесение, он извинился за вчерашнюю выходку, на что я ответил, что незаслуженное оскорбление и

после извинения остается оскорблением.

Через пару дней по телефону получили приказ наступать на Савинцы. До начала атаки оставался один час. Комбат доложил, что у него остались не более 20 человек стрелков-автоматчиков. Это же только один взвод! Начальник штаба вспомнил, что недалеко от батальона была команда выздоравливающих после легких ранений и обморожения. Половина из них была без личного оружия. Возглавлял ее заместитель командира батальона старший лейтенант Хот Али Махмудович, мой земляк из Адыгеи. Ершов приказывает мне срочно выезжать и передать приказ, что в 8 часов после залпа **катюш» будет атака и се нужно поддержать ударом команды выздоравливающих со стороны Тарасовки. Я заметил, что половина из них без оружия. «Все равно всех погнать в атаку, пусть оружие добудут на поле сражения», — таков был его ответ. Мы поехали в Тарасовку без промедления. Там у походной кухни собиралась команда с котелками, а сам командир умывался на ступеньках хаты, не предвидя, что ему предстоит через несколько минут вступить в бой вместе со своим воинством, Я мигом передал ему приказание командира полка, но он начал докладывать мне то, что я доказывал только что Ершову.

Тут из-за угла выехали еще одни сани с начальником штаба. Ершов подбежал к Хоту и хотел ударить его в лицо, но из-за маленького роста не мог этого сделать и ругался на чем свет стоит. Потом повернулся и бросился ко мне. Я вынул из кобуры пистолет и пошел к походной кухне. Солдаты и сами поняли, что им предстоит делать, и быстро начали вычерпывать кашу из котелков и выходить на околицу села. Ершов на своих санях уехал в штаб, а мы побежали за село. Здесь увидели на одном из нолей бурты сахарной свеклы и решили повести своих инвалидов в обход, а не в том направлении, которое указал Ершов. В это время прорычали свою песню «катюши», и наши бывалые солдаты бросились от одной к другой кучам сахарной свеклы, оставшейся в ноле до весны не вывезенной. С этого направления противник нас не ожидал совершенно и вынужден был оставить Савинцы, отойдя на Телешовку, где наверняка и будет держать нас до самого вечера в открытом поле. В центре освобожденного поселка я встретился с комбатом Кошелевым. Вскоре подошла походная кухня, и солдаты выстроились в очередь с котелками. Я посоветовал Кошелеву принять на довольствие всю команду выздоравливающих, так как другого пополнения просто не предвиделось».

Глава 5.

**ПРИБЛИЖАЯСЬ К ТРАГЕДИИ 38-й
СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ**

Этот рабочий день выдался самым обычным, что называется, рядовым. Выезжать никуда не надо. Сиди себе, работай с бумажками. Время рабочее «от и до». Вот два полковника и разговорились. А потом Александр Захарович продолжил свой, так и не законченный рассказ:

— Слушай дальше Иван, 13 января 44-го нашей дивизии приказали развернуться фронтом на восток и с утра наступать, чтобы «закрыть» окруженную группировку в районе Корсунь-Шевченковского.

Иван Дмитриевич оторвался от своих бумаг и лишь усмехнулся:

— Как это фронтом на восток?

— Приказом командира 47-го стрелкового корпуса нашей дивизии предстояло 14 января вместо наступления на юг или на запад развернуться на 90 градусов и наступать в восточном направлении, на Лисянку. Вот тут я впервые в своей жизни узнал, что можно запросто наступать и «вперед на восток!».

— И с какой же задачей?

— Наступать с утра, чтобы «закрыть» окруженную группировку в районе Корсунь-Шевченковского. Наступление начать на рассвете 14 января. При этом мой батальон — 50 активных штыков — разместился по хатам. Всю ночь разведка доносила о прогревании двигателей вражеских танков. А потом началось такое!

Не один час Александр Захарович, жестикулируя, то улыбаясь, а то и с гневом на лице рассказывал своему соседу по кабинету ту, мало кому известную историю январской трагедии 38-й стрелковой дивизии.

Выслушав коллегу, Иван Дмитриевич невозмутимо заметил:

— Я тебе, Саша, вот что скажу по этому поводу. Маршал (он, конечно же, имел в виду Москаленко) мне как-то поведал такое. Только ты смотри никому. Тебе это будет интересно. Так вот, на командном пункте армии часто бывали вместе Жуков и Ватутин. Нередко Сталин звонил по правительственной закрытой связи и требовал Жукова или Ватутина к телефону. Заслушивал их о положении дел и планах на будущее. Когда положение на фронте бывало успешным, то Жуков во время доклада говорил примерно так: «Вот мы тут с Николаем Федоровичем (Ватутиным) посоветовались и решили сделать так...» — всегда подчеркивая коллегиальность принимаемых действий. Но стоило, например, оставить Житомир войскам фронта, как он тут же в отсутствие Ватутина докладывал

Верховному совсем в другом тоне, примерно так: «Я же вам много раз докладывал, что Ватутин со своими двумя академическими дипломами всегда мнит себя маленьким Наполеончиком и не прислушивается к моим советам, когда я приказываю ему после овладения крупными городами или узлами дорог непременно закреплять завоеванное, а он только вперед и вперед...»

Когда разговор вроде бы закончился и полковники снова принялись за свои дела, Иван Дмитриевич совсем неожиданно перебросил через сдвинутые столы Александру Захаровичу расшифрованную телеграмму. Это была та самая, которую так мечтал увидеть Лебединцев.

Шифротелеграмма на бланке светло-голубого цвета была написана собственноручно рукой маршала Жукова и им же подписана 15 января 1944 года. Текст ее примерно был следующим:

«14.01. противник упредил наступление, 47-го стрелкового корпуса и нанес танковый удар в направлении райцентр Скибина, Тарица... Потеснил наши войска. Вину за отход возлагаю на командира 38-й стрелковой дивизии полковника Короткова.

Ведется следствие. Командир дивизии будет предан суду Военного трибунала. Жуков».

Как потом напишет Александр Захарович, «читатель должен знать, что снятие копий с шифровок категорически запрещается, и я не смог переписать этот текст даже в свою рабочую тетрадь с грифом “совершенно секретно”. Но эта шифровка есть, хранится в Архиве МО, и ее всегда можно там найти».

Тем не менее Александр Захарович запомнил. И даже ее светло-голубой цвет.

Из книги «Отцы-командиры»:

«31 декабря 48-й полк, сменив 42-й полк 180-й дивизии, сбил сопротивление немцев и развил наступление на Вильшанскую Новоселицу, которой с утра 31-го декабря овладел. Здесь мы встречали наступление Нового, 1944 года. Третьего Нового года в моей жизни на войне. Полк — опять громко сказано, так как снова остатки двух батальонов сведены в один батальон, которым теперь командовал Кошелев. Накануне этот комбат новел свой батальон балкой и внезапно с тыла атаковал населенный пункт Петровка, в котором располагались тыловые обозы противника. Немецкие обозы хотели встречать здесь наступление Нового года, поэтому почти в каждой крестьянской хате была установлена елочка, украшенная маленькими флакончиками с выпивкой, шоколадками и другими подарками из фатерланда. Все это досталось нашему батальону в качестве трофеев. Было кое-что и в обозе, поэтому Кошелев пригласил прислать моего писаря на санках, чтобы поделиться с офицерами штаба трофейными деликатесами. (...)

Ровно в полночь немцы “поздравили” нас несколькими залпами из 105-мм орудий. Через час наша артиллерия сделала ответный залп. Орудия находились недалеко от штаба, и их позиции немцы засекали довольно точно. Мы не успели выпить и по одной рюмке, как с той стороны полетели снаряды по огневым позициям нашей артиллерии, и разрывы оказались совсем рядом, а один снаряд попал в крышу нашего дома и взорвался на чердаке над русской печкой, на которой спал командир химзвода. От взрыва снаряда сильным ударом бревна прямо в лоб был убит совсем молоденький лейтенант. Конечно же, праздник был испорчен.

Утром 1 января я после завтрака выехал на санках в Петровку, а там уже находился командир полка, но не в силу необходимости быть ближе к своим подразделениям, а только потому, что в батальоне запахло трофеями, тем более со шнапсом. Чтобы найти командира или штаб во фронтовой полосе, не нужно спрашивать солдат о местах их нахождения, а смотреть, куда ведут провода полевого кабеля. В одной из хат в чисто прибранной комнате сидела телефонистка Дуся Лурга с телефонной трубкой, подвешенной петлей из тесемки на голове, у уха. Она сделала мне знак пальцем у губ, чтобы я без нужды громко не разговаривал, и кивком головы показала, что “сам, ноль перший” находится на русской печке.

В это время зазуммерил телефон, и она вполголоса попросила: “Товарищ ноль перший, визьмить трубку”. Оказывается, на печи тоже стоял телефон, и она присоединила перемычку провода к его клемме. Бунтин вальяжно взял трубку, назвал себя по позывному и коду должности. Дуся знала, что в таких случаях штабные офицеры всегда подслушивают разговоры и доклады старших начальников, чтобы быть в курсе полученных и отданных распоряжений, и дала мне отводную трубку. Говорил по телефону начальник штаба дивизии подполковник Хамов П.Ф. — “ноль другой “Бокала”, которому было известно о захвате нами Петровки, он тревожился за ее удержание и просил принять меры к ее обороне на случай контратаки немцев. Бунтин заверил, что все необходимые меры он принял... Внезапно в линию вклинивается новый, незнакомый голос, который сказал примерно следующее: “Петр Филиппович, если вы хотите, чтобы было все выполнено, о чем вы сказали, то попросите телефониста переключить вас на командира батальона Кошелева и передайте все это ему лично. Тогда будет все сделано непременно. Ведь Бунтин все вам врет, вероятно, с какой-либо печки, ничего лично не наблюдая”. Я подумал: не ясновидец ли комдив? Или он понял всю психологию нашего Бунтина, или, имея немалый опыт командования полком, сам поступал не раз подобным образом? Наш отец-командир не вымолвил ни слова, но я подумал, что мне нужно смываться тихо, чтобы он не увидел меня из-за “грубы”. Это была моя первая негласная встреча с “новой метлой”, то есть новым командиром дивизии».

Из книги «На Юго-Западном направлении. 1943—1945»: «Хотя гитлеровцы постепенно усиливали сопротивление, войска 1-го Украинского фронта продолжали продвигаться вперед. 3 января 13-я армия генерала Н.П. Пухова освободила Новоград-Волынский. 5 января 18-я армия и соединения 38-й армии овладели Бердичевом. На правом крыле фронта наши войска вышли на р. Случь и форсировали ее, на левом противник начал отводить свои части из кагарлинского выступа, и основная группировка 27-й армии, освободив Ржищев, соединилась с частями, оборонявшимися на букринском плацдарме. 40-я продвигалась в южном направлении. Приданный ей 5-й гвардейский танковый корпус 10 января вел бой за Звезгородку, где впоследствии, 28 января, и произошло соединение войск 1-го и 2-го Украинских фронтов.

Наиболее упорное сопротивление оказывал противник на центральном участке фронта, в полосе 38-й армии. Сюда он перебрасывал значительную часть прибывших резервов, сочетая оборону с многочисленными контратаками пехоты и небольших групп танков.

Им подвергся, в частности, и наш правофланговый 74-й стрелковый корпус после освобождения Бердичева. Одновременно вражеская авиация произвела массированные бомбоштурмовые удары по его боевым порядкам. Затем противник повторил удар и перешел к организованной обороне, после чего продвижение дивизии 74-го стрелкового корпуса в юго-западном направлении, но существу, было приостановлено.

Сильные резервы противника появились и на направлении, ведущем к населенным пунктам Потребеще, Липовец, где продолжали наступать 17-й гвардейский и 21-й стрелковые корпуса. 2 января южнее Погребище были взяты пленными из 17-й танковой дивизии. Через несколько дней там же были отмечены 6-я танковая и 101-я горнострелковая дивизии. Все они прибыли с нижнего течения Днепра.

Когда появились передовые танковые части противника, фронт передал 38-й армии в оперативное подчинение две танковые бригады 1-й танковой армии. Но этого оказалось недостаточно, так как два дня спустя в районе Плисков, Люлинцы, Кожанка было отмечено сосредоточение до 120 вражеских танков, а в районе станции Оратов — еще 80, двигавшихся на север. Таким образом, характер боевых действий и на левом фланге армии менялся. В то же время две наши правофланговые дивизии — 305-я и 183-я

вели бои в районе Бердичева, вошедшем в полосу 18-й армии.

Поэтому в преддверии встречных боев с оперативными резервами противника я обратился к командующему войсками фронта с просьбой сменить две названные дивизии и направить их в полосу своей армии для уплотнения боевых порядков и создания второго эшелона, а также дополнительно усилить армию танками.

Просьба была удовлетворена, так как генерал Н.Ф. Ватутин отлично видел, что противник наибольшее сопротивление оказывал юго-западнее Бердичева, на винницком и жмеринском направлениях, куда подходили вражеские резервы. Для ускорения их разгрома командующий фронтом решил уплотнить участки не только 38-й, но и 40-й армии. Для этого он изменил левые разграничительные линии 60-й, 1-й гвардейской, 18-й и 38-й армий. В результате войска этих армий были перенацелены с юго-западного на южное направление, а полоса 40-й армии уменьшилась. Кроме того, левофланговый участок последней передавался 27-й армии, а действовавшая там до этого дивизия перебрасывалась на правый фланг 40-й армии для нанесения удара во фланг и тыл выдвигавшейся с юга 6-й танковой дивизии.

Что касается 38-й армии, то ей совместно с 1-й танковой армией ставилась задача не только не допустить прорыва резервов противника в северном направлении, но и разгромить их, выйдя одновременно на рубеж Лировец, Ильинцы. Для этого 1-я танковая армия перебрасывалась в район юго-западнее и южнее Погребщице, а 38-й армии, кроме двух ее дивизий, возвращавшихся из полосы 18-й армии, передавались 389-я стрелковая дивизия из резерва фронта и 309-я стрелковая дивизия из состава 27-й армии. Кроме того, 31-й танковый корпус генерала В.Е. Григорьева, составлявший резерв фронта, был сосредоточен в 5—10 км юго-юго-восточнее Погребшие.

Все перечисленные мероприятия проводились в ходе наступления. Левофланговые войска 38-й армии в это время продолжали продвигаться вперед, отразив контратаки 17-й танковой и 4-й горнострелковой дивизий и не дав им сосредоточиться. Лишь вначале темпы наступления несколько замедлились, но по мере наращивания силы удара части противника все быстрее откатывались назад. Особенно резко это проявилось 7 января, когда 1-я танковая армия генерал-лейтенанта М.Е. Катуква, громя части 17-й танковой дивизии противника, овладела крупным населенным пунктом и узлом шоссейных дорог Липовец.

Характерно, что и на этот раз командный пункт танковой армии по приказанию Н.Ф. Ватутина расположился в одном населенном пункте с КП

38-й армии. Этот уже испытанный и оправдавший себя метод организации взаимодействия танкового и общевойскового штабов дал самые положительные результаты. Возможность непосредственного и постоянного общения двух командармов, начальников штабов и офицеров наилучшим образом способствовала согласованному и успешному продвижению войск на винницком направлении».

Дня тех, кто не особенно разбирается в таком вопросе, как наступление стрелковой дивизии, попробую объяснить это в «двух словах». Прежде чем дивизия переходит в наступление, по решению командующего армией командир стрелкового корпуса решает прорвать оборону противника на указанном ему участке силами своих соединений. В соответствии с этим командир корпуса устно на рекогносцировке и в письменном боевом приказе на наступление стрелковой дивизии ставит задачу на прорыв обороны противника. В приказе он указывает участок прорыва и направление главного удара. Затем определяет ближайшую и дальнейшую задачи.

Командир стрелковой дивизии заблаговременно вместе с командирами стрелковых полков и командирами частей усиления проводит рекогносцировку в полосе предстоящего наступления и на местности принимает решение на наступление.

А это значит, что он определяет направление главного удара, боевой порядок дивизии (обычно в два эшелона). Далее ставит задачи стрелковым полкам, оставляя в своем распоряжении приданные артиллерийские части.

Если время «Ч» наступления соединения переносится на дни, то части из траншей первой позиции могли быть поочередно отведены в тыл для боевой подготовки.

Штаб дивизии, получив задачу, задолго до начала наступления разрабатывает и после утверждения рассылает в войска боевой приказ на наступление, плановую таблицу боя, план артиллерийского наступления, приказание по противотанковой и противовоздушной обороне, план инженерного обеспечения боя, таблицу радиосигналов, указания о порядке занятия частями исходного положения для наступления, план разведки и программу боевой подготовки.

На основании именно этих документов и личных указаний командира стрелковой дивизии в ее полках должна была проводиться подготовка к предстоящему наступлению.

При этом основное внимание обращалось на обучение пехоты стрелковых полков...

При подготовке к наступлению дивизии на ее артиллерию обычно возлагались следующие задачи:

— в период артиллерийской подготовки уничтожение и подавление

огневых точек;

— разрушение дзотов;

— нарушение управления;

— подавление артиллерийских и минометных батарей противника и проделывание части проходов в его заграждениях.

В период подготовки к наступлению непрерывно должна вестись разведка противника. Для чего на всех наблюдательных пунктах круглосуточно должны дежурить офицеры.

Периодически должна проводиться разведка боем, в результате которой определяется начертание переднего края обороны противника, расположение минных полей и проволочных заграждений. Взять пленного и пропихнуть в первую траншею противника — большая удача. Для определения расположения минных полей за первой и второй траншеями соединения применялась стрельба осколочными гранатами гаубиц.

В плане инженерного обеспечения наступления дивизии саперные подразделения совместно с пехотой должны были оборудовать исходные позиции для наступления.

С целью организации управления войсками в исходном положении и в начале наступления готовятся наблюдательные пункты: для командира дивизии и командиров полков по два. Обязательно телефонная двухпроводная связь: дивизия—полк—артгруппа и полк— батальон. Обязательно радиосвязь до батальона и артбатареи. Кроме того, вся техническая связь дублировалась посыльными.

Из книги «На Юго-Западном направлении. 1943—1945»: «К исходу короткого зимнего дня 7 января 38-я армия очистила от противника населенный пункт Комсомольское и вела бои на рубеже Мшанец, Кумановка, ст. Голендры, Нов. Гребля, иск. Константиновка, Конюшевка, северная часть Вахновки, Королевка, Феликсовка, Липовец, северная часть Ильинцы, Дубровнинцы, Кашланы, Лукашивка. Передовые части 1-й танковой армии продвинулись на 8—10 км к западу от Липовца.

К этому времени перед 1-м Украинским фронтом всеми видами разведки было установлено 30 дивизий противника, в том числе 17 пехотных, 10 танковых (1, 6, 7, 8, 16, 17, 19, 25-я, СС “Адольф Гитлер”, СС “Райх”), одна (20-я) моторизованная и 2 артиллерийские. Хотя большинство танковых дивизий противника после понесенных ими в предшествующий период поражений имели большой некомплект, все же в их боевых порядках было отмечено до 600 танков.

Семь из названных дивизий, среди них 6-я и 17-я танковые, прибыли с других участков советско-германского фронта, появились перед войсками 1-го Украинского фронта в первые дни января и сразу же были брошены противником на наиболее опасные для него направления.

Главная группировка вражеских войск на участке Любар, Ильинцы, где активной обороной противник стремился выиграть время для подготовки оборонительного рубежа по рекам Случь, Горынь и Южный Буг, теперь насчитывала 13 дивизий, из них 7 танковых и одну моторизованную.

В полосе 38-й армии из числа вновь прибывших немецко-фашистских дивизий действовали 6-я, 17-я танковые и 4-я горнострелковая. Однако, ломая усилившееся сопротивление врага, мы вместе с 1-й танковой армией продолжали продвигаться в направлении Винницы и вскоре уже были в 15 км от этого города. Одновременно части 11-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенанта А.Л. Гетмана перерезали железную дорогу на участке Винница—Жмеринка у населенного пункта Ярышевка.

Наибольшего успеха наступавшие войска достигай 10 и 11 января. Части 38-й армии вели бои на ближних подступах к Виннице. 8-й гвардейский механизированный корпус генерал-майора И.Ф. Дремова форсировал р. Южный Буг и на его западном берегу овладел населенными пунктами Ворошиловка, Маянов, Борсков, Шершни и Тавров.

В ходе наступления перед нами стояла задача, следующим образом сформулированная в приказе командующего фронтом:

“С целью полного прекращения железнодорожного движения противника по ж.д. Жмеринка—Вапнярка и Христиновка—Таль-нос приказываю: командующим 38 А и 1 ТА немедленно выбросить диверсионные отряды на ж.д. участок Жмеринка—Вапнярка и командующему 40 А на участок Христиновка—Тальное с задачей подорвать жел. дор. мосты, жел. дор. полотно и вывести из строя эти железные дороги. Диверсионным отрядам придать специалистов саперов и снабдить их достаточным количеством ВВ”.

Приказ был успешно выполнен. При этом особенно (тончилась 1-я гвардейская танковая бригада. Она ворвалась на восточную окраину Жмеринки и, перехватив участок железной дороги, ведущей отсюда на Одессу, разрушила пути и уничтожила несколько эшелонов противника, (...)

В свою очередь, войска 40-й армии, выполняя приказ командующего фронтом, разрушили железнодорожную линию на участке Яроватка—Поташ (восточнее Христиновки). Ими было уничтожено там 8 эшелонов с вражескими войсками, танками, боеприпасами, горючим.

Уместно отметить, что Манштейн в своих воспоминаниях “Утерянные победы” пишет, что передовые отряды советских войск “вышли в район 30 км севернее Умани, являвшейся базой снабжения 1-й танковой армии”.

В действительности для гитлеровцев дело обстояло еще хуже. Снабжение по железной дороге их войск в корсунском выступе хотя и временно, но было прервано. Войска 40-й армии овладели населенными пунктами Берестовец, Краснополка, Танское, расположенными в 10—11 км северо-восточнее Умани, и с освобождением города угрожали нарушить все наземные коммуникации».

Из книги «Отцы-командиры»:

«10 января мы выступили на райцентры Ракитно и Тараща Киевской области. Далее держим направление на Звенигородку. 12 января по приказу командира 47-го стрелкового корпуса совершаем марш по маршруту Затонское—Винград--Шубены—Ставы—Толстые Роги и к исходу дня сосредотачиваемся: наш полк в Софиевке, а 29-й и 343-й сп в Ризно. Артиллерия и автотранспорт дальше двигаться не могли из-за отсутствия горючего. Противник обнаружен в райцентре Ласянке — до 15 танков и до пехотного батальона. В Погиблянке также пехота и танки. В селах отмечались окопные работы немцев.

13 января наш штаб дивизии написал в своем боевом донесении, что к 20 часам части заняли исходное положение для наступления на рубеже северо-восточнее Босовки. 48-му полку предстояло вести разведку Франкивки, 29 сп и 343 сп — наступать на Каменный Брод. Дивизии приходилось воевать с фронтом не на запад и юг, как воевали до этого, а наступать в восточном направлении.

Как читатель уже знает; минувший 1943 год для дивизии завершился серьезными потерями и снятием пас с плацдарма на доукомплектование с передачей остатков пехоты в другие части, остававшиеся на плацдарме. Вместо отправки в тыл нас снова бросают в оборону на прикрытие левого фланга 27-й армии совершенно без стрелков. Полки дивизии мобилизуют военнообязанных в окрестных селах и сажают их в оборону. В результате немецкой танковой контратаки на 29-й полк в Жуковцах противник пленил около ста человек, в том числе весь штаб полка во главе с начальником штаба и рогу связи. Отстраняется от командования командир дивизии полковник Богданов и назначается командиром полка в другой дивизии. Вступивший в командование нашей дивизией в самый канун Нового года полковник Коротков 27 и 28 декабря послал полки в наступление на совершенно не разведанную оборону противника. Боевые потери были огромными из-за бездарности вышестоящего командования, самого комдива и бестолковых и безынициативных командиров полков. Дальнейшие бои по прорыву промежуточных рубежей противника кое-чему изучили только комбатов, но не командиров полков.

На протяжении двух педелъ наши командиры не знали, сколько у них людей в наличии, не читали донесений. Вступали в оставляемые

противником села, именуя это “захватом и овладением с боем”. Это притупило чувство ответственности и контроля за выполнением приказов и привело к тому, что дивизия вышла в Лысянский район совершенно обескровленной. Только 343-й полк имел 457 человек списочного состава, 48-й около 300, а 29-й — 263 человека из положенных по сокращенному штату 1582 человек. Лишь артиллерийский полк из положенных 600 имел 529 человек. Поясню, что при численности триста человек в стрелковом полку можно было не иметь ни одного стрелка, автоматчика и пулеметчика, так как эти триста человек могли быть артиллеристами, минометчиками, связистами, саперами, хозяйственниками, медиками, писарями, поварами и т.д. Кстати, об этом забывали командиры всех рангов, кроме комбатов и командиров рот».

Из книги «На Юго-Западном направлении. 1943—1945»: «Тем временем противник завершал сосредоточение крупных резервов. Их предназначение, как показали дальнейшие события, состояло в том, чтобы осуществить очередную “идею” командующего группой армий “Юг” Манштейна: нанести Красной Армии тяжелые потери путем внезапных ударов, отсечения части войск и быстрого уничтожения их.

Прежде всего под Винницей он попытался осуществить это намерение в отношении прорвавшихся войск 38-й и 1-й танковой армий. Но хотя ему и удалось сосредоточить для данной цели значительные силы, он оказался не в состоянии осуществить свой план. Многочисленные контратаки и контрудары неизменно отбивались с большими потерями для противника. Конечно, это требовало от наших войск постоянного и очень большого напряжения:(...)

Весьма ожесточенный характер носили бой 11—12 января. В первый из этих дней противник нанес удар на Липовец, стремясь обойти и отбросить от Винницы вырвавшиеся вперед 68-ю гвардейскую и 241-ю стрелковые дивизии. Атаковав их двумя группами автоматчиков со 100 танками, враг прорвался было на глубину 5—6 км и овладел населенными пунктами Ободное и Воловодовка. Но в тот же день, будучи контратакован частями 241-й стрелковой дивизии и частью сил двух танковых бригад 1-й танковой армии, отошел на Степановку.

На следующий день гитлеровцы возобновили атаку, но не добились успеха.

Упорно стремясь осуществить свое намерение, они 14 января вновь начали наступление, на этот раз еще более крупными силами и на многих участках фронта. Так, на шенстовском направлении 60-я армия в тот день отбивала атаки двух пехотных дивизий и до 40 танков. 1-ю гвардейскую армию противник атаковал 70 танками с пехотой из района юго-западнее Янушполь. Против нашей 38-й и 1-й танковой армий на фронте Липовец, Жорнице наступали четыре пехотные дивизии и 280 танков. 40-я армия севернее Умани в районе Дзенгеловка, ст. Поташ отражала удар двух пехотных дивизий и 75 танков. Почти такие же силы (две пехотные дивизии с 50 танками) атаковали 27-ю армию.

Всего 14 января в атаках противника принимало участие до десяти пехотных дивизий и свыше 500 танков. Кроме того, войсковой и

авиационной разведкой было отмечено на различных участках фронта еще свыше 200 вражеских танков, которые разгружались на железнодорожных станциях, находились на марше или в местах сосредоточения и готовились к вводу в бой. Радиоразведка засекла перемещение радиостанции танковой дивизии СС “Мертвая голова” из района Кировограда (2-й Украинский фронт) в район Тальное (полоса 40-й армии). Там гитлеровцы подготавливали и вспомогательный удар с целью удержания выступа у городов Звенигородка и Богуслав. Штаб 48-го танкового корпуса противника переместился в район юго-западнее Липовца, где в полосе 38-й и 1-й танковой армий наносился главный удар.

В этих условиях генерал армии Н.Ф. Ватугин дал войскам директиву прекратить с 15 января наступление и принять меры к отражению вражеских контрударов. Продолжать продвижение передовыми отрядами было приказано лишь 13-й армии генерал-лейтенанта Н.П. Пухова».

Командиром 47-го стрелкового корпуса, куда входила 38-я стрелковая дивизия, был генерал-майор Серафим Петрович Меркулов. По возрасту немного младше комдива Короткова. Родился в 1903 году в с. Казаки Липецкого уезда Тамбовской губернии (ныне Елецкий район Липецкой области).

В Красную Армию вступил только в 1925 году. Военное образование получил в соответствии с тем временем:

«Окончил полковую школу 53-го стрелкового полка 18-й стрелковой дивизии (1926), Киевские курсы подготовки командиров пехоты (1930), Высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава пехоты “Выстрел” (1937), Высшие стрелково-тактические КУКС в г. Бронницы (1937)».

С ноября 1925 года проходил службу в 53-м стрелковом полку 18-й стрелковой дивизии: курсант полковой школы, командир отделения, помощник командира взвода, старшина роты. После учебы на Киевских курсах стал командиром взвода.

С апреля 1931 года — командир взвода в составе 10-го местного стрелкового батальона МВО, затем (февраль 1931 г.) помощник командира и командир роты, начальник штаба батальона, начальник школы младшего начсостава полка все в том же 53 сп 18 сд.

В июне 1938 года назначен командиром 147-го стрелкового полка 49-й стрелковой дивизии. В этой должности участвовал в советско-финляндской войне 1939—1940 гг., за что был награжден орденом Красного Знамени. С мая 1940 года — исполняющий должность заместителя командира 156-й, с апреля 1941 года — 102-й стрелковых дивизий.

В июле 1941 года назначен командиром 459-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии Западного фронта. В октябре 1941 года — командиром 300-й стрелковой дивизии 38-й армии. В последующем командовал 304-й стрелковой дивизией 21-й армии на Юго-Западном, Сталинградском и Донском фронтах.

Из личного дела генерал-майора Меркулова:

«Части дивизии под его командованием под ударами превосходящих сил противника вынуждены были отходить и в конце декабря закрепились на рубеже Валуйки, Купянск. Зимой и летом

1942 г. дивизия вела оборонительные бои и предпринимала

контратаки, с 7 июля — участвовала в Донбасской оборонительной операции. С 12 июля дивизия во взаимодействии с данными соединениями армии вела боевые действия в составе Сталинградского фронта. В конце июля она была выведена в резерв фронта, в дальнейшем в составе 21-й армии участвовала в Сталинградской битве. С.П. Меркулов в этих боях проявил личное мужество, твердость в управлении частями дивизии в оборонительных боях с превосходящими силами противника, знание природы общевойскового боя, умение организовать прочную оборону ограниченными силами. В ноябре—декабре 1942 г. дивизия в составе этой же армии Юго-Западного фронта участвовала в контрнаступлении под Сталинградом. При разгроме окруженной группировки противника в феврале 1943 г. дивизия, действуя на направлении главного удара Донского фронта, участвовала в рассечении, уничтожении противника и его пленении. «Смел и решителен. В операции от Клетская до Вертячий, командуя 304-й стрелковой дивизией, показал себя хорошим организатором, — отмечалось в боевой характеристике на него. — «Под его командованием 304-я стрелковая дивизия занимала ведущее место в ударной группировке армии, прорвала оборону противника, овладела населенными пунктами Мелоклетский, Ореховский, Осиновский, Вертячий...» В этих боях С.П. Меркулов был ранен и направлен в госпиталь. В сентябре 1943 г. был назначен командиром 47-го стрелкового корпуса в составе 40-й армии Воронежского, затем 1-го Украинского фронтов. Под его командованием части корпуса успешно действовали в наступлении на киевском направлении, при освобождении украинских городов Лубны и Пирятин. В октябре корпус вел тяжелые бои при форсировании р. Днепр южнее г. Киев».

Боевые заслуги комкора подтверждают и представления к орденам. Например, в одном из них Меркулов представлялся к ордену Красного Знамени: «Командуя 304 стрелковой дивизией в операции по прорыву обороны румыно-немцев у КЛЕТСКАЯ, ЯРКИ, разгрому немецкой группировки у СИРОТИНСКОЙ и завершению окружения Сталинградской группировки у ВЕРТЯЧИЙ, полковник МЕРКУЛОВ проявил лично отвагу, смелость и организующую роль командира.

Благодаря умелому командованию дивизией, 304 стрелковая дивизия, успешно прорвав оборону, сломила сопротивление врага и, ведя наступательные бои, преодолела четыре укрепленных оборонительных полосы противника, прошла за 10 дней с боями 151 км, освободила 7 населенных пунктов, МЕЛО-КЛЕТСКУЮ, ОРЕХОВСКИЙ, КАЛАЧКИН, АКИМОВСКИЙ, ЛУЧИНСКИЙ, ВЕРТЯЩИЙ.

В этих боях дивизия захватила пленных 193 солдата и офицера, 492 винтовки, 915 автомашин, 4 склада с военным имуществом. Уничтожено и разгромлено: 7 батальон 13 пд, 2 кавнолк 1 кд, 25 батальон 15 пд и части 44 и 384 исх. дивизий, уничтожено более 6700 солдат и офицеров, более 40 станковых и ручных пулеметов, 10 минометных батарей, 2 батареи 75 м/м орудий, 5 артбатарей и более 50 ДЗОТОВ и 100 блиндажей.

Полковник МЕРКУЛОВ вполне заслуживает правительственной награды орденом Красного Знамени.

Командующий 65 Армией

Генерал-лейтенант

БАТОВ...

17 декабря 1942 г».

(ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 10. Л. 509).

А вот как он характеризуется в другом представлении, к ордену Суворова 2-й степени:

«Гвардии полковник Меркулов С.П. в Отечественной войне участвует с июня 1941 года. Хорошо подготовленный командир дивизии, в обстановке разбирается быстро и правильно оценивает ее, решения принимает, хорошо продумав их, нацеливая основные усилия на объекты, решающие успех боя,

В проведении поставленных боевых задач настойчив, смел и решителен. Под его командованием дивизия занимала ведущее место в ударной группе армии, 19.11.42 г. прорвала сильно укрепленную оборону противника, овладела Мело-Клетской, Ореховский, Осиновский, Вертячий и др. с большим количеством опорных пунктов и узлов сопротивления. Захватила множество трофеев.

При уничтожении немецко-фашистских войск, окруженных под Сталинградом, преследуя и уничтожая живую силу и технику противника, захватила аэродром с большим количеством самолетов.

За боевые подвиги по уничтожению окруженных немецко-фашистских войск под Сталинградом дивизия под командованием полковника Меркулова преобразована в Гвардейскую дивизию.

За прорыв сильно укрепленной оборонительной полосы противника,

за преследование противника и уничтожение его, полковник Меркулов достоин представления к награждению орденом Суворова 2-й степени.

Командующий войсками 65 Армии

Генерал-лейтенант /БАТОВ/...

10 января 1943 г». (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525, Д. 25. Л. 30).

К этому можно добавить еще одну, но самую высшую награду: «За умелое руководство боевыми действиями корпуса при форсировании р. Днепр и проявленные при этом смелость и отвагу С.П. Меркулову было присвоено звание Героя Советского Союза».

Глава 6.

КАК ЭТО БЫЛО

Командир разведроты лейтенант Зайцев те январские дни впоследствии назовет не иначе как «горячей порой»:

«...Начальник штаба дивизии подполковник П.Ф. Хамов, начальник оперативного отделения майор В.И. Петров, начальник разведки майор М.Ф. Чередник ежечасно требовали разведданных о противнике. В каком направлении отходят его главные силы? На каком рубеже собирается нас остановить? Какие подтягивает резервы? Чтобы ответить на эти нелегкие вопросы, каждые сутки несколько разведгрупп отправлялись во вражеский тыл.

12 января утром я доложил командованию о том, что противник закрепляется на рубеже Хлипновка, Смельчинцы. В Лысянке сосредоточилось 15 танков и батальон пехоты. В Погиблянке — много пехоты и танков, в Боярке пехота производит окопные работы.

— Вот что, Зайцев, — сказал майор В.И. Петров. — Копни тылы немцев поглубже. Не готовят ли они нам какой-нибудь “сюрприз”.

— Да, это нам очень важно знать, — подтвердил П.Ф. Хамов.

— Тогда разрешите сейчас отправить три разведгруппы и самому пойти в поиск? — обратился я к начальнику штаба.

Хамов, подумав, согласился.

— Завтра к утру постараемся быть здесь, — пообещал я.

— Завтра утром нас здесь уже не будет, — сказал майор В.И. Петров. — Сегодня ночью дивизия выступит в направлении Виноград, Толстые Роги. Завтра к 20 часам мы должны знать исходное положение в районе села Босовка. 14 января — снова в наступление. Звенигородка — вот наша цель.

Я взглянул на карту, прикинул расстояние: от Босовки до Звенигородки всего лишь 26 километров...

Через час три конных группы разведгруппы вышли на задание. Одну из них возглавил я сам. Сравнительно легко удалось пробраться через немецкие боевые порядки. Дальше продолжили движение на максимальной скорости. Миновали Лысянку. А вечером километрах в десяти севернее этого районного села, в небольшом лесочке обнаружили до батальона вражеских танков. Невдалеке еще лес — там тоже два батальона. Даже укрыться нам негде было. Хорошо, что сумерки уже плотно окутали землю.

С наступлением темноты танковые подразделения противника вышли

из укрытий, вытянулись в колонны и двинулись параллельными маршрутами в направлении Бужанки.

Ранним утром 13 января мы разыскали штаб нашей дивизии в хуторе на подходе к Репкам. Я доложил Череднику о результатах разведки. Из добытых разведанных было видно, что противник готовится нанести мощный танковый контрудар...

— Вот вам и “сюрприз”... — мрачно сказал майор В.И. Петров, склонившись над картой.

— Да... — протянул озабоченно подполковник П.Ф. Хамов, — положение — хуже не придумаешь.

Действительно, дивизия в ходе наступления понесла большие потери, людей осталось 25—30 процентов штатного состава, боеприпасы и горючее на исходе, противотанковых средств крайне мало. Как назло, к тому времени не успел перевооружиться 134-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион. В ноябре 45-мм пушки были переданы в стрелковые полки, а взамен их новые 76-мм ЗИС-3 еще не поступили. Остались в дивизионе 10 противотанковых ружей да стрелковое оружие.

В.И. Петров произвел какие-то расчеты по карте и сказал:

— Немецкие танковые колонны могут выйти в район Босовки утром четырнадцатого января. За сутки мы успеем кое-что сделать.

— Кое-что, конечно, — поддержал М.Ф. Чередник. — Но, по-моему, ситуация предельно ясна: своими силами такую танковую армаду не сдержать.

— Надо просить у командира корпуса противотанковый резерв, — согласился В.И. Петров.

К 20 часам 13 января 1944 года части дивизии, как и планировалось, сосредоточились в районе Босовки».

Босовка — село в Лысянском районе Черкасской области Украины. Расположено на северо-западе от районного центра пгт Лысянка на расстоянии 18 км и в 60 км от железнодорожной станции Ватутино.

ПНШ-1 старший лейтенант Лебединцев во второй половине дня 13 января был направлен в штаб дивизии за получением боевого приказа:

«После обеда последовала команда прибыть в штаб дивизии за получением боевого приказа лично командиру полка или начальнику штаба. Так как оба “приняли” за обедом, то не осмелились ехать в таком виде и послали меня. Я понимал, что получу за это взбучку от начальника штаба дивизии. Так и получилось. Начальник штаба дивизии подполковник Хамов Петр Филиппович отругал меня за то, что я сослался на “простуду” командира и начальника. Но тем не менее под свою роспись я получил

боевой приказ на наступление. Прочитав его, я сообщил, что в полку только одна рота из девяти, да и та численностью со стрелковый взвод — не более тридцати человек. Начальник штаба ответил, что и в других полках не больше, а приказ выполнять нужно. “Когда вернешься в полк, непременно сообщи по телефону о прибытии”, — приказал оп. Это подтверждение доставки приказа в полк всегда требовалось на всякий случай “для прокурора”.

Возвращаясь, в селе Босовка я увидел в одном из дворов Кошелева. Дымила кухня с ужином, и я зашел, чтобы предупредить его о полученном приказе и о том, что завтра с утра полку предстоит наступать. Весь его “батальон” с минометной ротой, противотанковым взводом, хозвзводом и связистами вместились в одной хате и летней кухне. “Можешь по котелкам пересчитать всю мою численность”, — сказал комбат. Я очень хорошо знал Алексея Варламовича, который мог в шутку разыграть Бунтина, Ершова, чтобы они поволновались, но меня он никогда не обманывал, тем более в трудные часы боя. Он пригласил поужинать вместе, но я спешил в штаб, разместившийся на юго-восточной окраине села. Здесь я застал уже спящими командира и начальника штаба и приложил немало усилий, чтобы растолкать их и рассказать о содержании боевого приказа. Оба понимали важность приказа, так как только в редких случаях они сами вызывались в штаб за его получением.

По приказу требовалось в течение ночи вести разведку и делать засечку целей. Я хорошо понимал, как измучены солдаты батальона в предшествующих боях и на марше, и предложил направить на исходный рубеж роту автоматчиков, которая являлась последним штатным резервом командира полка. Ею командовал старший лейтенант Ораз Бердяев, туркмен по национальности, исполнительный и храбрый офицер. Автоматчики тоже не меньше устали, но могли днем отдохнуть. У них тоже из сорока положенных было не более двадцати человек.

Бердяев понимал всю сложность возлагаемой на него задачи. У него не имелось даже пулеметов в роте, и я не мог ничего дать ему для усиления, так как это заняло бы время до утра. Я подчинил ему только двух телефонистов, чтобы они навели ему проводную связь».

Из боевого донесения штаба 48-го стрелкового полка:

«В течение ночи в границах полка действовала рота автоматчиков. Выдвинувшись к 20.00 13 января к восточной окраине Франкивка, рота “напоролась” на вражеское боевое охранение, которое, не приняв боя, отошло в населенный пункт. Вскоре гитлеровцы контратаковали роту и оттеснили на пятьсот метров. В течение ночи в этом населенном пункте

отмечались пожары, пускались осветительные ракеты. На протяжении всей ночи был слышен гул работающих танковых двигателей, лай собак.

В 6.00 14 января подразделения полка выступили на смену 258-го стрелкового полка 136-й дивизии для занятия исходного рубежа. КП полка — юго-восточная окраина Босовка. Тылы полка — Шубены Ставы».

Как припомнит ПНШ-1 старший лейтенант Лебединцев, в этом «донесении не был отражен один факт, имевший место в ту ночь. Неожиданно появился бравый капитан, который представился командиром роты штрафников, которая поступала в распоряжение полка. Я очень обрадовался такому неожиданному подкреплению, но капитан попросил не строить особых иллюзий, так как это была рота из “эсэсовцев”. Так особисты и юристы называли самострелов-членовредителей, сокращенно “СС”, простреливавших себе обычно руку, чтобы попасть в госпиталь. В минувшие годы их иногда расстреливали по приказам командиров свои же товарищи без суда и следствия перед строем. А с 1943 года это делалось решением Военного трибунала дивизии, который определял им расстрел с заменой на штрафную роту, в которой они могли искупить свое преступление получением в бою ранения или боевой награды за отличие» А если погибали, то с них судимость снималась посмертно. Командир роты так и сказал, что завтра половина из них будет расстреляна в бою: или за отказ подняться в атаку или при самовольном отходе — за бегство. Очень неприятно было выслушивать такую откровенную браваду командира роты, которому за один год командования таким подразделением засчитывалось шесть лет выслуги, а нам только три года. Он пытался представиться командиру полка, но тот так и не проснулся, поэтому задачу ему ставил я сам. О ее действиях ни я, ни комбат Кошелев ничего потом так и не узнали».

Вспоминает командир разведроты лейтенант Зайцев:

«А утром 14 января гитлеровцы нанесли контрудар и прорвались к окрестности села. Подполковник П.Ф. Хамов приказал начальнику инженерной службы майору Р.Р. Эшенбаху организовать прикрытие штаба дивизии. Мне на ходу бросил:

— Зайцев, со своими разведчиками — в распоряжение майора!

Как сейчас помню холодное снежное поле, простиравшееся от крайних хат села, и немецкие танки, неторопливо выползающие из утренней морозной мглы, а за ними — густую цепь пехоты. И перед всей этой зловеще движущейся черной стеной, изрыгающей шквал огня, виднелись на снегу серые пятнышки. По мере приближения врага они медленно откатывались назад. Некоторые оставались на месте, словно растворяясь в снегу... То были бойцы одного из полков нашей дивизии. Мы бежали к ним на помощь. Четверо разведчиков держались кучкой возле меня. Совсем рядом — Володя Седых с автоматом на груди и бутылками с зажигательной смесью в руках.

— Приберег для особого случая, — сказал он, показывая их.

Впереди бежал рядовой Тюска, низкорослый, очень подвижный разведчик. Он маячил перед глазами, мешал мне наблюдать за противником.

— Возьми левее! — крикнул я ему, слова потонули в грохоте боя.

Я упал на снег, длинными очередями стал отсекал пехоту от танков. Цепь гитлеровцев сломалась. Кто-то из наших смельчаков там, впереди, бросился навстречу танку, нырнул в черную воронку и оттуда перебил его гусеницу гранатой. Танк повернулся боргом к нам, будто специально показывая жирно намалеванный крест. В ту же секунду где-то слева от нас хлопнула “сорокапятка” и вlepила снаряд прямо в этот крест! Танк вспыхнул огромным огненным факелом. Вдохновленные этой картиной, мы снова рванулись вперед. Еще раз хлопнула “сорокапятка”, и еще один танк, клюнув носом, остановился и закадил. Из горящей машины выскакивали гитлеровцы и тут же мешками падали, скошенные нашими пулями.

Остальные танки замедлили свое движение, вражеская пехота залегла. И мы тоже залезли, ожидая выстрелов нашей “сорокапятки”. Но пушка молчала. Гитлеровцы, наверное, раньше нас поняли, что с противотанковой пушкой что-то случилось, и резко прибавили скорость. Один из танков

вырвался вперед и стремительно помчался прямо на нас. Седых, скрипнув зубами, прохрипел:

— Товарищ лейтенант, прикройте меня... — вскочил и бросился навстречу бронированной машине.

— Ты куда? Назад! — крикнул я, но было поздно.

Зайцем петляя по снегу, бросаясь то вправо, то влево, то вдруг замирая на месте, Седых чудом увертывался от пулеметных очередей. Я понял его замысел: скорее достичь “мертвой зоны” и поджечь машину. Я стрелял из пулемета короткими очередями, целясь в смотровые щели. Только так мог помочь отважному и дерзкому воину. Пули, высекая искры из брони, с визгом рикошетили. Но вот танковый пулемет на какое-то мгновение умолк — то ли я на него “повлиял”, то ли стрелявший по какой-то причине замешкался, то ли что-то в оружии не ладилось, но этих считанных секунд разведчику хватило, чтобы стремительно сблизиться с танком, швырнуть на его лобовую броню бутылку с зажигательной смесью, потом забежать сбоку и другую бутылку разбить на моторной части.

— Ну молодец! — кричал я. — Какой же ты молодец!

Еще через минуту-две мы были уже возле подбитых танков и, укрывшись за ними, хлестали очередями по пехоте, не давая фашистам поднять головы.

Но вот умолк мой пулемет, превратившись сразу в ненужный металлолом, — кончились патроны. Эх, какая досада!

— Товарищ лейтенант! — крикнул Седых, показывая рукою вправо.

А там нам во фланг заходили вражеские танки. Сколько их? Три, четыре, шесть...

— Надо отходить, — сказал Седых, — передают они нас здесь.

Да, против танков с голыми руками не пойдешь.

— Отходи, ребята! — скомандовал я.

Растянувшись жиденькой цепью, откатывались к селу.

Танки били по цепи из пулеметов и пушек, пехота — из автоматов. У крайней хаты к нам присоединился Ясырев. Вместе с Тюской он бежал последним, стреляя по гитлеровцам длинными очередями из пулемета. Вдруг позади меня разорвался снаряд. Оглянулся — там, где только что был Тюска, дымилась небольшая воронка, а снег вокруг нее — в кроваво-красных пятнах... Почувствовал, как мурашки пробежали по спине, все поledenело внутри. Тем же разрывом был отброшен далеко в сторону Ясырев.

“Неужели убит?” Я поспешил к нему.

Гулко хлопали танковые выстрелы, вздрагивала земля. Следующий

снаряд разорвался рядом со мной, ослепив ярким пламенем. Ощутил сильнейший удар и провалился в страшный огненный ад...»

На рассвете 14-го старший лейтенант Лебединцев все же смог разбудить командира полка Бунтина и начальника штаба Ершова. Со слов Александра Захаровича, дальше все происходило таким образом:

«Командир ушел на свой КПП, который выбрал ему начальник разведки капитан Гетманцев примерно в одном километре от штаба прямо на скирде соломы, так как в округе больше не имелось ни одной высотки. По логике вещей мне, не спавшему пару ночей, полагалось бы уснуть. Но я предчувствовал неминуемую беду хотя бы потому, что у противника появились танки и штурмовые орудия, что всегда предвещало вражеское наступление.

Как оказалось позднее, на той же скирде разместился и командир дивизии полковник Короткое с начальником артиллерии, оператором, разведчиком и начальником связи. Наступал туманный рассвет. Земля была покрыта глубоким снегом, мороз не более десяти градусов. Завтракали с наступлением рассвета. Как только стали видны окрестности, сначала доносился только шум танковых двигателей, а затем появились и сами танки. Они медленно выползали из многочисленных здесь населенных пунктов и занимали исходное положение для атаки. Сейчас уже невозможно установить, сколько их было развернуто на этом участке. Помню хорошо, что за цепью танков по снегу пробиралась пехотная цепь автоматчиков, а за ними самоходные орудия поддержки танков. Они с места начали бить по нашим полевым орудиям, не окопавшимся за ночь и стоявшим на прямой паводке. Некоторые гаубицы подвозились даже на крестьянских волах, так как не было бензина для тягачей. На орудие имели по пять снарядов. Как можно было славить задачу на наступление с таким количеством боеприпасов и отсутствием пехоты в частях?

О чем думало командование фронта и армии, ведь и они ничего не знали о готовящемся наступлении противника».

На скирду командир дивизии полковник Коротков с майором Петровым поднялись с наступлением рассвета. Именно с нее и открылась вся жуткая картина развертывания вражеских танков и пехоты противника. Прекрасно понимая, что о наступлении теперь не может быть и речи, а отражать атаки танков и самоходок просто печем, Короткое берет телефонную трубку и нервно ожидает соединения с командиром корпуса. Когда раздался сонный голос генерала, он кратко доложил обстановку, после чего почти закричал:

— Прошу вас переподчинить мне корпусной противотанковый резерв и немедленно выдвинуть в полосу дивизии для отражения танкового удара.

— Еще не начался бой, а ты уже резервы просишь, — со злом ответил на том конце Меркулов и отключился.

За свою многолетнюю службу Короткое прекрасно знал один из плавных принципов, действующих в армии как в мирное, так и в военное время: «Слово к делу не пришьешь!» Поэтому, повернувшись к начальнику оперативного отделения дивизии майору Петрову, он тут же приказал:

— Вот что, Петров! Он потом откажется, я его знаю. Пиши шифротелеграмму и немедленно отправь ее к начальнику штаба дивизии. Пусть передаст по радио и получит квитанцию.

Текст этой шифровки был примерно следующим: «Ввиду отсутствия орудий в противотанковом дивизионе. Сдали на склад 45 км. Должны получить 76 мм. Прошу Вас переподчинить корпусной противотанковый резерв и немедленно выдвинуть его в полосу дивизии для отражения танкового удара противника».

Подписав ее, Петров тут же отправил в штаб дивизии начальника разведки майора Чередника. Шифровальщик дивизии закодировал написанный Петровым текст и передал в корпус. Чередник лично присутствовал при передаче ее по радио и до последнего ждал получения «квитанции» о приеме ее корпусным радистом.

«В тот же день на рассвете командир 1-го батальона 48-го стрелкового полка старший лейтенант Алексей Кошелев с группой солдат выдвинулся вперед на небольшую высотку, — рассказывает А.Н. Зайцев. — Там, в рощице, обнаружилось боевое охранение противника. Двух гитлеровцев стрелки взяли в плен, остальных перебили.

Невероятная картина открылась перед комбатом и его бойцами за высоткой, в широкой низине. В исходном положении для наступления двумя линиями стояли десятки вражеских танков, пехота, артиллерия. А за ними, километрах в трех, в предбоевых порядках двигался второй эшелон.

Кошелев немедленно доложил командиру дивизии обо всем увиденном (у комдива с батальонами была прямая связь).

— Продолжайте наблюдение. Будьте готовы к действиям, — сказал полковник.

— Есть, — ответил комбат.

Видимо, комдив все же надеялся, что придет корпусной противотанковый резерв...

Кошелев скрытно вывел свой батальон на высотку и приказал самым тщательным образом замаскироваться. Алексей Кошелев был в полном смысле самородком. Он даже полковой школы не кончал. Его лучшей школой стали ожесточенные бои с гитлеровцами. Пять раз был ранен и трижды сильно контужен. Его ратные подвиги отмечены шестью боевыми орденами».

Тот короткий январский день Александр Захарович запомнил на всю оставшуюся жизнь:

«...события разворачивались стремительно, хотя немцы атаковали на самой малой скорости, делая остановки для стрельбы. Их пехота пробиралась по глубокому снегу, ведя огонь из-за брони танков. Первым свой КНП на скирде покинул комдив со свитой, а за ними наш командир полка с начальником артиллерии, так как немцы подожгли солону зажигательными пулями. Я наблюдал бегство начальства в бинокль. Огнем прямой наводки дивизионной и полковой артиллерии подбили пять или шесть танков противника, но остальные упорно продвигались к селу Босовка и обходили се с окраин. Первыми начали выскакивать из села, расположенного в широком овраге, обозники на санях. Немецкие танки расстреливали их из пулеметов, а снарядами били по нашим умолкшим орудиям без боеприпасов. Отвозить орудия было не на чем — тягачи без бензина отстали. Артиллеристы подрывали гаубицы.

Занимаемый нашим штабом дом был крайним. Впереди глубокий овраг, танки не могли его преодолеть. Может, поэтому Бунтин успел оторваться и появился в штабе разъяренным, выкрикивая только два слова: “Стоять насмерть!” Я успел вызвать до этого штабные санки и отправить писаря с боевыми документами и знаменосца с Боевым Знаменем в Шубены Ставы. В углу штаба стоял ручной пулемет с диском. Я взял его, а Забуга коробки с запасными дисками, и мы выбежали к сараю, где стояла телега. С нее я расстрелял весь диск по наступающей пехоте. Видел падающих то ли от моих попаданий, то ли от страха немцев. Бунтин закричал: “Спасать командира!” — и бросился с Ершовым в следующий овраг, сползая на заднице, потом на четвереньках карабкаясь на подъем. Все это запечатлелось в моем мозгу, как на киноленте, до мельчайших подробностей. Я видел животный страх, хотя и сам осознавал величайшую опасность быть убитым или брошенным при ранении. Теперь Забуга вел огонь уже по спускающимся в первый овраг вражеским пехотинцам, которые спускались тоже на том же месте, на котором сидят. Вот где быгодились ручные гранаты, но их не было ни у нас, ни у немецкой пехоты.

После того как Бунтин и Ершов скрылись за сараем бригадного стана, я, Забуга и несколько посыльных бросились следом за командованием

спускаться в овраг. На подъеме я заметил, как рикошетировали пули вокруг, как рядом со мной посыльному в спину попали три пули и вырвали белую вату телогрейки, а он упал замертво. Видимо, закончились патроны в магазине у немецкого автоматчика, и я успел перевалиться за каменную изгородь, но которой тут же прошла новая очередь. Пустой пулемет мы оставили в овраге, разбив приклад. Броском на полусогнутых мы успели забежать за сарай, где находились командир с начальником штаба. Невдалеке разорвался снаряд, и у Бунтина от попадания осколка потекла кровь на виске. В панике он заорал: “Начальник штаба, принимайте у меня командование полком, я ранен”. Последний, как попугай, продублировал во всю глотку: “Лебединцев, назначаетесь начальником штаба полка, организовать оборону и ни шагу назад”. В это время Забуга спустился по пожарной лестнице и доложил Ершову, что скоро танки сомкнутся, и мы останемся в окружении в селе. Бунтина потащил адъютант и его сожительница. Я показал примерное направление выхода из села и предложил Ершову бежать вместе, но он задал мне самый глупый вопрос: “А ты меня сможешь вынести, если ранят?” Я махнул рукой и бросился под откос, перебежал улицу и оказался на околице с небольшим подъемом. В это время зарычала “катюша” и вокруг начали рваться ее снаряды. С этого раза мне навсегда запомнился шквал огня, которого так боялись немцы».

В одном из своих последних писем к Д.И. Салтыкову бывший разведчик Д.И. Сергиенко о тех январских днях свидетельствовал:

«В ночь с 13 на 14 января 1944 года воины нашей дивизии шли всю ночь, преследуя противника под сильным мокрым снегом. На рассвете вышли на окраину села Босовка тогда Киевской области, а в настоящее время Черкасской. Разведка доложила, что враг закрепился и ждет появления наших войск, чтобы ударить неожиданно. Поступила команда остановиться и занять оборону. Перешли овраг, очень устали, промокли насквозь, сутки не спали и не отдыхали. Бойцы попадали прямо в мокрый снег и тут же уснули. Привал длился недолго. Рано утром меня разбудил посыльный из разведотдела штаба дивизии и передал приказание мне и лейтенанту Гусеву срочно прибыть к начальнику разведки Череднику. Когда мы явились в штаб, майора Чередника там не было. Сказали, что он на передовой и велел подождать. Мы вышли на улицу и услышали, как на переднем крае поднялась сильная стрельба и до нас донесся шум танков. По тревоге прибежали штабники. Среди них находились командир дивизии и начальник разведки. Они скомандовали: “Быстро погрузить на транспорт штабное имущество!” Все, кто с нами был, спешно стали выносить ящики и грузить на повозки. Когда все уложили в сани, коноводы подвели лошадей, запрягли, усадили сверху штабников и уехали за село. Шум танков и стрельба усилились, они быстро приближались к расположению штаба, мы поспешно спустились в ложбину, но которой начали отходить.

Противник не дал нам возможности окопаться. Все наши войска еще не успели подготовиться к отражению атаки танков. Солдату, когда он в окопе, танки не страшны. Враг ждал именно такого момента, когда полки оказались в открытом поле, измотаны и обессилены в наступательных боях. Воспользовавшись нашей слабостью, он подтянул танковые части и пошел давить людей и технику. Танков с десантом автоматчиков было много. За ними шли самоходные артиллерийские установки. Эта лавина, изрытая огонь, уничтожала все на своем пути. Казалось, невозможно было спастись. Видим, обстановка складывается тяжелая. Мы с лейтенантом Гусевым побежали в расположение своего батальона, но оттуда уже все снялись и отошли на окраину села. Не найдя никого из своего подразделения, мы тоже укрылись от немецких танков в ближайшем рву и бежали, пока не встретили подводу пункта сбора донесений. Лейтенант сел в повозку и

уехал, а мне пришлось добираться пешком, потому что на санях не хватило места».

А.З. Лебединцев:

«Неожиданно из овражка вылезли шесть человек пеших разведчиков во главе с их командиром, старшиной.

Мы очень обрадовались, что увидели своих, и примкнули к ним. Мы поднялись на пригорок и встретили еще троих связистов из корпуса. Они тоже присоединились к нам, наступила темнота. На такую беду, какая с нами произошла, нам впервые вместе с приказом на наступление выдали всего один экземпляр топокарты этого района. До этого как минимум по пять экземпляров выдавали. Конечно, карта была у адъютанта командира. У меня в те годы была обостренная зрительная память на местность, и я помнил стороны горизонта. Но тогда ориентировался по принципу; где пожары, там немцы, надо идти туда, где нет всполохов. В темноте присоединился с десятков корпусных саперов, которые отрывали землянку комкору. Шум боя постепенно затихал. Впереди слышался скрип снега и понукание лошадей. А после начали различать русскую речь. Видимо, и нас заметили и окликнули: “Кто такие? Одного ко мне”. Я по голосу узнал начальника разведки майора Чередника и поспешно назвал себя, так как там уже защелкали затворами оружия. Это была окраина села, видимо, Шубеных Ставов. Из хаты вышел подполковник Хамов. Он обрадовался, что у меня человек двадцать войска, и тут же приказал людей не распускать и следовать далее с Чередником в направлении села Новая Гребля, где занять оборону и всех отходящих подчинять под свое командование.

Это была третья ночь совершенно без сна, я еле стоял на ногах, но мы пошли. Саперов и связистов как ветром сдуло. Поняв, что опасность миновала, они бросились искать свои корпусные части. Кому же охота идти в полковую пехоту? (...)

К полуночи мы достигаем Новой Гребли. Село было забито обозами и машинами. В каждой хате полно лежащих, сидящих и стоящих. И все они спали. В одной из хат мы тоже на корточках уснули. До этого я отрядил разведчиков искать наших однополчан. Перед рассветом нас разбудили орудийные разрывы. Стреляли с небольшого расстояния из танков осколочными снарядами. В огромной панике мы и другие бойцы начали выскакивать из хаты и выбегать на дорогу, по которой неслись санки в конных упряжках».

Дмитрий Иванович Сергиенко продолжает свой рассказ: «Бежать было очень тяжело, так как я был в ватных брюках, телогрейке, кожаной куртке и в валенках. А танки уже подходили к ложбине, но которой отходили войска, шли наперерез, чтобы отрезать нам путь и окружить село. Я смотрю — ситуация складывается для меня такая, что могу оказаться в лапах врага или попасть под гусеницы танка. Бежать уже нет сил. Заскочил в первый попавшийся двор с намерением спрятаться и пересидеть дотемна, а ночью пробираться к своим. Сунулся в сени. На мое счастье, там стояла лошадь, спрятанная от стрельбы. Я быстро перерезал кинжалом поводок и вывел ее во двор. И вдруг кто-то меня окликнул: “В чем дело?” Я понял, что это был хозяин. “Слушай, будь ласков, принеси скорей уздечку! Видишь, враг наседает! Не дай погибнуть солдату!” Он вынес уздечку, помог мне сесть верхом, и я помчался в ложбину, желая проскочить в эту брешь. Танки подходили уже вплотную. Они наезжали на бегущих бойцов, на беженцев, которые двигались на санях, и давили их безжалостно. Мне все же удалось проскочить и вырваться в поле.

Верхом догнал штабные повозки. Вижу, на одной из них лежит командир батальона Борисюк, который был ранен. На другой — начальник штаба капитан Вышкевич и штабные работники. Я спрыгнул с лошади. Она была загнана, и ехать на ней дальше было невозможно. Оставил ее в поле, а сам пошел пешком с солдатами, которые шли за повозками. Подошли к какому-то селению, там встретили заградотряд. Нас остановили и направили на пункт сбора. Пропустили только раненых. Собралось человек двадцать. Среди них ни одного офицера, а из младших командиров был только я. Вот мне и поручили составить список на эту группу. Из двадцати солдат из нашего батальона были только трое, остальные — из других частей. Приказали отвести всех людей в распоряжение заместителя командира дивизии по тылу подполковнику Чудненко. Привел, доложил, как положено. Он приказал вести группу по новому маршруту до села Ставище. При этом предупредил, чтобы никуда не расходились. По пока мы шли, солдаты находили свои части и расходились. Я тоже встретил начальника инженерной службы дивизии майора Роберта Робертовича Эшенбаха. Он сказал, где находится наш батальон. С оставшимися со мной шестью бойцами я пришел в свою часть».

«Наступал рассвет. Из одних санок раздалось: “Лебединцев, прыгай в сани на ходу, а то задние собьют”. Это были наши резервисты-офицеры, а кричал адъютант старший батальона Николенко. Все трое мы свалились горой на эти санки и выскочили из села на околицу, где справа и слева на склонах были установлены наши орудия на прямую наводку и артиллеристы готовились к открытию опт. Увидев их, мы несколько успокоились и перестали понукать лошадей, так как они были мокрыми от усталости. Проехав Баштечки и Бесидку, мы к полудню прибыли в райцентр Ставыще. На площади стоял регулировщик и указал Череднику и мне хату, в которой находился начальник штаба дивизии. Принял он нас без ругани и сказал мне, чтобы я собирал остатки полка и сосредотачивал их на южной окраине этого села. Одновременно разослал разведчиков и посыльных искать свои подразделения и писать мелом на стенах и заборах фамилию командира со стрелками-указателями к штабу. В заключение он сказал, что я назначаюсь временно командиром нашего полка и чтобы я одновременно подчинял себе военнослужащих 29-го полка.

Я понимал, что являюсь “факиром на час”, но когда вспомнил, какую ответственность несет командование за потерю Боевого Знамени, то мне стало не по себе. Мы выбрали на окраине домик под штаб, и к позднему вечеру там собрались несколько подразделений: транспортная рота, медико-санитарная рота, службы тыла, батарея 76-мм полковых пушек, рота связи, писари из команды ПНШ-4, хотя его самого (капитан Желтухин) и знаменосца старшего сержанта Тарасенко с Боевым Знаменем не было. Отсутствовал, и мы ничего не знали о командире батальона старшем лейтенанте Кошелеве, его заместителе по политической части капитане Воробьеве и небольшой команды с ними. Никаких вестей не было и о командире полка и начальнике штаба. Я посылаю во все концы верховых из взвода конной разведки, но все было бесполезно.

Через пару дней собрались все, кто выходил из Босовки разными маршрутами. Несколько дней прожили мы в неведении, пока не прошел слух о том, что в окружении осталась почти вся соседняя дивизия под командованием генерал-майора Пузикова, она вышла в Медвинские леса и там во взаимодействии с партизанами оказывает сопротивление. В переданной шифровке уведомлялось и о том, что командование нашего полка, комбат Кошелев со своим заместителем по политической части и

небольшая группа бойцов находятся в подчинении этой дивизии. Боевое Знамя полка с ними».

О судьбе комбата Кошелева и Боевом Знамени в своих мемуарах напишет А.Н. Зайцев:

«В 12 часов гитлеровцы после сильного артналета пошли в наступление. На высотку, где закрепилось подразделение Кошелева, двинулся батальон вражеской пехоты при поддержке семи танков. Бойцы Кошелева отбили атаку и подожгли два фашистских танка.

Гитлеровцы во второй раз лезть на высоту не решились и отошли.

Как потом рассказал мне Кошелев, он видел в бинокль отходящие под натиском противника подразделения 29-го стрелкового полка, как повернула на Босовку танковая лавина врага.

Наступила ночь. Связь со своими прервалась. Посланные в разведку бойцы доложили, что разрозненные подразделения дивизии и отдельные группы бойцов отходят полем на юго-запад.

Что делать? Кошелев решил посоветоваться с замполитом капитаном Александром Степановичем Воробьевым, человеком спокойным, рассудительным, имевшим большой опыт политработы во фронтовых условиях. В батальоне его любили и уважали.

Он предложил выслать по намеченному для отхода маршруту санную разведку—человек десять, — которую взялся возглавить.

Когда разведка ушла вперед, следом за ней двумя большими группами двинулся батальон. Первая группа — на санях, вторая — пешим порядком. Затем менялись. Таким образом, за ночь преодолели немалое расстояние и рано утром вышли к небольшому населенному пункту. Вскоре Кошелеву доложили, что вокруг села — враг, а в лесу, оцетинившись круговой обороной, стоит дивизия генерала И.М. Пузикова. Кошелев направился туда.

Генерал сообщил ему печальную весть: Боевое Знамя 48-го полка утеряно, неизвестно где находятся командир полка майор Бунтин... и начальник штаба майор Ершов. Затем добавил:

— Времеено будете в составе моей дивизии. Поручено охранять тылы. Если вам что-либо станет известно о Боевом Знамени полка или о командире, немедленно докладывайте мне.

Со своим батальоном Кошелев добросовестно выполнил поставленную генералом задачу, уничтожив при этом 2 вражеских танка, 6 пулеметов и более сотни гитлеровцев, а одновременно предпринимал все

возможное для розыска Боевого Знамени и командира полка.

К счастью, Боевое Знамя не было утеряно. Его спас полковой знаменосец старший сержант Е. Тарасенко. Когда фашистам удалось отрезать штаб полка от основных сил, Евдоким Пантелеевич бросился к знамени, снял его с древка и спрятал под гимнастеркой. Вместе с часовым рядовым Елизаркиным, отстреливаясь, стал уходить к лесу. Елизаркина ранило в ногу — он упал и не мог подняться. Тарасенко взвалил его на спину и унес в лес. Был Евдоким Пантелеевич высоким, сильным и крепким, сильным не только физически, но и духом. Полковой агитатор, он вдохновлял однополчан не только пламенным словом, но и личным примером.

В лесу не удалось найти ни своих, ни партизан. На следующее утро, выбравшись из лесу, они увидели село, но приблизиться к нему не решились. День пересидели в рощице, постоянно наблюдая за окружающей местностью. Вечером добрались до села. Тарасенко тихо постучался в дверь крайней хаты. Вышла пожилая женщина и ахнула, увидев измученных бойцов. После недолгих переговоров согласилась оставить раненого Елизаркина у себя, пообещала надежно спрятать его и вылечить.

Я уже говорил, что в тот день, когда немцы нанесли по нашей дивизии контрудар, семь разведгрупп из моей роты находились в тылу врага. Трое из них едва успели вернуться, остальным ничего не оставалось делать, как действовать самостоятельно, в зависимости от создавшейся обстановки. Разведчики продолжали свою работу, совершали нападения на важные объекты противника, брали “языков” и упорно искали свою дивизию. Одна из этих групп встретила в лесу Тарасенко и проводила его к своим».

Сам комбат Алексей Варламович Кошелев после войны не раз будет встречаться с однополчанами и однажды очень подробно расскажет о событиях 14 января 1944 года Д.И. Салтыкову для его книги:

«На рассвете 14 января я с группой солдат выдвинулся вперед. Вошли в рощу, расположенную на высоте. Наблюдая за передним краем противника, мы заметили на высоте черные очертания каких-то земляных сооружений. Оказалось, это был полевой караул. Подползли поближе. Обнаружили, что там группа гитлеровцев. Обстреляли их, бросили гранаты и ворвались в землянку. Трех уничтожили, двоих взяли в плен. Когда поднялись на высоту, то передо мной открылась невероятно страшная картина. На расстоянии не более километра от нас стояло в исходном положении большое количество танков, оборона противника оцетинилась пушками и минометами. Наготове была масса пехоты. Быстро вернулись в расположение батальона. Обо всем этом доложили по телефону командиру дивизии полковнику Короткову. Выслушав меня, он приказал вести наблюдение за действиями немцев и быть готовыми к наступлению. При этом он сказал, что у нас есть, чем потревожить их, но я так и не понял, чем же он хотел нанести удар. Я усомнился в наших возможностях, потому что своими глазами видел, какая большая сила нам противостояла, и знал, чем мы располагаем. В полку из личного состава остались всего один неполный батальон и рота автоматчиков. Снарядов было мало. В артполку на каждую батарею приходилось по 20—30 снарядов.

Но приказ есть приказ. Батальон занял исходное положение. На левом фланге рота противотанковых ружей дивизии, за ней 343-й и 29-й стрелковые полки. В каждом полку по одному батальону.

Как я и предполагал, противник провел сильнейший артиллерийский обстрел и тут же перешел в наступление. Против нашего батальона была брошена большая сила. Плотная цепь пехоты при поддержке 7 танков атаковала позицию. Нам с большим трудом удалось отбить и поджечь два танка. Противнику не дали прорвать оборону на участке нашего батальона, тогда он бросил все силы на левый фланг. Было видно, какая лавина двигалась на роту ПТР, 343-й и 29-й полки. Первая цепь пехоты, поддерживаемая десятками танков, взломала первую линию обороны. Вторая цепь двигалась за первой с танками и самоходными орудиями. Завязалось поистине кровопролитное сражение. Наши полки отбивались,

насколько хватало сил. Дело дошло до рукопашной схватки. Образовалось сплошное месиво. Все кругом гудело, ревело и превратилось в ад. Устоять против такой силы было невозможно. Соппротивление наших войск было сломлено, и бойцы стали спешно отходить. Танки прорвались на позицию артиллерийского полка, стали в упор расстреливать и давить наши пушки.

Подпей отступили за село Босовку, но наш батальон не сдвинулся с места. Мы продолжали удерживать позицию. Я поднялся на занятую нами высоту и увидел, что бой шел теперь где-то за лесом. Потом пошел в близлежащий населенный пункт, тут стояли знакомые сани-раскладушки. Вошел в хату, где находился командир дивизии полковник Коротков. Обратил внимание на его красные мутные глаза. Он был под хмельком. Мне было известно, что в истекшую ночь он с кем-то принял наркомовскую дозу спиртного в честь старого Нового года. Я доложил обстановку. Сообщил, что полки отступают и что противник находится уже за Босовкой. Он не поверил. Вышли с ним на высоту. Перед нами развернулась страшная картина боя. Не долго думая, он приказал мне удерживать рубеж, а сам пошел связываться по телефону со штабом корпуса. Переговорив по рации, быстро сел в сани и галопом поскакал в сторону села Софиевка.

Уже вечерело. Батальон, который действовал против нас, снялся с занимаемого рубежа и на танках ушел за своими наступающими войсками. Мы были, но существу, отрезаны от наших основных сил. Заняли круговую оборону. Положение оставалось крайне тревожным, но нам приказали никуда не двигаться. Я послал разведдозор в то село, где недавно встречался с комдивом и куда прошла отступающая колонна, но там уже были немцы. Принял решение отходить и вырваться из кольца окружения. Как только стемнело, мы вышли на окраину другого села, где, по сведениям разведчиков, противника еще не было. Здесь мы снова столкнулись с вражеской группой. После короткого боя удалились из села. Снарядил разведку из 12 человек во главе с моим замполитом А.С. Воробьевым и, чтобы не попасть в руки противника, приказал ему через каждые 10 километров по маршруту выставить регулировщиков. Батальон разделил на две группы. Одну отправил форсированным маршем, другую галопом на санях в сторону наших войск. Проехав несколько километров, сани возвращались пустыми к идущим следом солдатам и доставляли их к регулировщику. Получилась своеобразная боевая эстафета. Таким образом, за ночь преодолели километров тридцать. Страшно устали. Запхали 8 лошадей, но доставили весь личный состав, в том числе раненых.

К утру прибыли в село Софиевку. Расположились на околице в

лесочке. Там встретились с полковниками и майорами из другого соединения, которые тоже были отрезаны от своих частей. Мои попытки выяснить обстановку были безрезультатными. Никто не знал, что творится вокруг, где находятся свои войска и противник. Из боевых подразделений здесь был только наш батальон. Мы опять оказались в окружении, но в составе другой дивизии. Послал разведчиков, которые установили, что кругом были немецкие войска, никакого прохода обнаружить не удалось. Пришлось развернуться в круговую оборону и последними силами удерживать занятую позицию. Никакой связи со своей дивизией у нас уже не было, поэтому я поддерживал тесный контакт со штабом другого соединения».

По авторитетному мнению комбата Кошелева, командир дивизии полковник Коротков, несмотря на свою личную храбрость и умение драться с фашистами, во время боевых действий в районе села Босовки допустил серьезные ошибки, «когда дивизия столкнулась с превосходящими силами противника и вынуждена была оставить свои позиции, — уточнит Д.И. Салтыков. — Он считал, что в той критической ситуации по вине полковника не был задействован дивизион катюш. В результате вражеские войска прорвали нашу оборону, нанесли дивизии сокрушительный контрудар и причинили большой урон в живой силе и технике. Будучи в нетрезвом состоянии, он потерял управление войсками, растерялся в момент столкновения с противником и ничего уже не смог предпринять, чтобы сосредоточить последние силы на танкодоступных участках. Видя, что бойцы оставляют позиции и бегут в панике от вражеских танков, стрелял по своим, пытаясь остановить их. Были случаи, когда он поднимал оружие и на офицеров.

Бывший командир пулеметной роты, ныне полковник в отставке Миронычсв с горечью в душе рассказал случай, который произошел в январский день, когда дивизия терпела поражение. Он исполнял тогда обязанности адъютанта командира 29-го стрелкового полка, поскольку в роте не было людей. Комдив Коротков вызвал к себе комполка майора Тихонова и его замполита А.Ф. Тутова. Зная, что полковник разгневан и способен во хмелю применить против подчиненных оружие, Тихонов приказал Миронычеву перед заходом к комдиву держать автомат на взводе и в случае, если Коротков вздумает поднять пистолет, стрелять первым. Когда зашли к нему, он попытался выгнать Миронычева. Поняв, в чем дело, Тихонов сказал комдиву, что адъютант будет рядом. Разговор пошел на высоких тонах. Коротков разъяренно ругался магом. Потом он отправился на позиции артиллеристов и увидел, что пушки бездействуют, а расчеты бегут от нападающих танков врага. По рассказам однополчан, Коротков, не разобравшись, в чем дело, тут же застрелил командира батареи, у которого не было ни одного снаряда, чтобы отразить атаку противника».

На этом, естественно комдив не остановился. В тот день начальник оперативного отделения майор Петров отходил от Босовки вместе с полковником Коротковым. Именно он и рассказал следующий эпизод Л.З. Лебединцеву:

«Потом уже в темноте на машине виллис они оказались в районе огневых позиций именно того противотанкового резерва командира корпуса, который не принял участия в отражении танкового удара по пашей дивизии. Полковнику Короткову указали закрытый автотягач, в котором находился командир, и он зашел в него. В автобусе командир ПТ резерва угостил комдива ужином и дал выпить спиртного. Вышел комдив, покачиваясь на ступеньках, и крикнул: “Почему не цепляете орудия к тягачам?” Подошел капитан, командир батареи и спросил: “Кто вы такой?” — так как на кожаном пальто у Короткова погон не было. Коротков вынул пистолет из кобуры и в упор застрелил капитана. Все произошло мгновенно, и предотвратить несчастье было невозможно.

В этот момент подошла группа разведчиков из дивизионной разведывательной роты».

Командир разведроты лейтенант Зайцев мог оказаться следующей жертвой своего комдива. Об этом он напишет в своих воспоминаниях, не указывая должности и фамилии Короткова. Зато потом не раз будет рассказывать, называя того, кто его, раненого, хотел добить:

«Все патроны расстрелял. Танк вдруг разворачивается и на меня пушку наводит. Первый выстрел — перелет. Второй — недолет. Я открываю крышку, замок пулемета выбрасываю и убегаю. Еще выстрел. Мне перебивает правую ногу, осколок в грудь. Даже эмаль на ордене Красного Знамени сорвало. Но это уже я потом рассмотрел, много позже. Лежу раненый, с жизнью прощаюсь. Но мои разведчики меня не бросили. Повернули назад, подхватили меня и в овраг потащили. Там кое-как раны перевязали, даже рубашку свою нательную один порвал. На перебитую ногу ступить не могу. Слышно, как на горке кто-то шумит и громко ругается. Разведчики сбегали посмотреть и докладывают, что там начальники шумят-спорят. Я сказал, чтобы меня туда тащили, когда до них шагов тридцать осталось, я сам поковылял, на палку опираясь, доложить хотел. Иду, голова кружится, земля из-под ног уходит. А там командир дивизии, майор Петров... Между ними лежит на снегу командир батареи застреленный. Комдив и на меня свой пистолет наводит. Застрелил бы, но майор Петров помешал. Пуля полетела в небо. Вот так я остался в живых. Комдив был пьян и, расстреливая, пытался остановить отступавших».

В своих мемуарах А.З. Лебединцев напишет:

«На следующий день (15 января 1944 г.) стало известно, что наш командир дивизии арестован прямо в траншее 29-го полка, а начальник штаба в расположении командного пункта и оба взяты под стражу органами контрразведки “Смерш”. В командование дивизией с 18 января

был допущен полковник Крымов М.Г. — штатный заместитель комдива. Должность начальника штаба дивизии временно исполнял майор Петров В.И. — начальник оперативного отделения. Началось следствие...»

Не менее важное свидетельство комбата Кошелева касается и дальнейших событий, представляющих особый исторический интерес:

«Меня вызвал 16 января командир этой дивизии генерал Пузиков. Он сообщил, что располагает точными сведениями, что наш 48-й полк потерял в бою Боевое Знамя и своего командира майора Бунтина и начальника штаба Ершова. Этой страшной вестью я был поражен. Она несмываемым позором легла на солдат. Генерал сказал также, что я с батальоном перехожу в его подчинение. При этом предупредил: если мне удастся узнать что-нибудь о командире полка, то немедленно доложить ему об этом. В штабе этой дивизии мне сказали, что генерал получил приказ найти майора Бунтина и арестовать за потерю знамени.

Через боевые порядки врага 18 января проник дивизионный разведчик Аркадий Стецюк. Ведя поиск разрозненных частей дивизии, он установил, что знаменосец полка Тарасенко со Знаменем находится у партизан и что они не отпускают его из отряда. Об этом я доложил генералу. Пузиков вызвал к себе Стецюка и расспросил, где находятся партизаны. Затем он приказал мне взять двое саней, группу из 20 бойцов и немедленно отправиться за Знаменем.

Когда мы приехали к партизанам, то ничего не сказали им о своем намерении. Встретили они нас как окруженцев и не подозревали, какую цель мы преследовали. Мы выжидали удобный момент, когда партизаны поставят оружие в козлы. Своим бойцам я приказал быть готовым на случай, если хозяева будут сопротивляться. Я велел Тарасенко, который прятал боевое знамя под гимнастеркой, быстро сесть в сани, а партизан предупредил — к оружию не подходить, иначе буду стрелять. Под охраной двадцати автоматчиков со Знаменем мы скрылись, не дав им предпринять каких-либо нежелательных действий. К такому решительному методу я вынужден был прибегнуть потому, что партизаны замыслили захватить знамя и передать его в штаб фронта, рассчитывая получить вознаграждение.

Командир полка появился 20 января. Он был в подавленном настроении. Но когда узнал, что Знамя находится у меня, воспрянул духом, принял командную осанку, Я все же выразил ему недоверие и продолжал вести боевые действия самостоятельно. В одном из боев меня и моего замполита Воробьева ранило одним снарядом. Раненых набралось человек

30. Бунтин принял решение оставить всех раненых в селе, окруженном немцами. Узнав об этом кощунстве, капитан Воробьев доложил мне. Я не выдержал, пришел к Бунтину и заявил ему, что он в тяжелый момент боя оставил полк и теперь хочет бросить нас на произвол судьбы и что я не доверяю ему Боевое Знамя—святыню нашего полка. Правда, он признал свою ошибку и смирился со сложившимся положением. Но этот инцидент кончился для него без последствий. Вскоре он был отстранен от занимаемой должности».

Глава 7.

РАССТРЕЛЯТЬ ПЕРЕД СТРОЕМ

Командир дивизии спал сном, который обычно называют сном младенца. Спал рядом с бойцами прямо в окопе у дороги, где занимала позицию малочисленная группа пехоты 29-го полка. Каким был сои этого несчастного человека, и тогда и теперь не скажет никто. Но если он и был, то, безусловно, был страшным. Ведь засыпал комдив хоть и в состоянии алкогольного опьянения, все же прекрасно отдавал отчет случившемуся. И не мог не осознавать, что впереди ожидает его одно — военный трибунал.

Утром за ним приехали офицеры из Управления контрразведки Смерш. Разговор был краткий:

— Полковник Коротков, командир 38-й стрелковой дивизии?

— Да, я...

— Вы арестованы, сдайте свое оружие... Пройдемте с нами.

И он, повинувшись им, пошел, слегка пошатываясь на ватных ногах, к недалеко стоявшей машине смершевцев. Пошел, не оглядываясь, молчаливо, с горько опущенной головой. Ничего и никого не спрашивая, не сопротивляясь, навстречу судьбе-злодейке.

В этот же день к работе с уже бывшим комдивом приступил следователь военной прокуратуры фронта, который, как известно, уполномочен произвести предварительное следствие по уголовному делу. Оно и было им заведено... А дальше все, как обычно: следователь был «обязан принимать все необходимые, предусмотренные законом меры для объективного, всестороннего, полного и быстрого расследования преступления, изобличения виновных и обеспечивать правильное применение закона, с тем чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности». Это определение автор книги «По закону совести» Николай Федорович Чистяков (ветеран органов военной прокуратуры) называет абсолютно правильным. Но правильным оно могло быть в мирных и идеальных, так сказать, условиях. А тут шла война, была зима, немцы окружили не одну нашу дивизию. Более того, вина Короткова уже была определена в штабе 1-го Украинского фронта. Именно он один должен был ответить за ошибки многих офицеров и военачальников. Правильно это или не правильно, но так было в нашей армии не только в годы Великой Отечественной войны, так было всегда. Крайних обычно назначали, ведь коллективной ответственности там

никогда не было, потому что она запрещена.

Что оставалось следователю? Выполнить свою работу в тяжелых фронтовых условиях, от самого начала до конца. И это притом, что приговор его подследственному уже был произнесен из уст полководцев, которые, как известно слов на ветер не бросают.

Чтобы хоть немного попятить, что такое работа следователя в тех условиях, стоит обратиться к книге все того же Н.Ф. Чистякова:

«Для того чтобы допросить, например, свидетеля, нередко приходилось не идти, а ползти на передний край под обстрелом артиллерии, минометов или пулеметов. Отложить до завтра допрос невозможно. Завтра свидетель — его показания чрезвычайно важны для дела — может быть убит или тяжело ранен и отправлен в тыловой госпиталь. На фронте приходилось допрашивать свидетелей непосредственно в траншее, блиндаже при мерцающем светильнике из гильзы. В июле 1941 года я допрашивал в качестве свидетеля одного из командиров полков нашей дивизии. Допрос происходил в окопе. Вокруг рвались мины, невдалеке трещали пулеметы и автоматы. К тому же свидетель буквально валился с ног от усталости. Он не смыкал глаз несколько ночей и не раз буквально засыпал при допросе. (...)

Протоколы допросов нередко приходилось писать карандашом, сидя на первом попавшемся предмете или прямо на земле. Разумеется, о большой культуре оформления дел говорить не приходилось. Да и с бумагой было туговато. Поэтому иногда для обложек дел приходилось использовать газеты».

Зяма Яковлевич Иоффе на фронт ушел в 1941 году. В штабе дивизии, как выпускник юридического института, был назначен судебным секретарем дивизионного трибунала. В 1942-м ему присвоили звание младшего военюриста, затем «военюриста 3-го ранга». В 1943-м Иоффе стал капитаном юстиции, а в 1944-м — майором юстиции. До осени 1942 года проходил службу судебным секретарем корпусного трибунала. После удовлетворения рапорта был назначен следователем военной прокуратуры 58-й армии, а в конце 1943-го — помощником военного прокурора 52-й армии. Именно опыт этого человека поможет нам разобраться в юридических хитросплетениях того времени. Начнем хотя бы с дел, которые Иоффе пришлось расследовать во время боев на Северо-Кавказском фронте:

«Было несколько дел по статье 193-й, пункт 17-6, речь шла о преступной халатности и злоупотреблении служебным положением, повлекшим за собой невыполнение приказа при отягчающих обстоятельствах. На подходе к станице Ольгинской командир полка майор Корчагин, получивший приказ занять станицу, послал вперед свою разведку. Разведка не вернулась, но Корчагин решил двинуть полк вперед, не имея точных данных о противнике. Полк шел вперед по дороге в батальонных колоннах, Корчагин даже не удосужился развернуть свой полк в боевой порядок или выслать еще один передовой дозор. Навстречу вышла колонна немецких танков и бронемашин и раздавила наш стрелковый полк на марше. Разбежавшихся по полю солдат из корчагинского полка немцы просто скосили с БТРов из пулеметов. Допрашивал я Корчагина в бывшем здании школы, и во время допроса нас по ошибке стали бомбить свои же летчики...

Корчагин был приговорен к отбыванию наказания в штрафном батальоне. Его дальнейшей судьбы я не помню.

Там же произошла еще более крупная трагедия, и следствие доверили мне. В последних числах февраля 1943-го в нашей армии была организована ударная группа в составе трех стрелковых дивизий под командованием начальника штаба армии генерал-майора Филипповского (бывшего преподавателя Военной академии им. Фрунзе). Эта ударная группа прорвала немецкую оборону и, двигаясь вдоль плавней, захватила плацдарм за станцией Черноерковская и закрепилась на нем, заняв оборону

на высотах.

По плану командования на помощь дивизиям, воюющим на плацдарме, должен был прийти, нанеся встречный удар, 10-й стрелковый корпус генерала Пыхтина. Но 10-й корпус свою задачу не выполнил. Не сосредоточился в срок на исходных позициях для наступления, его головные полки шли без ведения разведки, первый батальон вышел к реке в совершенно другом месте и не нашел брода и переправы, другой полк вообще “заблудился”, связь не работала, части не вышли на рубежи в заданное время, никто не позаботился о должной маскировке, и так далее. Этот “бардак” закончился тем, что немцы обнаружили на рассвете и раздолбали авиацией этот 10-й корпус. А группа генерала Филипповского, так и не дождавшаяся поддержки, была разбита и сброшена в реку.

Остатки дивизии мелкими группами выходили через плавни, а самого, Филипповского успели вывезти с плацдарма на У-2. Одним словом за пять дней был наголову разбит наш стрелковый корпус. Были арестованы начштаба корпуса полковник Айвазов (бывший начальник оперативного отдела 58-й Армии), командир стрелкового полка майор Волков и один из комбатов, из-за неумелых действий которого и началась неразбериха, приведшая к трагическим последствиям. Я с этими тремя арестованными офицерами и двумя бойцами охраны прошел по грязи километров пятнадцать до штаба армии, находившегося в станице... кажется в Гривинской, и там было проведено расследование. На допросах арестованные офицеры пытались объяснить, мол, хотели, как лучше, а получилось, как всегда, но фактов безалаберной халатности, нарушения приказов и прочих нарушений, полностью подходящих под определение — “воинское преступление”, было более чем достаточно, и мне приказали прибыть в штаб Северо-Кавказского фронта. Полетел туда на По-2. Прокурор фронта бригадюр Агалаков, ознакомившись с протоколами допросов и выслушав мой доклад, сказал: “Пойдешь со мной. Лично доложишь Масленникову”. Комфронта Масленников приказал отдать Айвазова с двумя другими офицерами под трибунал. Главный пункт обвинения основывался на уже упомянутой мной статье — “193-я, пункт 17-6”. Все три офицера по приговору были отправлены в штрафбат, искупать свою вину кровью, и двое из них — Волков и Айвазов вернулись из “штрафников” живыми, им вернули офицерские погоны и назначили на строевые должности с понижением на одну ступень. Выжил ли третий осужденный, комбат, я сейчас уже не вспомню.

Командира 10-го СК сняли с командования корпуса, снизили ему звание до полковника и отправили командовать дивизией».

По поводу оправдательных приговоров Иоффе З.Я. говорит следующее:

«Следователь армейской прокуратуры, разобравшись с обстоятельствами дела, мог его закрыть и не передавать в трибунал ввиду отсутствия состава преступления. Это было нередко. А если дело рассматривалось в суде трибунала, то, начиная со второй половины сорок второго года, все обстоятельства произошедшего ЧП или преступления выяснялись досконально и полное оправдание обвиняемого не являлось исключением из правил.

Судили по законам, и пусть это были законы военного времени и подсудимые не имели защитников на суде, но соблюдение самой буквы закона являлось главным требованием Военной коллегии при Верховном суде СССР. Приведу примеры, как следствие прерывалось на первом этапе и с подозреваемых были сняты все обвинения.

На Днестре, под Черкассами саперы не рассчитали прочность наведенной переправы. По ней пошла колонна артполка с пушками, и вся техника ушла под воду. Мост не выдержал. Да еще как раз в этот момент “плюхнулся в воду” самолет По-2, на котором прилетел осматривать переправу начальник артиллерии армии. Но прямой вины саперов в случившейся трагедии на переправе не было, и командование, выслушав наши доводы, приказало закрыть дело.

Там же, на Днестре, “смершевец” одного из стрелковых полков доложил по инстанции, что на его глазах было массовое бегство с поля боя, которое возглавил лично комбат. Был арестован комбат и еще пять человек из батальона, на участке которого все произошло. Выясняется, что никаких “драпальщиков” и в помине не было, а дело было так — комбат разрешил части легкораненых бойцов отойти к полковому медицинскому пункту, и после получения мед. помощи большая часть этих солдат снова вернулась в окопы и продолжила бой. Одним словом, типичный “особистский поклев”, с который мы сталкивались многократно. И я решил допросить “смершевца”, который первым доложил о ЧП. Но чтобы допросить “особиста”, требовалось разрешение начальника отдела контрразведки армии, а они своих “в обиду не давали”. Но я добился такого разрешения, и когда прояснилось, что весь доклад “смершевца” был сплошной ложью, то написал рапорт и передал его начальнику СМЕРШа нашей армии. И этого “сигнализатора” выгнали из “особистов” в строй».

М. Делаграмматик всю войну работал судебным секретарем в военных трибуналах корпуса, армии и крупных гарнизонов. Как он сам пишет, эта «небольшая должность позволила мне, однако, увидеть советскую

репрессивную машину лицом к лицу» («Военные трибуналы за работой»). Его мнение в этой истории тем более интересно, что капитан юстиции, как выпускник литературного факультета Московского института истории, философии и литературы им. Чернышевского, в 1941-м был направлен на десятимесячные курсы военных юристов при Военно-юридической академии. В 1942-м Делаграмматика было присвоено звание военюриста, после чего юного старлея направили в распоряжение Военного трибунала Южного фронта. Уже там он получил назначение в военный трибунал 3-го гвардейского стрелкового корпуса на должность судебного секретаря.

По воспоминанию М. Делаграмматика, «в каждой дивизии, корпусе, армии и фронте существовала трехэлементная система карательных органов (термин той эпохи): Особый отдел НКВД, военная прокуратура и военный трибунал.

В функции Особого отдела НКВД (начальник, заместитель, следователи, комендант, бойцы, камера предварительного заключения) входило следить за политическими и моральным состоянием корпуса, выявлять государственных преступников (изменников, шпионов, диверсантов, террористов, контрреволюционные организации и группы лиц, ведущих антисоветскую агитацию, и других), вести следствие по государственным преступлениям под надзором прокуратуры и передавать дела в военные трибуналы. (...)

Военная прокуратура корпуса состояла из прокурора, нескольких следователей прокуратуры, секретаря. (...)

Военная прокуратура вела следствие по преступлениям, совершаемым военнослужащими; это были не контрреволюционные (государственные) преступления, а общеуголовные и воинские (дезертирство, неисполнение приказа, утеря военного имущества, распространение ложных слухов, должностные преступления, членовредительство, мародерство, грабежи и разбой в районе военных действий и др.). Военная прокуратура осуществляла также надзор за ведением следствия по этим делам, за соблюдением советских законов в корпусе; формально осуществляла она и надзор за ведением следствия особыми отделами НКВД.

Теперь о военном трибунале корпуса, в котором мне довелось работать месяца четыре. Основная функция военного трибунала — рассмотрение уголовных дел военнослужащих, а также тяжелых преступлений гражданских лиц. Законченные следствием уголовные дела поступали в наш военный трибунал, как правило, из двух источников: из Особого отдела НКВД корпуса (главным образом, дела о контрреволюционных, или государственных, преступлениях) и военной прокуратуры (дела об

общеуголовных преступлениях и воинских). Наш военный трибунал рассматривал дела, поступавшие из этих источников, осуждал или оправдывал подсудимых (последнее, впрочем, случалось довольно редко). Во время войны всеми трибуналами применялось довольно широко примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР: приговор к лишению свободы в отношении осужденного может быть отсрочен исполнением, а он направлен на фронт в штрафные подразделения. Если, как говорилось в примечании, осужденный в боях с врагами Советского Союза проявит себя стойким защитником Родины, то после войны он может быть освобожден от пребывания наказания и с него будет снята судимость. Эта норма не применялась к осужденным за государственные преступления. Военные трибуналы, в том числе и наш, применяли примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР, освобождали от отбывания наказания осужденных солдат и офицеров, энергично проявивших себя в боевых действиях, — как правило, это делалось публично и потому давало большой эффект: советские люди» слишком привыкшие к тому, что сажают, вдруг становились свидетелями освобождения. (...)

Расстрельные приговоры в боевой обстановке порой приводились в исполнение в воинской части перед строем. Приговоры военных трибуналов на фронте были окончательными и обжалованию не подлежали. Не помню случая, чтобы командующий соединением не утвердил приговора. Поэтому осужденный был лишен возможности обращаться в Президиум Верховного Совета СССР, которому принадлежало право помилования».

Как говорят люди знающие, возбуждение уголовного дела — это только первая стадия уголовного процесса. Решение о возбуждении уголовного дела во все времена требовало законного повода и оснований. В данном случае поводом к возбуждению дела явилось указание командования 1-го Украинского фронта, а основанием к возбуждению уголовного дела стали веские данные, указывающие на признаки преступления командира дивизии и его начальника штаба.

Следующая стадия уголовного процесса — предварительное расследование. И называется оно так потому, что предваряет следствие судебное, так как проводится до суда.

Именно на этой, второй стадии устанавливаются фактические обстоятельства преступления и лицо, виновное в его совершении, появляется важнейший участник процесса — обвиняемый, готовятся материалы для судебного разбирательства.

В дальнейшем возбуждается уголовное дело и производятся неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов преступления (осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых и свидетелей).

После задержания Короткова и Хамова начинаются допросы... А все предварительное следствие закончится составлением обвинительного заключения.

Специалисты прекрасно знают, что первоначально следователь получает от допрашиваемого анкетные данные и только затем переходит, так сказать, к психологическому контакту. Но прежде задает незначительные вопросы для установления этого самого контакта с допрашиваемым, тем более что тот еще вчера командовал стрелковой дивизией, имеет звание полковника и высокие боевые награды.

Только после этого он переходит к получению от допрашиваемого основной информации, необходимой для расследования преступления. Затем сопоставляет ее, чтобы устранить все неясности, и лишь потом фиксирует полученную в ходе допроса информацию и представляет ее в письменном виде допрашиваемому. Последний, в свою очередь, подтверждает правильность записанного в протокол, оставляя под ним свою подпись...

Примерно так все было и в январе 1944 года, но с одной небольшой

поправкой на тяжелые дороги войны и сложные погодные условия. К ним можно добавить лишь еще пару не менее важных моментов: разрозненные группы частей 38-й дивизии выходили из окружения, а вина самого комдива уже до суда была точно обозначена наверху. Все это чрезвычайно осложняло работу следователя военной прокуратуры фронта. Но он свое дело знал и делал, как мог. По крайней мере старался, несмотря на все объективные и субъективные трудности.

Л допрашивать бывшего командира дивизии было нелегко. В его тазах было написано такое страдание, какое следователю видеть никогда не приходилось. Вчерашний бравый и храбрый комдив почернел лицом, уменьшился в росте, в весе, а под бесцветными тазами навалились темные мешки.

Они говорили долго и напряженно, но с одним маленьким «но». Если Коротков избегал какого-либо обращения к следователю, то тот называл его вежливо и с уважением «Андрей Денисович». Хоть это действовало на полковника как-то успокаивающе. Ведь в глубине души Коротков надеялся доказать свою невиновность, рассчитывая в лучшем случае на штрафную. Так думал и следователь.

— Части дивизии, которой я командовал, отступили и попали в окружение по не зависящим от меня причинам, — доказывал Андрей Денисович. — Поймите, что поражение было неминуемо, потому что дивизия на момент начала наступления была небоеспособна и не могла выдержать массированный удар нескольких соединений противника, который как минимум превосходил нас численностью и вооружением.

— Как же, в таком случае, все произошло?

— Дивизия была выведена с Букринского плацдарма основательно потрепанной. Она не получала ощутимого подкрепления аж с самого ноября. Выхода в резерв, у нас забрали всех оставшихся стрелков в соседние дивизии. Предполагалось, что она получит большое пополнение людьми и полностью будет укомплектована вооружением. Но из-за неблагоприятно складывающейся обстановки под Киевом командование вынуждено было бросить ее туда на подкрепление. Вы же прекрасно понимаете, что приказы не обсуждаются, а выполняются. В общем, принял я ее не то что малочисленной, а фактически небоеспособной.

Коротков опустил голову и замолчал. Словно ком подступил к горлу. И следователь предложил папиросу...

В ходе допроса выяснился, а это была огромная надежда, прежде всего для комдива, факт с отправкой шифровки в адрес командира корпуса с просьбой переподчинить и выдвинуть корпусной противотанковый резерв

в полосу 38-й дивизии. Но командир корпуса генерал Меркулов категорически отрицал ее получение.

Допрошенные свидетеля, майор Петров, майор Чередник, радист, словно в один голос подтвердили отправку шифровки и получение ответной «квитанции». Корпусной шифровальщик под давлением неопровержимых улик раскололся только в Смерше. Известно, что он заплакал и дал признательные показания.

Оказалось, по приказанию командира корпуса генерал-майора Меркулова он ее сжег без составления положенного в таких случаях акта.

Тут можно долго говорить о морали, о чести офицера и просто о человеческой элементарной порядочности. Но на войне, как известно, процветают законы более страшные, чем в мирное время. И там порой выживают не только счастливые, удачливые или отчаянные, но и хитрые, беспринципные, коварные, а порой и банально трусливые люди. Словом, на войне как на войне.

Содержание под стражей в Смерше ни бывшему командиру дивизии полковнику Короткову, ни бывшему начальнику штаба дивизии подполковнику Хамову не сулило ничего хорошего. Смершевцы провели их арест не по согласованию с Военным советом фронта, как это оговаривалось в «Положении о ГУКР «СМЕРШ» НКО СССР» (РГАСПИ. Ф.644. Оп. 1. Д. 108. Л. 152), а непосредственно по его указанию. Согласовывать арест им пришлось только с прокурором фронта, но это была чистая формальность.

Если внимательно посмотреть на задачи органов Смерш, то они никаким образом не подходили под следствие Короткова и Хамова. Смершевцы обязаны были бороться со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок. Они боролись с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной Армии. Они принимали необходимые агентурно-оперативные и иные меры к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов. Они боролись с предательством и изменой родине в частях и учреждениях Красной Армии. Боролись с дезертирством и членовредительством на фронтах. Проверяли военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника. При этом в «Положении» подчеркивалось: «Органы “Смерш” освобождаются от проведения всякой другой работы, не связанной непосредственно с задачами, перечисленными в настоящем разделе».

Ни Коротков, ни Хамов не были ни шпионами, ни диверсантами, ни террористами. Не были они и антисоветчиками. Поэтому следствие вел следователь военной прокуратуры. А оперативники из Смерша в данном случае помогали ему в установленном законе порядке производить выемки, обыски и аресты и проводить допросы. И не потому, что одному следователю военной прокуратуры справиться было трудно. Дело заключалось в другом. Действия командира дивизии и начальника штаба подпадали под приказ наркома обороны СССР И.В. Сталина от 28 июля 1942 г. № 227, более известный в истории под названием «Ни шагу назад!».

В подобных случаях по горячим следам оперативные работники Смерша составляли подробнейшие докладные записки, которые шли

наверх и подключались к расследованию.

По мнению З.Я. Иоффе, «хоть “трибунальцы” и армейские “прокурорские” работники далеко не все были “ангелами”, но отношение к “особистам”, к этим хамовитым “детям Дзержинского” в нашей среде было сугубо отрицательным.

Причины следующие: каждый “особист” смотрел на окружающих с надменной и полной уверенностью, что любого из солдат или офицеров, невзирая на должность и звание, он при желании “отправит в штрафную”, “скрутит в бараний рог”, “прислонит к стенке”, “сотрет в пыль”, “устроит спецпроверку” и так далее. И ведь могли, они же армейскому начальству не подчинялись, у них “своя свадьба”, что хотели, то и вертели. Да и народ туда подбирали служить своеобразный, в основном, сволочной, циничный, без каких-либо “нравственных, этических тормозов”.

Власть над людьми и полная безнаказанность, да еще когда “работнику органов” в голову вбивают, что кругом потенциальные враги и предатели и только он — исключительный, проверенный, “весь в белом”, — все это делает из человека такое дерьмо...

“Был бы человек, а статья всегда найдется”.

Противостоять произволу “особистов” мало кто мог... “Заработать” от “особистов” — “смершевцев” 58-ю статью было проще простого...

И редко можно было найти такого смелого судью в армейском трибунале, который бы набрался личного мужества и вынес бы оправдательный приговор по 58-й статье».

Трудно не согласиться с мнением З.Я. Иоффе, так как подобных примеров есть превеликое множество. Например, в докладной записке военного прокурора 56-й армии гвардии майора юстиции А. Суханова (август 1943 г.) есть такие строки:

«Органами ОКР “Смерш” 56-й армии проведена огромная работа по выявлению и разоблачению контрреволюционного предательского элемента, пробравшегося в ряды Красной Армии и засланного немецкими разведывательными органами. Наряду с этими органами ОКР “Смерш” армии оказана большая помощь местным территориальным органам НКВД по разоблачению контрреволюционного элемента из числа гражданского населения, бывших старост и полицейских, состоящих на службе немецких карательных органов, и иных пособников врага во временно оккупированных районах Кубани, ныне освобожденных.

Однако наряду с этим ряд работников ОКР “Смерш” армии допускали извращение следственной практики и необоснованные аресты военнослужащих по обвинению их в контрреволюционных преступлениях.

За последнее время (2—3 месяца) непосредственно военной прокуратурой армии и по указанию военной прокуратуры ОКР “Смерш” прекращено до 20 дел на военнослужащих как необоснованно обвинявшихся в контрреволюционных преступлениях...» (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том 4. Книга 2.)

Дело Короткова на своем контроле держал сам начальник Управления контрразведки Смерш 1-го Украинского фронта генерал-майор Николай Алексеевич Осетров. Ему было неполных 39 лет. В Красной Армии с 1925 года. В 1929-м окончил военную артиллерийскую школу, в 1939-м — Артиллерийскую академию имени Ф.Э. Дзержинского. В армии был командиром взвода артдивизиона, затем командиром батареи артдивизиона. В феврале 1939 года сразу же был назначен начальником Особого отдела НКВД Киевского военного округа. В период советско-финляндской войны — заместитель начальника Особого отдела НКВД СССР. С февраля 1941-го — заместитель начальника 3-го управления НКО и начальник следственной части. С августа 1941-го — заместитель начальника Управления ОО НКВД СССР, с апреля 1943-го по апрель 1944-го — начальник УКР Смерш Воронежского фронта.

Военный трибунал в годы войны был не менее страшной организацией, чем Смерш. А в комплексе, в той самой трехэлементной системе карательных органов, и еще более страшной. Судите сами...

«По положению о военных трибуналах от 22 июня 1941 г. подсудность дел различным звеньям системы военных трибуналов, как и прежде, зависела от должностного положения обвиняемых военнослужащих, — рассказывает Н.А. Петухов в книге “История военных судов России”. — Так, военным трибуналам при дивизиях были подсудны дела военнослужащих от рядового до командира роты включительно и приравненных к нему по служебному положению лиц; военным трибуналам при корпусах—до командира батальона включительно и ему соответствующих лиц; военным трибуналам при армиях (флотилиях) — до помощника командира полка включительно и ему соответствующих лиц; военным трибуналам при военных округах, фронтах и флотах — до командира неотдельной бригады включительно и ему соответствующих лиц (ст. 10).

Положение устанавливало ускоренный и упрощенный порядок рассмотрения дела, с ограничением ряда процессуальных гарантий подсудимого. Военным трибуналам предоставлялось право рассматривать дела по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения, дела рассматривались в составе трех постоянных судей, т.е. без привлечения народных заседателей (ст. 11,12). В дальнейшем Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1942 г. к участию в судебных заседаниях вновь были допущены народные заседатели, выделяемые политорганами или командованием.

В ст. 14 Положения о военных трибуналах было указано, что приговоры военных трибуналов, действующих в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, обжалованию в кассационном порядке не подлежат и могут быть отменены или изменены лишь в надзорном порядке. Право надзора, кроме Военной коллегии Верховного суда СССР, было предоставлено военным трибуналам округов, фронтов и флагов, что способствовало быстрому реагированию в судебном порядке на случаи вынесения ошибочных решений нижестоящими военными трибуналами и обеспечению, таким образом, законности в их деятельности.

Положение о военных трибуналах от 22 июня 1941 г. устанавливало особый порядок приостановления исполнения приговоров с высшей мерой наказания — расстрелом (ст. 15—16).

В силу ст. 15 Положения военные советы округов, фронтов и армий (флотов, флотилий), а также командующие фронтами, армиями и округами (флотами и флотилиями) имели право приостанавливать исполнение приговоров о высшей мере наказания (расстрелом) с одновременным сообщением по телеграфу Председателю Военной коллегии Верховного суда СССР, а также Главному военному прокурору Красной Армии и Главному прокурору Военно-Морского Флота СССР (по принадлежности) своего мнения об этом — для дальнейшего направления дела.

О приговоре к расстрелу названным должностным лицам сообщал немедленно по телеграфу военный трибунал, постановивший этот приговор. В случае неполучения в течение 72 часов с момента вручения телеграммы адресату телеграфного сообщения от того, кому оно было послано, такой приговор приводился в исполнение.

Аналогичные меры содержались в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1941 г. «О предоставлении военным советам армий и командирам корпусов права утверждения приговоров военных трибуналов к высшей мере наказания».

Остальные приговоры военных трибуналов вступали в законную силу с момента их провозглашения и немедленно приводились в исполнение».

Существенно добавляет этот рассказ научная статья «Деятельность военных трибуналов во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» М.Р. Чарыева. Вот что он пишет:

«В годы войны были резко сокращены сроки производства по уголовным делам. Они составляли от одного до трех дней, включая приведение приговора в исполнение. В военных трибуналах дела надлежало начинать через 24 часа после вручения копии обвинительного заключения. Этому способствовало немалое число документов, которые обязывали рассматривать и разрешать дела в сокращенные сроки (к примеру, Приказ Наркомата юстиции от 29 июня 1941 г. № 106 «О перестройке работы судебных органов и органов юстиции на военный лад», требовавший усилить быстроту судебного воздействия). Большинство дел рассматривалось без защитника. При таком положении исключалось участие в деле прокурора, его функцию выполнял трибунал. Было упразднено право кассационного обжалования.

В Директиве наркома юстиции и Прокурора СССР от 31 июля 1942 г. № 1096 предполагалось: действия командиров, комиссаров и

политработников, привлеченных за самовольное отступление с боевой позиции, квалифицировать по п. “б” ст. 58.1 Уголовного кодекса РСФСР (измена Родине, совершенная военнослужащим, наказание — расстрел); пропаганду дальнейшего отступления частей РККА квалифицировать по ч.2 ст. 58.10 Уголовного кодекса РСФСР (контрреволюционная пропаганда и агитация, основное наказание — расстрел)».

И еще одно существенное дополнение в рассказе М. Деллаграмматика:

«Хотя на фронте было затишье, Особый отдел, прокуратура и военный трибунал без дела не сидели. Последний рассматривал преимущественно дела по обвинению в дезертирстве, членовредительстве (самострелы), должностных преступлениях и др. Больше всего, пожалуй, было дел о дезертирстве (193—7, п. 2 УК РСФСР).

Рассмотрение уголовных дел требует неукоснительного соблюдения советских законов, установленных Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР и других республик, — так нас учили в академии. Однако на практике допускались грубые нарушения и упрощения, санкционированные сверху. Например, копия обвинительного заключения подсудимому не вручалась за сутки до судебного заседания, как того требовало законодательство, а ему всего лишь объявлялось обвинительное заключение, подчас даже прямо в день судебного заседания. На типографских бланках было уже напечатано: “Обвинительное заключение мне объявлено” (дата); вручать этот документ в руки подсудимому запрещалось — грубейшее нарушение закона. Чаще всего свидетели по делу в суд не вызывались, что мотивировалось их участием в боевых действиях; суд ограничивался оглашением показаний на предварительном следствии.

По советскому процессуальному праву подсудимый может отказаться от показаний в суде, но судьи обычно уговаривали, чтобы он давал показания и своим чистосердечным признанием облегчил бы свою участь. А на самом деле это нужно было для обвинительного приговора.

Подсудимому не разъяснялось, что его последнее слово временем не ограничено. Предоставляя ему последнее слово, судья только спрашивал: “Что вы просите от суда?” Этим грубо попиралось право подсудимого.

Низкий теоретический уровень военных судей, их плохое образование, не говоря даже об отсутствии юридического, как у многих партийных выдвиженцев, невежественных и полуграмотных, судей и прокуроров, отражались на качестве предварительного следствия и судебного следствия, отчего страдала справедливость.

И все же объективности ради надо сказать, что в 1942—1946 годах

военные трибуналы лютовали менее, чем в конце 30-х: жизни осужденных были нужны фронту, это во-первых. А во-вторых, как уже неоднократно было замечено, война несколько потеснила сталинщину. Из 994 300 осужденных военными трибуналами во время войны в отношении почти 400 тысяч осужденных исполнение приговора было отсрочено до окончания военных действий, и они были направлены на фронт в составе штрафных подразделений».

«“Труды и дни” трибунальцев были напрямую связаны с обстановкой на фронте: жестокость карательной политики определялась поражениями и успехами: при нашем отступлении военные трибуналы выносили жесткие приговоры и патронов не жалели», — добавляет к сказанному бывший судебный секретарь военного трибунала.

К слову сказать, председателем военного трибунала 1-го Украинского фронта был полковник юстиции Григорий Якимович Подойницын. Начал войну в звании диввоенюриста и в должности председателя военного трибунала 28-й армии. Характеризует этого человека такой эпизод 1941 года:

«Во время выхода группы войск 28 Армии из вражеского окружения в августе месяце... в районе д. Коски на р. Остер в ночь с 5 на 6 августа организовал группу красноармейцев в 20—25 чел., проник в тыл немцев и из засады напал на колонну войск (впоследствии оказался штаб полка), разогнал всю группу, которая оставила 3 орудия, штабной автомобиль и 5 мотоциклов.

На одну из захваченных машин с орудийной установкой посадил красноармейцев, повел наступление на дер. Муринку, на полном ходу ворвался в деревню давя машиной бежавших в панике фрицев» (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 8. Л. 164). За это боевое отличие в июле 1942 года Подойницын был награжден орденом Красной Звезды.

Военным прокурором 1-го Украинского фронта был полковник юстиции Борис Матвеевич Шавер. После окончания правового отделения (1930 г.) экономического факультета Иркутского университета прошел путь от члена окружного суда в Иркутске до начальника следственного отдела Прокуратуры РСФСР в 1940-м. В 1938 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Войну начал в должности заместителя военного прокурора армии. Далее был назначен заместителем военного прокурора Западного фронта. Дважды был ранен. Среди наград Б.М. Шавера три ордена Красного Знамени и два ордена Богдана Хмельницкого 1-й степени.

И первый, и второй, судя по всему, были людьми грамотными, являясь

безусловными профессионалами в своем деле. Более того, и Подойницын, и Шавер были людьми смелыми. Однако система тех лет не могла не отразиться на мнении этих честных людей. Но это мое личное предположение...

Итак, следователь военной прокуратуры фронта заканчивает предварительное следствие и составляет обвинительное заключение. Основанием для чего является установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, и отсутствие обстоятельств, влекущих прекращение дела.

А дальше начинается судебное разбирательство, то есть та самая «стадия уголовного процесса, заключающаяся в деятельности и правоотношениях ее участников при определяющей роли суда (или судьи) по установлению наличия или отсутствия фактических и юридических оснований для признания подсудимого виновным и назначения ему наказания» (В.В. Вандышев, А.В. Смирнов. Основы уголовного судопроизводства). После чего выносится приговор...

Андрей Данилович Коротков был обвинен в измене Родине и приговором Военного трибунала 1-го Украинского фронта от 28 января 1944 года осужден по статьям 16 и 58—1 «б» УК РСФСР к расстрелу с конфискацией имущества.

К слову, Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года был прилаг 2-й сессией ВЦИК XII созыва и введен в действие с 1 января 1927 года постановлением от 22 ноября 1926 года (СУ № 80, ст. 600).

Трагически знаменитая 58-я статья УК РСФСР известна многим.

58—1. Определение контрреволюционной деятельности.

«Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и... правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции».

58—1 «а». Измена Родине: расстрел с конфискацией имущества или 10 лет с конфискацией имущества.

58—1 «б». Измена со стороны военного персонала: расстрел с конфискацией имущества.

А теперь вспомним Директиву наркома юстиции и Прокурора СССР от 31 июля 1942 г. № 1096, упоминаемую в статье М.Р. Чарыева, в которой черным по белому предлагалось: «Действия командиров, комиссаров и политработников, привлеченных за самовольное отступление с боевой

позиции, квалифицировать по п. «б» ст. 58.1 Уголовного кодекса РСФСР».

В общем, с этим все понятно. Но что за статья 16-я УК РСФСР, стоящая впереди 58-й? Оказывается, 16-я статья расшифровывается весьма кратко:

«Бели то или иное общественноопасное действие прямо не предусмотрено настоящим Кодексом, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям Кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления».

Честно сказать, первоначально лично мне трудно было понять тонкую хитрость этой статьи, но на помощь пришли соответствующие специалисты, которые пояснили, что преступления Короткова не попадали конкретно под 58-ю статью, и тогда ему дали 58-ю через 16-ю. Оказывается, было и такое.

Так в чем же обвинили бывших командира 38-й стрелковой дивизии? Бывший начальник штаба артдивизиона одного из полков этой дивизии подполковник Дубровский лично видел документы судебного разбирательства Короткова. С его слов, все обвинения основывались только на отходе дивизии без приказа вышестоящего командования.

Фактически Коротков обвинялся в том, что допустил разгром своей дивизии и, когда немцы добивали его полки, будучи в нетрезвом состоянии «в период отхода частей, расстрелял без необходимости несколько солдат и офицеров».

Бывшему начальнику штаба дивизии повезло больше. По приговору Военного трибунала 1-го Украинского фронта от 25 января 1944 года к нему применили примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР: «Приговор к лишению свободы в отношении осужденного может быть отсрочен исполнением, а он направлен на фронт в штрафные подразделения. Если, как говорилось в примечании, осужденный в боях с врагами Советского Союза проявит себя стойким защитником Родины, то после войны он может быть освобожден от отбывания наказания и с него будет снята судимость» (М. Делаграмманик).

На фронте пили если не вес, то почти вес. Правда, в питии том было различие. Как рассказывают фронтовики, фронтовые «сто грамм» обычно давали после боя, после атаки. Оставшиеся в живых пили и за себя, и за погибших. Единственными, кто выпивал перед атакой, были всегда командиры. Им надо было вести за собой бойцов. Я уже не говорю про командиров более высоких рангов. Те пили и по поводу, и без, в зависимости от наличия.

Автор книги «Записки командира штрафбата» Михаил Сукнев более трех лет воевал на передовой, несколько раз был ранен. Дважды награжден орденом Александра Невского. Так вот что он, в частности, пишет:

«Три года пробыть на фронте — это было мало кому дано из тех, кто не поднялся выше комбатов, командиров батальонов и батарей! Месяц-два, а то и сутки-двое, и твоя гибель неизбежна!

Я уже знал свою норму — стакан водки, больше нельзя. Вино не берет, стакан на меня действовал как 50 граммов. А не выпьешь, из окопа не вылезешь. Страх приковывает. Внутри два характера сходятся: один — я, а другой — тот, который тебя сохранять должен.

Меня как-то вызвали в полк с передовой, что со мной случилось, не знаю. Вытащил пистолет и стал стрелять в землю. И сам не пойму, почему стреляю. Нервы не выдержали».

Можно предположить, что полковник Коротков в те страшные часы для него выпил не один стакан, но то, что у него сдали нервы, следует сказать однозначно. По этой причине он и начал без разбору стрелять в своих солдат и офицеров.

Судя по всему, самосуд полковника Короткова фигурировал в его уголовном деле, но, видимо, лишь потому, что он лично застрелил не одного человека. Более того, застрелил без всяких на то оснований. Сдали нервы!

З.Я. Иоффе по поводу привлечения старших офицеров к суду военного трибунала за самосуд» расправу над подчиненными говорит следующее:

«За такие дела к суду привлекали нечасто, поскольку старший офицер мог легко прикрыться приказом № 270 от 16/8/1941, дававшим право старшим командирам расстреливать в боевой обстановке на месте “паникеров, трусов, изменников и дезертиров”, за самовольное оставление позиций и так далее.

Только если было доказано, что какой-нибудь полковник убил своего подчиненного офицера или своих солдат, будучи пьяным, без каких-либо причин, продиктованных боевой обстановкой, и только ВС или командование разрешали произвести расследование в данном конкретном случае, то старший офицер мог быть привлечен к ответственности за “самосуд”. В моей практике был один такой случай.

На Кубани, командир полка, подполковник, но фамилии, кажется, Кузнецов, совершил подобное преступление. Его полк понес огромные потери, он попросил подкреплений, и ему передали усиленную стрелковую роту из только что прибывшей во второй эшелон армии свежей дивизии, сформированной в Сухуми. Рота прибыла на подмогу с большими потерями, добралась до выделенного ей участка обороны, и командир роты, старший лейтенант, оставив на позициях вместо себя взводных сержантов, пошел в штаб полка, доложить, что приказ выполнен, Пьяный комполка набросился на него со словами — “Ты трус! Почему роту оставил?!”, и старший лейтенант немедленно вернулся на позиции. Вечером не переставший “нагружаться спиртом” командир полка, вызвал к себе этого командира роты и без слов расстрелял его в штабном блиндаже, всадил в лейтенанта четыре пули из нагана. Все штабные офицеры промолчали. Наутро комполка немного очухался, чуть протрезвел, пришел в 1-й батальон полка, полез на бруствер и с криком “Вперед за мной!” пытался вести роту в атаку. Немцы моментально всех выкосили из пулеметов, и расстрелять перед строем

сам комполка, получив на первых же метрах пулевое ранение, был отправлен в госпиталь. Когда нам сообщили об убийстве старшего лейтенанта, то меня направили проводить расследование. Подполковника пришлось допрашивать прямо в госпитале. Военный Совет Армии дал санкцию на арест командира полка, и он был осужден по суду трибунала».

В учетно-послужной карте полковника Короткова указано, что он расстрелян по приговору военного трибунала за нарушение приказа НКО № 227—42 г. Основание: шифротелеграмма 1-го Украинского фронта вх. 951 от 16.2.44 г.

Приказ этот (от 28 июля 1942 г.) широко известен, и я не буду цитировать его полностью. Остановимся лишь на причинах его возникновения, которые четко оговариваются в этом документе.

Первая: «Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором».

Вторая: «Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток».

Третья; «Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам».

И, наконец, четвертая: «Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину».

Далее следует вполне закономерный вывод: «Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много,

хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв».

После выхода этого приказа, как подчеркивает Ю.В. Рубцов, «репрессивный аппарат заработал без промедления. Во исполнение сталинского приказа нарком юстиции СССР и Прокурор СССР 31 июля 1942 г. издали директиву № 1096, в которой содержалась квалификация действий командиров, комиссаров и политработников, привлеченных к суду за, как говорилось в документе, «самовольное отступление с боевой позиции без приказа вышестоящих командиров и за пропаганду дальнейшего отступления частей Красной Армии», а также определялись сроки расследования этой категории дел.

Действия, заключающиеся в самовольном отступлении без приказа, квалифицировались по ст. 58—1 «б» УК РСФСР (измена Родине, совершенная военнослужащим, каралась высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества). Расследование по этим делам не могло превышать 48 часов. Пропаганда дальнейшего отступления квалифицировалась по ст. 58—10, ч. 2 УК (контрреволюционная пропаганда и агитация при наличииотягчающего обстоятельства — военной обстановки или военного положения — каралась расстрелом).

Военным прокурорам и председателям трибуналов предписывалось принять «решительные меры к оказанию командования и политорганам реальной помощи к выполнению задач, поставленных в приказе народного комиссара обороны».

Приказ НКО СССР № 227 зачитывался во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах. С его содержанием в Красной Армии были знакомы, без преувеличения, все, и никто не мог сослаться на собственное неведение» («Штрафники Великой Отечественной»).

Согласитесь, что хотя приказа № 227 никто не отменял, однако в 1944 году он фактически не соответствовал обстановке на советско-германском фронте. Красная Армия наступала по всему фронту. И массовых отступлений, массовой трусости уже не было и быть не могло в помине. Отдельные же случаи явно не становились вопиющими...

На вопрос «Например, командир батальона не выполнил приказ, не взял высоту в атаке. Или командир стрелковой бригады, при штурме какой-

то деревни полностью “истребил свои батальоны”. Как расследовались подобные трагические события?» Зяма Яковлевич Иоффе отвечает так:

«Прокурорское расследование таких случаев производилось только с санкции ВС Армии. В общевойсковой армии было два члена ВС (Военного Совета) и один из них курировал деятельность прокуратуры в своей армии. В случае с “комбатом, не выполнившим приказ”, обычно разбиралась прокуратура стрелковой дивизии, в которой все это произошло. А уровень командира бригады или дивизии, как я вам уже говорил, — это уже была работа прокуратуры армии, тем более, что в таких ситуациях обвинение основывалось на статье 193—17 — “потеря управления в бою” — серьезное должностное преступление. Но зря вы думаете, что за чрезмерные потери строго спрашивали.

Кроме случая с группой генерала Филипповского, в нашей армии я таких моментов не припомню. Ведь это же сразу “цепная реакция”: положили дивизию безрезультатно, кто виноват? — только комдив?, а где в это время был командир корпуса?, а куда смотрел командарм? Поэтому в частях нередко пытались скрыть ЧП и свои потери».

О том, кто приводил в исполнение расстрельные приговоры, З.Я. Иоффе говорит, что расстрельные приговоры приводил в исполнение СМЕРШ, для этого привлекались красноармейцы из «особистских комендантских взводов охраны» юга непосредственно оперуполномоченные ОО или СМЕРШа. Ответственность за исполнение приговора лежала на них. Но я лично не помню такого, чтобы, даже в первый год войны, расстрел мог быть произведен и комендантом трибунала дивизии или комендантом штаба обычной воинской части.

По закону, если речь шла о показательном, «демонстративном» расстреле, то было обязательным присутствие работника армейской прокуратуры.

Я один раз был на таком расстреле, «поставили к стенке» офицера— дезертира с поля боя, обвиненного по статьям 193—17 и 193—8а, и понял, что видеть такое еще раз не особо хочу, и попросил полковника Генина, чтобы он больше меня не посылал на подобные «мероприятия».

Казнь командира 38-й стрелковой дивизии в своей книге описал А.З. Лебединцев:

«У села Голодьки Тетиевского района Киевской области в роще на поляне заранее была отрыта яма и недалеко поставлен раскладной походный столик, накрытый красным “революционным” материалом. Прибывавшие офицерские колонны выстраивались в каре. Не освободили от этой церемонии даже женщин-медичек, если они имели на погонах хотя бы одну крохотную звездочку. Сначала прибыли члены Военного трибунала со “свадебным” генералом, видимо, членом Военного совета армии. Потом подъехала крытая машина с охраной и через заднюю дверь вывели осужденного бывшего командира дивизии Короткова, который, видимо, уже знал о приговоре, вынесенном ему Военным трибуналом, так как руки его были связаны за спиной, а рот был завязан, чтобы он не смог разговаривать. Одет он был в коричневое кожаное пальто, на ногах были ярко-белые фетровые бурки, снизу обшитые коричневой кожей. (...)

Полковничьей папахи на голове Короткова не было, так как ему мешала повязка на голове.

Поставлен он был перед столом. Председатель Военного трибунала 1-го Украинского фронта объявил приговор от 29-го января 1944 года и закончил словами: “Коменданту трибунала привести приговор в

исполнение!” Комендант подтолкнул приговоренного к яме. Коротков все время пытался что-то сказать, но повязка закрывала рот. Комендант подал команду: “Лейтенант, командуйте людьми”. Командир роты саперного батальона Зыков Н.Н. вызвал трех саперов, заранее предупрежденных о том, что им доверяется приведение приговора в исполнение, и поставил их в готовности открыть огонь по изменнику Родины. Командир роты Зыков, только недавно узнавший о присвоении ему 10 января звания Героя Советского Союза, отнесся к поручению с должным пониманием, как к форсированию Днепра, и скомандовал: “Огонь!”, сделав первым выстрел из пистолета по своему бывшему командиру дивизии. Тремя очередями из автоматов обреченный был весь изрешечен пулями и упал в приготовленную ему саперами яму. Но и на этом не закончилась церемония. К яме подошел комендант капитан Рыкалов и сделал три контрольных выстрела в конвульсирующее тело. После этого генерал-майор подытожил: “Собаке — собачья смерть!” По рядам строя прокатился негромкий ропот, и генерал скомандовал: “Командирам частей развести офицеров по местам расположения!”

Из тех троих, приводивших приговор в исполнение, один остался жив, это сержант Сергиенко Дмитрий Иванович, бывший тогда комсоргом саперного батальона. (...)

Он с горечью рассказывал мне о том, как их всех после исполнения приговора предупредил генерал: “Вы ничего не видели, ничего не знаете и забудьте это место”. Яма с трупом была выровнена с поверхностью земли, засыпана листьями, оцепление вокруг леса снято».

10

Спустя более 12 лет после расстрела Короткова бывший начальник разведки противотанкового дивизиона Роман Михайлович Ростов обратился с заявлением к Главному военному прокурору генерал-майору юстиции Е.И. Барскому:

«Ряд событий последних лет побудили меня к необходимости написать это письмо. Суть его заключается в следующем. В период Корсунь-Шевченковской операции советских войск 14 января 1944 года в районе Виноград Киевской области 38-я стрелковая дивизия, в которой я служил временно исполняющим обязанности командира батареи 134-го ОИПТД, потерпела поражение. В этот день мне пришлось оказывать помощь командиру дивизии полковнику Короткову, которому грозила опасность попасть в плен к немцам. Насколько я ему помог, мне судить трудно, однако ему удалось вырваться из окружения противника.

Неожиданно для всех нас командир дивизии полковник Коротков был

обвинен в измене Родине и в феврале 1944 года перед строем офицеров расстрелян.

Я не знаю, на каких фактах было основано его обвинение, но лично я убежден, что он не был изменником Родины в полном смысле этого слова.

Кроме того, 14 января 1944 года во время боя я был вместе с командиром дивизии, вместе с ним отстреливался от немецких автоматчиков и т.п., однако при расследовании его дела (а это, видимо, было) со мной никто не побеседовал, а поэтому обстоятельства могли оказаться невыясненными.

Прошу принять к сведению мое заявление, в связи с чем я готов дать подробные объяснения по существу дела.

Капитан Р.М. Ростов.

20 августа 1956 года».

Ответ, как и принято в таких случаях, был коротким:

«19 ноября 1956 года № 6 Г-53375—44. Гр. Р.М. Ростову, г. Ульяновск, ул. Сызранская, 17, кв.7.

Сообщаю, что поступившая от вас жалоба от 20.08.56 г. Главной военной прокуратурой рассмотрена и дело А.Д. Короткова направлено для рассмотрения в Военную коллегия Верховного суда СССР, откуда вам будут сообщены результаты.

Военный прокурор отдела Главной военной прокуратуры подполковник юстиции Ю. Ярчевский».

Весной 1958 г. Ростов получил долгожданное извещение:

«Военная коллегия Верховного суда Союза ССР, 24 марта 1958 года, № 2П-013 029/57.

Справка

Дело по обвинению Андрея Даниловича Короткова пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 8 марта 1958 года.

Приговор Военного трибунала 1-го Украинского фронта от 28 января 1944 года в отношении А.Д. Короткова изменен: его действия переквалифицированы со ст. ст. 16 и 58—1 «б» УК РСФСР на ст. 193—17, п. «б» УК РСФСР

Конфискация имущества из приговора исключена. В остальной части приговор оставлен без изменения.

Председательствующий судебного состава Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-майор юстиции Костромин».

Согласно УК РСФСР того времени, статья 193—17 пункт «а» означает: «Злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти, а также халатное отношение к службе лица начальствующего состава Рабоче-

Крестьянской Красной Армии, если деяния эти совершались систематически, либо из корыстных соображений или иной личной заинтересованности, а равно если они имели своим последствием дезорганизацию вверенных ему сил, либо порученного ему дела, или разглашение военных тайн, или иные тяжелые последствия, или хотя бы и не имели означенных последствий, но заведомо могли их иметь, или были совершены в военное время, либо в боевой обстановке, влекут за собой —

Лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

б) Те же деяния, при наличии особо отягчающих обстоятельств, влекут за собой — высшую меру социальной защиты».

Глава 8.

**ИСТОКИ ТОТАЛЬНОГО НАСИЛИЯ,
ИЛИ «РЕВОЛЬВЕРНОЕ ПРАВО»**

Декретом Совета Народных Комиссаров от 6 июня 1918 г. в РСФСР была восстановлена смертная казнь, а 30 января 1918 г. В.И. Ленин выходил из помещения завода Михельсона, в котором выступал на митинге перед рабочими. Около автомобиля в него было произведено три выстрела, ставших прологом большого террора.

В 11 часов вечера у вождя врачи констатировали два слепых огнестрельных ранения. Одна пуля, войдя под левую лопатку, проникла в грудную полость, повредив верхнюю долю легкого, вызвала кровоизлияние в плевру и застряла в правой стороне шеи, выше правой ключицы. Другая проникла в левое плечо и, раздробив кость, застряла под кожей левой плечевой области.

Факт этот широко известен, но не все сегодня помнят, к чему он привел.

«К осени 1918 года прочность советской власти упала до самого низкого уровня, — пишет в книге “Легаш” Д.А. Волкогонов. — Казалось, еще один толчок, даже собственное неосторожное движение, и “первое пролетарское государство рабочих и крестьян” рассыплется, как песочная детская фигурка. Но, как это ни покажется парадоксальным, покушение спасло большевиков, спасло режим “пролетарской диктатуры”, вызвало второе дыхание у государственного организма. Весьма красноречиво об этом сказал “любимчик революции” Троцкий. “В эти трагические дни (после покушения. — Д.В.) революция переживала внутренний перелом. Ее “доброта” отходила на второй план. Партийный булат получал окончательный закал. Возрастала решимость, а где нужно — и беспощадность... Что-то сдвинулось, что-то окрепло, и замечательно, что на этот раз революцию спасла не новая передышка, а, наоборот, новая опасность...”

Троцкий прав: перед лицом грозной опасности большевики взяли на вооружение самый отвратительный метод спасения государства — метод массового террора против собственного народа. Войну империалистическую, как и обещал Ленин, большевики превратили в гражданскую. В этом деле им способствовали многие. В том числе и те, кто помог прогреметь выстрелам вечером 30 августа 1918 года у завода Михельсона, что в 3-м Щиновском переулке...» Далее Дмитрий Антонович весьма точно отмечает: «Покушение на Ленина стало рубежом, когда

террор индивидуальный сменился террором массовым, когда он стал важнейшим компонентом государственной политики. Ленин долго этого добивался. Троцкий вспоминал, что, когда обсуждали написанный им проект “Отечество в опасности”, левый эсер Штейнберг решительно восставал против тезиса об уничтожении на месте всякого, кто будет оказывать помощь врагам.

— Наоборот, — воскликнул Ленин, — именно в этом настоящий революционный пафос (он иронически передвинул ударение) и заключается. Неужели же вы думаете, что мы выйдем победителями без жесточайшего революционного террора?

Ленин не пропускал ни одного случая, когда при нем говорилось о революции, о диктатуре, чтобы не заметить:

— Если мы не умеем расстрелять саботажника-белогвардейца, то какая это великая революция? Одна болтовня и каша...»

К слову сказать, постановление ВЦИК о красном терроре от 5 сентября 1918 г. создало юридическую базу не только для деятельности военных трибуналов, но и для всей системы заложничества, которая стала тогда нормой.

15 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров под председательством В.И. Ленина принял Декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а 29 января — об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота.

13 марта этого же года народным комиссаром по военным делам был назначен Л.Д. Троцкий. 28 марта он получает пост председателя Высшего военного совета, в апреле — народного комиссара по морским делам, а 6 сентября — председателя Революционного военного совета РСФСР. Таким образом, Троцкий, фактически становится первым главнокомандующим Красной Армией, а также одним из ее основателей.

Тут следует отметить, что до лета 1918 года армия молодой советской республики существовала в большей мере на бумаге. Более того, добровольность ее набора и выборность командиров стали одной из основных причин малочисленности и низкой боеготовности РККА. Переход же к формированию массовой регулярной армии стал для новой власти необходимым после выступления чехословацкого корпуса, который на тот момент оказался едва ли не единственной военной силой в голодной и разрушенной стране.

Лев Давидович — это не просто биография одержимого революционера, это особая страница в нашей истории. И вот почему. В своих воспоминаниях вдали от родины Троцкий убежденно напишет:

«Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади».

Автор книги о Троцком, Д.А. Волкогонов так прокомментирует этот пассаж:

«Для него репрессия была составным элементом, частью военного строительства, формой воспитания личного состава. Характерна в этом отношении телеграмма Председателя РВС Республики Реввоенсовету Западного фронта в 1919 году.

«...Одним из важнейших принципов воспитания нашей армии является неоставление без наказания ни одного проступка или преступления... Репрессии должны следовать немедленно за нарушением

дисциплины, ибо репрессии имеют не самодовлеющее значение, а преследуют воспитательные боевые задачи...

Наиболее суровым карам подвергнуть за нарушение дисциплины и невыполнение приказов командиров, коммунистов..." Пока подготовка красноармейской массы была невысокой, Троцкий полгал, что компенсировать их слабость может лишь угроза сурового наказания. Этой точки зрения придерживался не только он, но и другие вожди революции. Вместе с тем следует отметить, что Троцкий, как и Ленин, считал основой революционной дисциплины сознательность бойцов, хотя он подчеркивал, что дисциплинировать надо также страхом и репрессиями.

Предреввоенсовета на совещаниях с командным составом приказывал воздействовать на красноармейцев во время боя не только силой примера, но и "железной рукой", не останавливаясь перед применением оружия. Когда на одном из таких "инструктажей" кто-то сказал, что не у всех командиров и комиссаров есть револьверы для исполнения такого указания, Троцкий в очередном докладе Ленину продиктовал секретарю и такие строки: "Отсутствие револьверов создает на фронте невозможное положение. Поддерживать дисциплину, не имея револьверов, нет возможности. Предлагаю т. Муралову и Позерну реквизировать револьверы у всех лиц, не состоящих на строевых должностях..." Угроза кары постепенно вошла в арсенал методов строительства и функционирования армии, более того, в сознании людей она незаметно стала восприниматься как моральная норма, "револьверное право", революционный императив, пролетарское требование...»

Один из современников Л.Д. Троцкого, Г.А. Зив, свидетельствовал о нем, как о человеке, нащупавшем свою настоящую профессию:

«...неумолимая логика (принявшая форму военной дисциплины), железная решительность и непреклонная воля, не останавливавшаяся ни перед какими соображениями гуманности, ненасытное честолюбие и безразмерная самоуверенность, специфическое ораторское искусство».

В книге о Сталине Дмитрий Антонович продолжает начатую в предыдущих книгах тему террора:

«Сталин, не обладая оперативными, тактическими познаниями, в критические моменты битвы за Царицын проявил диктаторские замашки, “твердую руку”. В записке в Центр Сталин пишет: “Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим положение. Можете быть уверены, что не пощадим ни себя, ни других, а хлеб все же дадим. Бели бы наши военные “специалисты” (сапожники!) не спали и не бездельничали, лилия не была бы прервала, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им”. Измена Носовича, ряда других бывших офицеров царской армии усилила и без того подозрительное отношение Сталина к военспецам. Нарком, облеченный чрезвычайными полномочиями по вопросам продовольственного дела, не скрывал своего недоверия к специалистам. По инициативе Сталина большая группа военспецов была арестована. На барже создали плавучую тюрьму. Многие были расстреляны. У него были последователи».

И еще любопытный фрагмент из книги Д.А. Волкогонова «Сталин»:

«Вандея гражданской войны жестока и к врагам, и к своим. Как отмечал уже упоминавшийся Носович, бывший начальник штаба Северо-Кавказского военного округа (перебежавший затем к белым), Сталин не проявлял колебаний, если был уверен, что перед ним враги. Так, в Царицыне были арестованы инженер Алексеев, два его сына и несколько бывших офицеров, которых обвинили в причастности к контрреволюционной организации. Резолюция Сталина была лаконичной: “Расстрелять”. Люди немедленно, без всякого суда, были расстреляны. Все это Сталин считал в порядке вещей, глубоко уверовав в “универсальность”, безотказность карательных действий, способных обеспечить нужный политический “результат”». Такими методами тогда пользовались многие, то есть большинство. Такими методами тогда решались любые вопросы и задачи.

В начале августа 1918 года Л.Д. Троцкий формирует свой личный поезд на Московско-Казанской железной дороге, на колесах которого пройдут целых два с половиной года его жизни. Вначале поезд назывался поездом Наркомвоена, а с ноября поездом Председателя Реввоенсовета Республики. Уже 8 августа поезд из 12 вагонов отправился на Восточный фронт по направлению к Казани. В салон-вагоне за № 432 Лев Троцкий писал свои знаменитые приказы. Вот, например, один из них:

«ПРИКАЗ

Председателя Революционного Военного Совета Республики по 8-й армии №62 20 ноября 1918 г. ст. Лиски

Части 8-й армии отличаются в большинстве своем крайним недостатком устойчивости. Целые полки разваливаются нередко при столкновениях с незначительными и тоже не весьма стойкими частями противника. Развал частей толкает командование 8-й армии на путь затыкания дыр свежими, едва сколоченными частями. Эти последние подвергаются той же участи, то есть разваливаются нередко при первом же боевом испытании. Положить этому конец и повысить устойчивость армии можно только системой организованных, воспитательных и репрессивных мероприятий, проводимых сверху твердой рукой.

Необходимо прежде всего подтянуть командный состав. Командиры частей привыкли безнаказанно нарушать боевые приказы и ссылаться в свое оправдание на желание или нежелание своих частей... Командир, у которого нет уверенности в себе и нет готовности заставить повиноваться боевому приказу, не способен вести за собой солдат и должен быть переведен в рядовые своего собственного полка... Малейшее отступление от потребностей и правил боевого порядка должно караться по законам военного времени. Попустительство лица командного состава в этих вопросах должно само подлежать суду Революционного трибунала, как одно из тягчайших преступлений... Комиссары должны помнить, что они отвечают за дух частей и за добросовестность работы командного состава. Комиссар, скрепляющий своей подписью недобросовестное донесение командира, совершает тягчайшее преступление.

...Паника, смятение, дезертирство, развал ложатся главной своей ответственностью на командный состав, а стало быть, и на комиссаров. Каждый комиссар должен после всякого несчастья с его частью отдать себе ясный отчет в том, на ком лежит главная вина, донести о негодных командирах, а в случае необходимости арестовать на месте явных шкурников, которые не прочь носить в мирной обстановке звание командира, а в бою прячутся за спину своей части и толкают ее к отступлению в безопасное место. Долг комиссара добиваться через Революционный трибунал расстрела таких негодяев. Нужно железной рукой заставить командиров, а через них и всех солдат понять, что армия существует не для забавы и не для мирного препровождения времени, а для сурового дела войны, для обеспечения с оружием в руках свободы и независимости трудовой страны. Опасности, ранения, гибель представляют собой неразрывную сторону жизни воина. Бояться их, значит уничтожать всякий смысл существования армии. Нашей Красной Армии поставлена столь высокая цель, что никакие жертвы не могут оказаться слишком высокими для ее достижения. В тех случаях, когда особые обстоятельства, в первую очередь виновность командного состава, побуждают трибунал условно вернуть дезертировавших или заподозренных в дезертирстве в действующие части, необходимо таких условно осужденных облачить в отличительные, черного цвета воротники, дабы они и их окружающие знали, что при первом новом преступлении со стороны этих условно помилованных солдат им не может быть ни милости, ни второго снисхождения...

Наряду с мерами карательными нужны меры поощрения. Комиссары и командиры должны представлять отличившихся воинов Красной Армии к подаркам, денежным наградам, знаку Красного Знамени, а более доблестные полки — к почетному знамени...

*Председатель Революционного Военного Совета
Республики*

Народный Комиссар по Военным и Морским делам

Л. Троцкий»,

Как подчеркивает О.В. Головникова, «пребывание наркомвоена в районе боевых действий зачастую играло отрицательную роль, вносило сумятицу и неразбериху в управление войсками. К.Х. Данишевский, член

Реввоенсовета Восточного фронта, а в последующем член Реввоенсовета Республики и председатель Реввоентрибунала Республики, писал в мемуарах: “Не помню, в какой из моих приездов в Москву из Арзамаса и свидания с Владимиром Ильичей зашел разговор о Троцком и его роли на фронте. Я передавал общее недовольство фронтовых политработников партизанскими наскоками поездов Троцкого на тот или другой боевой участок. Недовольно было и командование, ибо часто при проездах и во время пребывания поездов Троцкого на фронте создавалось двоевластие, путались действия, планы, потому что Троцкий часто о своих распоряжениях и действиях не ставил в известность ни командование, ни Реввоенсовет. Особенно это было отмечено под Свияжском. Пребывание Троцкого на этом фронтовом участке буквально внесло дезорганизацию в руководстве операциями. Иногда приходилось выделять специальные части, чтобы защитить Троцкого или выручить его (как это имело место, когда белогвардейцы прорвались к Казанской железной дороге и заперли поезд Троцкого). При этом Троцкий пытался и непосредственно командовать. Все это вносило путаницу на фронте, нервировало и политработников, и командование...”».

24 ноября 1918 года Председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий подписал приказ по войскам и советским учреждениям Южного фронта за № 65 следующего содержания:

«1. Всякий негодяй, который будет подговаривать к отступлению, дезертирству, невыполнению боевого приказа, будет расстрелян.

2. Всякий солдат Красной Армии, который самовольно покинет боевой пост, будет расстрелян.

3. Всякий солдат, который бросит винтовку или продаст часть обмундирования, будет расстрелян.

4. Во всякой прифронтовой полосе распределены заградительные отряды для ловли дезертиров. Всякий солдат, который попытается оказать этим отрядам сопротивление, должен быть расстрелян на месте.

5. Все местные советы и комитеты бедноты обязуются, со своей стороны, принимать все меры к ловле дезертиров, дважды в сутки устраивая облавы: в 8 часов утра и в 8 часов вечера. Пойманных доставлять в штаб ближайшей части и в ближайший военный комиссариат.

6. За укрывательство дезертиров виновные подлежат расстрелу.

7. Дома, в которых будут открыты дезертиры, будут подвергнуты сожжению.

Смерть шкурникам и предателям! Смерть дезертирам и Красновским агентам!»

Примечательно, что дезертирство в армии молодой советской республики стало поистине ее самым главным и самым страшным бичом. Так, В.В. Овечкин в статье «Дезертиры из Красной Армии в годы Гражданской войны» доходчиво раскрывает эту страницу истории:

«На начальном этапе строительства Красной армии» комплектовавшейся по принципу добровольности, дезертирства не было. Однако с весны 1918 г. внутривойсковая и международная обстановка потребовала отказаться от этого принципа. 15 марта 1918 г. военный руководитель Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевич докладывал председателю Совета Народных Комиссаров (СНК) В.И. Ленину: «Основанием для призыва в ряды войск должна быть общеобязательная личная воинская повинность». Такой вывод подтверждался необходимостью формирования 28 внеочередных дивизий на началах добровольной службы и сверх этого еще 30 дивизий, для чего требовалось призвать 1 млн. 350 тыс. человек, а также ряд бывших старших и младших унтер-офицеров, призванных в 1917—1918 годах.

В связи с массовыми призывами, начавшимися во второй половине 1918 г., постепенно появляется дезертирство, которое вскоре принимает значительные масштабы. 29 июля 1918 г. в декрете СНК впервые было указано, что «уклонившиеся от призыва лица подлежат суду военного трибунала». Основную массу дезертиров составляли крестьяне-середняки. Одновременно с призывом продолжалась добровольная запись в армию. 27 апреля 1918 г. Московский военный комиссариат докладывал в Наркомвоен: «К 26 апреля 1918 г. на военную службу в Москве записалось 15 283 человека, а всего в Московском округе — 52 260 человек». В целях борьбы с анархией при проведении призывов Наркомвоен 29 апреля 1918 г. издал приказ № 314: «Все до настоящего момента выданные отдельным лицам разрешения на формирование красноармейских отрядов с сего числа утрачивают силу. Формирование отрядов РККА производить только комиссариатами по военным делам округов, губерний, уездов, волостей, а где нет комиссариатов — военными отрядами местных Совдепов». План формирования вооруженных сил Республики подвергался постоянным изменениям в зависимости от военной обстановки. Большим недостатком его было отсутствие учета военнообязанных.

Развернувшиеся боевые действия на Восточном фронте показали

организационную слабость и недостаточную боеспособность формируемых частей. Об этом говорилось на заседании ЦК РКП(б) 29 июля 1918 г. в связи с рассмотрением причин сдачи Симбирска. ЦК партии отметил, что формирование частей идет наспех, у красноармейских масс имеется недостаточная политическая сознательность, они не всегда понимают смысл чехо-белогвардейского восстания и его опасность для судеб революции.

Общее число уклонений от призыва в армию было весьма велико. За период с октября 1918 г. по апрель 1919 г., когда правительство объявило о мобилизации более 3 млн. человек, не явилось на призывные пункты 917 тыс. чел., или 25% от общего числа граждан, подлежащих призыву. В украинских губерниях число уклонившихся от призыва было так велико, что в некоторых случаях приходилось отменять приказы о мобилизации.

В этих условиях партийное и военное руководство объявило дезертиров врагами народа и перешло к решительным действиям. Для явных и заведомых дезертиров предусматривался расстрел. Обо всех расстрелах сообщалось в приказах по армии с указанием имен расстрелянных, названий частей и по возможности местожительства семьи. Прибегали и к массовым расстрелам. Первый такой случай имел место 29 августа 1918 г. под Свияжском. По приговору реввоен трибунала 5-й армии в соответствии с указанием Л. Троцкого было расстреляно 20 человек. Впервые был применен принцип децимации, то есть казни каждого десятого.

В автобиографической книге “Моя жизнь” Л. Троцкий вспоминал, как на заседании Политбюро ЦК РКП(б), предположительно в 1919 г., его обвинили в жестокости по поводу этого расстрела. Тогда Троцкий сказал: “Если бы не мои драконовские меры тогда под Свияжском, мы не заседали бы здесь в Политбюро”. “Абсолютно верно”, — отозвался, но словам Троцкого, Ленин и стал что-то быстро писать красными чернилами на типовом бланке Председателя Совета Народных Комиссаров. Заседание приостановилось, и через две минуты Ленин передал чистый бланк, где внизу его рукой было написано: “Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов-Ленин”. “Я вам выдам сколько угодно таких бланков”, — сказал Ленин».

Д.А. Волкогонов в книге «Троцкий» ставит точный «диагноз» мышлению первого советского военного министра:

«Безоглядно веря в эффективность насилия, считая, что Советскую власть можно было спасти лишь ценой чрезвычайных мер, Троцкий явно делал ставку на военный террор как метод выправления положения. И Центр не сдерживал и не осуждал Предреввоенсовета».

Неопровержимым фактом тотального насилия того времени служит и этот документ:

«Москва.

Предсовнаркома Ленину

ПредЦИК Свердлову

Причина постыдных неудач на Воронежском фронте — в полной распущенности восьмой армии. Главная вина лежит на комиссарах, не решавшихся принимать крутые меры. Шесть недель назад я требовал суровой расправы с дезертирами Воронежского фронта. Ничего не было предпринято. Полки переходят с места на место, но произволу покидают позиции при первой опасности... Полевые трибуналы приступили к работе. Произведены первые расстрелы дезертиров. Объявлен приказ, возлагающий ответственность за укрывательство дезертиров на совдепы, комбеды и домохозяев. Первые расстрелы уже произвели впечатление. Надеюсь, что перелом будет достигнут в короткий срок. Необходима дальнейшая посылка твердых работников. Остаюсь на Воронежском фронте до упорядочения дела.

Предреввоенсовета Троцкий».

Комментируя эти строки, Волкогонов пишет:

«“Упорядочение” было кровавым. Москва одобряла такие шаги. Фактически всю гражданскую войну трибуналы не оставались без дела. Особенно много было расстреляно в 1918—1919 годах, но и в 1920-м и в 1921 году беспощадный карательный серп собирал обильную скорбную жатву. Конечно, среди этих тысяч было немало настоящих врагов, преступников, которые, прежде чем пасть от пули чекиста или красноармейца, лишили жизни многих командиров, бойцов, просто сочувствующих Советской власти. Но основная масса расстрелянных —

простые крестьяне, не понимавшие сути всего происходящего или не хотевшие умирать за “коммуну”».

В воспоминаниях участника и очевидца тех далеких событий С. Кобякова говорится: «Новые суды были названы трибуналами (как во время Великой французской революции). Приговоры этих судов не могли быть обжалованы. Приговор никем не утверждался и должен был приводиться в исполнение в течение 24 часов...»

Система советской военной юстиции сложилась к весне 1919-го. В.В. Овечкин в своей статье касается и ее, правда, применительно к дезертирам:

«4 февраля 1919 г. Реввоенсовет Республики утвердил положение о революционных военных трибуналах (РВТ). До середины 1919 г. трибуналы в основном рассматривали дела о дезертирстве. Широко практиковалась такая мера наказания, как направление в штрафную роту с условным смертным приговором. Приговаривали и к условным расстрелам, отдавая исполнение приговоров. Фактически эти приговоры в исполнение не приводились, так как большинство осужденных искупали свою вину, либо погибали в боях. Позднее Реввоентрибунал Республики признал практику условных приговоров к расстрелу неправильной, указав, что такой расстрел нельзя причислять к видам наказания, которые преследуют цель исправления осужденного и допускают условное применение. Рассматривая дела, трибуналы тщательно разбирались в причинах преступления. К бойцам, дезертировавшим по малодушию, неразумению, желанию увидеться с родными, трибуналы проявляли снисхождение. Всего в стране за семь месяцев 1919 г. было осуждено 95 тыс. злостных дезертиров, из которых больше половины было направлено в штрафные части, а 600 человек расстреляны. (...)

8 ноября 1919 г. Реввоенсовет Республики дал указание создавать в частях временные полевые трибуналы для рассмотрения дел о саморанениях. В соответствии с Положением о реввоентрибуналах, утвержденным декретом ВЦИК от 20 ноября 1919 г., трибуналы при вынесении приговора должны были руководствоваться исключительно выясненными при рассмотрении дела обстоятельствами и своей революционной совестью, выбирая соответствующее наказание: выговор, штраф, конфискация части или всего имущества, лишение всех или некоторых политических прав, лишение свободы, направление в штрафные части (только для красноармейцев), расстрел, условное лишение свободы. Все приговоры после объявления, кроме расстрела, немедленно вступали в законную силу. Приговор к расстрелу вступал в силу только через 48 часов после извещения о его содержании Реввоенсовета, в ведении которого находился вынесший приговор трибунал. В свою очередь, Реввоенсовет имел право приостановить исполнение приговора.

В тех местностях, где отсутствовали революционные трибуналы,

судебные функции выполняли комиссии по борьбе с дезертирством. Совет РКО своим постановлением “О мерах к искоренению дезертирства” от 3 июня 1919 г. предоставил этим комиссиям право внесудебной репрессии. Однако оно было ограничено применением конфискации имущества, лишением земельных наделов и неприменением расстрела. 13 декабря СРКО в отношении комиссий по борьбе с дезертирством принял сразу два постановления. Первое предоставляло права Революционных трибуналов в отношении вынесения приговоров по делам дезертиров всем без исключения губернским комиссиям. Однако эти права, включая расстрел, могли быть реализованы при условии, если в сослав комиссии будет входить член трибунала. Второе постановление предоставляло уездным комиссиям право наложения наказания на укрывателей дезертиров.

18 декабря 1919 г. Центральная комиссия по борьбе с дезертирством утвердила инструкцию, которая устанавливала следующий порядок разрешения комиссиями уголовных дел: для установления факта совершения преступления на место выезжал один из членов комиссии и составлял протокол в присутствии свидетелей, решение комиссии оформлялось постановлением с учетом состава преступления, фактов вины и наказания. Решение оформлялось как постановление административного органа. Приговор не выносился, так как данная комиссия не являлась судом».

В своем расследовании «В июле 1920 года дезертировало 773 тысячи красноармейцев» Евгений Жирное приводит интересные, но вместе с тем достоверные цифры, ссылаясь на книгу «Советское военно-уголовное право» (1928 г.), авторство которой принадлежит военному прокурору Московского военного округа С. Орловскому.

Например, там говорится, что «...военные трибуналы с начала 1918 года до конца 1921 года осудили за хищения военного имущества и растраты 55 781 человека».

«Не очень красиво выглядели и данные о том, что в Красной армии имело место мародерство, — подчеркивает Е. Жирнов. — В 1921 году, например, за это преступление осудили 351 красноармейца. Совсем тягостными были цифры о количестве приговоренных к высшей мере наказания. За четыре года Гражданской войны по приговорам военных трибуналов расстреляли 14 675 человек. Причем в эту статистику не попали те, кого ликвидировали чекисты или расстреляли без суда и следствия командиры и комиссары.

Однако самые впечатляющие данные относились к дезертирству. То, что солдаты бежали с германского фронта и до, и после большевистской революции, было известно давно и хорошо. (...)

Но все это относилось к прежней, старорежимной армии. А из записей Орловского следовало, что схожая картина наблюдалась и в РККА. В особенности в 1919 и 1920 годах. Именно в этот период, как писал прокурор, был установлен рекорд: «В июле 1920 года дезертировало 773 тысячи красноармейцев».

Чтобы представить себе, много это или мало, можно сравнить число дезертиров с опубликованной в 1993 году Военно-мемориальным центром вооруженных сил РФ численностью Красной Армии на 1 июня 1920 года. В РККА тогда насчитывалось 4 424 317 бойцов и командиров. И получается, что дезертировал каждый шестой. Однако с флота бежало незначительное количество краснофлотцев, а в сухопутных частях числилось 3 875 257 человек, и тогда выходило, что бежал каждый пятый. Но и этот расчет можно уточнить. Дезертиров из запасных частей считали отдельно, и они не входили в 773 тыс. беглецов, о которых писал Орловский. А на фронте в действующей армии состояло 1 539 667 человек. Так что получалось, что бежал каждый второй».

«...цифру, обнаруженную в бумагах Орловского, пусть и осторожно и замаскированно, подтверждал бывший сотрудник комиссии по борьбе с дезертирством С. Оликов. По его данным, в июле 1920 года задержали 444 876 дезертиров, а добровольно вернулся на службу 328 421 дезертир. Причем в описании Оликова картина выглядела еще хуже, чем у Орловского. Пойманных и явившихся беглецов, если их не относили к категории злостных и не отправляли в трибунал, посылали в запасные полки, где формировалось пополнение для фронтовых частей. И оттуда, как сообщал Оликов, в том же июле 1920 года вновь дезертировало 352 858 красноармейцев».

Итак, за четыре года Гражданской войны по приговорам военных трибуналов были расстреляны 14 675 человек. Количество же бойцов и командиров Красной Армии, расстрелянных по приговорам военных трибуналов, составило в 1921 году — 4337 (РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 41. Л. 141, 179).

По месяцам эта цифра разбивается таким образом:

февраль — 375;

март — 794;

апрель — 740;

май — 419;

июнь — 365;

июль — 393;

август — 295;

сентябрь—176;

октябрь —122;

ноябрь— 11;

декабрь —187.

Одним из расстрелянных Советской властью в 1918 году был Алексей Михайлович Щастный. Правда, расстрелянным еще до появления Военного трибунала. Но для него нашелся другой трибунал — революционный. А самое главное, за что?

Капитан 1-го ранга (1917) Щастный родился в 1881 году, в 1896 г. окончил Киевский кадетский корпус, в 1901-м Морской корпус и в 1905-м Минный офицерский класс. С 1901-го по 1905 год проходил службу на канонерской лодке «Бурун», на крейсере «Пластун», на эскадренном броненосце «Севастополь», на канонерской лодке «Манджур», на крейсере «Диана», на учебном судне «Европа». В Русско-японской войне 1904—1905 годов отличился при отражении атак японских миноносцев, при обстреле сухопутных войск противника и при сражении в Желтом море. Был награжден орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом.

После командования миноносцем № 217 служил в морском отделе штаба Кронштадтской крепости, читал лекции по радиотелеграфному делу в Минном офицерском классе (1906—1909). С 1909 года — исполняющий должность второго флагманского минного офицера штаба командующего морских сил Балтийского моря.

В 1912—1914 годах — постоянный член от морского министерства межведомственного радиотелеграфного комитета. В 1913 году был командирован на Каспийское море. Первую мировую войну встретил старшим офицером линейного корабля «Полтава», затем был назначен командиром эскадренного миноносца «Пограничник». В феврале—мае 1917 года — штаб-офицер для поручений при штабе Командующего флотом Балтийского моря, после — флаг-капитан по распорядительной части штаба командующего флотом Балтийского моря.

После прихода к власти большевиков ради защиты Отечества от немецких войск Щастный пошел с ней на сотрудничество, выбрав свой собственный путь. В январе 1918 года назначен помощником начальника военного отдела Центробалта, а фактически был командующим Балтийского флота. Только 5 апреля его официально назначили начальником Морских сил (наморси) Балтийского моря.

Вот что рассказывает о подвиге Алексея Михайловича в статье «Алексей Щастный. Спаситель Балтийского флота» В. Кулиниченко:

«В первой декаде апреля возникла реальная угроза его захвата: разведка сообщила — германская эскадра уже на подходе к Гельсингфорсу. Ранним утром 11 апреля с борта немецкого флагмана поступила радиограмма-ультиматум: “Германское командование вынуждено занять Гельсингфорс для защиты интересов Финляндии сегодня, а не 12 апреля в 12 часов дня. Все суда и вооруженные пункты просят поднять бело-красные флаги...” На немецкой эскадре были убеждены — теперь русский флот никуда не денется, капкан должен захлопнуться...

С первых дней переговоров в Бресте о заключении мира между Германией и Россией Балтийский флот — предмет тайных планов германского командования. В договорных документах оговаривался отвод в российские порты всех военных кораблей или немедленное их разоружение. А фактически немцы замыслили захват Балтийского флота. (...)

Враг рассчитывал, что в марте—апреле Гельсингфорс будет отрезан от Кронштадта сплошными ледяными нагромождениями торосов, в таких условиях не было даже попыток переходов. Однако когда днем 11 апреля германская эскадра подошла к Гельсингфорсу, немцы увидели на горизонте лишь дымы уходящих русских кораблей. Это взял курс на Кронштадт третий (и последний) отряд флота. Путь каравану из 167 кораблей, шедшему шестью колоннами, как и первым двум отрядам, покинувшим Гельсингфорс в середине марта — начале апреля, пробивали ледоколы. Всего за этот поход, который войдет в историю Балтфлота под названием

“ледовый”, в плавную базу придут 211 кораблей». А ведь эти спасенные корабли стали основой Балтийского флота молодой республики!

20 апреля третий отряд кораблей под командованием Щастного прибыл в Кронштадт, а 27 мая его арестовали прямо в кабинете Л. Троцкого “за преступления по должности и контрреволюционные действия”».

«На процессе по делу Щастного некоторые закулисные интриги вокруг кораблей Балтийского флота затронул сам единственный свидетель Лев Троцкий, — рассказывает подоплеку ареста автор статьи. — Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно прочесть относительно большой кусок стенограммы Ревтрибунала, хотя здесь Троцкий и напустил немало тумана. “На самом деле в самый острый момент ко мне приходили представители английского адмиралтейства и спрашивали о том, примем ли мы меры для уничтожения Балтийского флота. О личности английских офицеров хорошо осведомлены Беренс и Альтфатер, Когда этот вопрос был затронут на военном совещании, Щастный крайне неопределенно высказался о возможности уничтожения. Лишь после его отъезда этот вопрос был рассмотрен на том же совещании конкретнее... В это время к одному из членов коллегии явился английский офицер и заявил, что Англия настолько заинтересована в взрыве наших судов, что готова заплатить тем матросам, которые возьмутся за это дело...”»

Единственное, что долгое время не удавалось установить, так это фамилию английского офицера, предложившего Троцкому денежные суммы. Изучение дела позволило дать ответ на этот вопрос. Он содержится в показаниях Альтфатера следователю Кишисенну от 5 июля 1918 года: «Фамилия английского офицера, упомянутого в показаниях Л. Троцкого, комендэр Кроми — он английский морской агент...»

Не это ли явилось причиной и расправы над Щастным «вождя и организатора Красной Армии», что он выступил против продажи Балтийского флота на сторону или даже его уничтожения?

Произвести следственные действия по делу Щастного в срочном порядке Кингисеппу предписал ВЦИК. Этот вопрос специально рассматривался 28 мая на заседании Президиума высшего органа Советской власти. В деле имеется выписка из протокола № 26 следующего содержания: «...п.2. Об аресте бывшего начальника морских сил Балтики Щастного (отношение т. Троцкого). Одобрить действия Наркома по военным делам т. Троцкого и поручить т. Кингисеппу в срочном порядке производство следствия и представить свое заключение в Президиум ВЦИК. Подпись секретаря ВЦИК Аваиссова».

Из выписки следует, что единственным основанием для одобрения ареста явилось письмо Л. Троцкого в Президиум ВЦИК, написанное в тот же день: «Уважаемые товарищи. Препровождаю Вам при сем постановлении об аресте бывшего начальника морских сил Балтики Щастного. Он арестован вчера и препровожден в Таганскую тюрьму. Ввиду исключительной государственной важности совершенных им преступлений мне представлялось бы абсолютно необходимым прямое вмешательство в это дело ЦИКа... С товарищеским приветом Л. Троцкий».

Несмотря на слабую доказательную базу обвинения, Щастный был приговорен 21 июня 1918 года к расстрелу. А, как известно, декрет о восстановлении смертной казни был принят большевиками 13-го. Более того, приговор Щастному стал самым первым таким приговором в Советской России. В 4 часа 40 минут утра 22 июня капитан 1-го ранга Щастный был расстрелян.

Говорят, перед расстрелом мужественный морской офицер сказал: «Смерть мне не страшна. Свою задачу я выполнил — спас Балтийский флот».

Он действительно спас Балтийский флот дважды, несмотря на свой несправедливый приговор:

«Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Революционный трибунал при ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, заслушав в открытых заседаниях своих от 20 и 21 июня 1918 г. и рассмотрев дело по обвинению бывшего начальника морских сил Балтийского флота гр. Алексея Михайловича Щастного, 37 лет, признал доказанным, что он, Щастный, сознательно и явно подготавливал условия для контрреволюционного государственного переворота, стремясь своею деятельностью восстановить матросов флота и их организации против постановлений и распоряжений, утвержденных Советом Народных Комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. С этой целью, воспользовавшись тяжким и тревожным состоянием флота, в связи с возможной необходимостью, в интересах революции, уничтожения его и кронштадтских крепостей, вел контрреволюционную агитацию в Совете комиссаров флота и в Совете флагманов: то предъявлением в их среде провокационных документов, явно подложных, о якобы имеющемся у Советской власти секретном соглашении с немецким командованием об уничтожении флота или о сдаче его немцам, каковые подложные документы отобраны у него при обыске; то лживо внушал, что Советская власть безучастно относится к спасению флота и жертвам

контрреволюционного террора; то разглашая секретные документы относительно подготовки на случай необходимости взрыва Кронштадта и флота; то ссылаясь на якобы антидемократичность утвержденного СНК и ЦИК Положения об управлении флотом, внося, вопреки этому Положению, в Совет комиссаров флота на разрешение вопросы военно-оперативного характера, стремясь этим путем снять с себя ответственность за разглашение таких вопросов; то попустительствовал своему подчиненному Зеленому в неисполнении распоряжений Советской власти, направленных к облегчению флота, и замедлил установление демаркационной линии в Финском заливе, не исполняя своей прямой обязанности отстранения таких подчиненных от должности; то под различными предлогами на случай намеченного им, Щастным, переворота задерживал минную дивизию в Петрограде; и всей этой деятельностью своей питал и поддерживал во флоте тревожное состояние и возможность противосоветских выступлений. Принимая во внимание, что вся эта деятельность Щастного проявлялась им в то время, когда он занимал высокий военный пост и располагал широкими правами во флоте Республики, Трибунал постановил: считая его виновным во всем изложенном, расстрелять. Приговор привести в исполнение в течение 24 часов.

Известия ВЦИК 1918,22 июня».

Это и есть то самое «револьверное право», которым пользовались при случае люди новой власти. Это «право» не только затыкало рот людям честным, не только стирало с лица земли непокорных, но и устанавливало свою правду — революционную. Более того, на таком «праве» проходили обучение тысячи ретивых большевиков. При этом револьвер не просто ставил точку, он пресекал на корню любые сомнения в несправедности содеянного.

Следующие два расстрела известных военачальников Гражданской войны также во всей красе характеризуют револьверное право» молодой советской республики.

Борис Мокесвич Думенко (1888—1920) Первую мировую войну закончил вахмистром. Весной 1918 году организовал кавалерийский отряд, а уже летом преобразовал его в 1-й кавалерийский крестьянский социалистический полк. Осенью он принял под командование Сводную кавалерийскую дивизию, а 2 марта 1919 году его наградили орденом Красного Знамени. Однако в этом же месяце Думенко заболел тифом. Временно замещал его Буденный. Как пишет Леонид Млечин, первым делом новый комдив отправил в штаб армии собственноручно написанное письмо: «Прошу Вашего распоряжения дать мне машину легковую, которую вручить тов. Новицкому, который прибудет ко мне на фронт а у товарища Думенко отберите, она ему совершенно не нужна» (О. Смыслов. История Советских наград).

В мае 1919-го Думенко командовал «левой группой войск» 10-й армии, а 25 мая в крупном конном сражении на реке Сал был тяжело ранен (пуля пробила легкое) и эвакуирован в Саратов, где ему профессором С.И. Спасокукоцким было сделано несколько операций. Пока Борису Мокеевичу удаляли три ребра и легкое, Буденный принял дивизию и сформировал 1-й кавалерийский корпус.

По оценке генерала А.К. Кельчевского, начальника штаба Донской армии, части Думенко были «настоящей русской армией», а их командир — «народный самородок» — внес много нового в тактику конного боя. Самоотверженно борясь за Советскую власть и лично сформировав из иногородних крестьян и бедных казаков не одну конную часть, Думенко негативно оценивал политику Л.Д. Троцкого и всего военного ведомства по насаждению в Красной Армии жесткого контроля комиссаров над командирами, считая, что контролировать следует только бывших офицеров. Сам он неоднократно публично критиковал тех комиссаров, которые, по его выражению, «только сидят в тылу и пишут приказы», и требовал от них быть на позиции (Википедия. Интернет).

В сентябре 1919 года после излечения Думенко приступил к формированию 2-го сводного кавалерийского кавкорпуса. А в декабре в целях назревающего серьезного конфликта между Думенко и

политорганами в Конно-сводный корпус прислали нового военкома, В.Н. Микеладзе, который при невыясненных обстоятельствах был убит в феврале 1920 года. Комиссия РВС Кавказского фронта по каким-то причинам решила, что убийцы сидят в штабе Думенко. И штаб корпуса арестовали. Свои показания заранее написали Буденный, Ворошилов и Щаденко, в которых утверждали, что Думенко намеревался увести корпус к белым. Хотя основными источниками клеветы называют командира одной из бригад, Д.П. Жлобу, и военкомбрига Пскарева, а также комиссара Кравцова.

11 мая 1920 года Бориса Моксевича расстреляли. Сам В.И. Ленин в телеграммах от 19.9.1918 г. и 4.4.1919 г. в числе других отмечал подвиги кавалеристов под командованием Думенко. Но его слава впоследствии пригодилась Буденному.

В советских газетах того времени было написано:

«Комкор Думенко, начальник штаба Абрамов, начальник разведки Колпаков, начальник оперативного отдела Блехерт, комендант штаба Носов, начальник снабжения 2-й бригады конкорпуса Кравченко вели систематическую юдофобскую и антисоветскую политику, ругая центральную Советскую власть и обзывая в форме оскорбительного ругательства ответственных руководителей Красной армии жидами, не признавали политических комиссаров, всячески тормозя политическую работу в корпусе... Лишить полученных от Советской власти наград, в том числе ордена Красного Знамени, почетного звания Красных командиров и применить к ним высшую меру наказания — расстрелять... Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председатель А. Розенберг, члены А. Зорин, А. Чуватан».

Филипп Кузьмич Миронов родился в 1872 году, а в 1898-м окончил казачье юнкерское училище. Блестяще воевал в Первую мировую. В 1917-м был избран командиром Донского казачьего полка. Затем он — окружной комиссар на Верхнем Дону, командир полка, бригады, дивизии, командовал группой войск 9-й и 16-й армий, казачьим конным корпусом и 2-й Конной армией. Он был скромным человеком и при этом — талантливым военачальником. В мандате, выданном ему Троцким 14 марта 1919 года, указывалось: «Тов. Миронов — заслуженный боевой командир, оказавший Советской Республике огромные заслуги на Донском фронте». Будучи признанным вождем казачества Филипп Кузьмич выступал против

рассказывания. Летом 1919 года он направил телеграмму Троцкому, Ленину и Калинину, в которой сообщал о бесчинствах комиссаров и особых отделов. Эта телеграмма после расшифровки в секретариате Склянского была передана в особый отдел ВЧК.

В докладе члена Казачьего отдела ВЦИК Ф.Т. Кузюбердина, посланного в середине августа 1919 года для обследования положения дел в корпусе Миронова, очень точно отражается личность Филиппа Кузьмича: «Как личность, тов. Миронов в настоящее время пользуется огромной популярностью на Южном фронте, как красном, так и белом. Также среди мирной трудовой массы крестьянства в тех местах, где был и соприкасался Миронов, его имя чрезвычайно популярно в самом лучшем смысле: его имя окружено ореолом честности и глубокой преданности делу социальной революции и интересам трудящегося народа. Миронова нужно умело использовать для революции, несмотря на его открытые и подчас резкие выражения по адресу “коммунистов-шарлатанов”. Итак, первопричина недоверия к Миронову — это вообще его популярность, отсюда исходят и прочие сугубые недоразумения.

Корпус не сформирован и еле формируется. Красноармейцы вооружены против политработников, политработники вооружены против тов. Миронова. Миронов негодует на то, что ему, истинному борцу за социальную революцию, потерявшему здоровье на фронте, не только не доверяют, но даже стараются вырыть ему могилу, посылая на него неосновательные, но его мнению, доносы, вследствие чего Миронов производит впечатление затравленного и отчаявшегося человека. В последнее время т. Миронов, боясь ареста или покушения, держит около себя непосредственную охрану».

Вообще Миронова Советская власть использовала до тех пор, пока он ей был нужен. Об этом говорят многочисленные факты.

Не завершив формирования корпуса, Миронов вопреки приказу РВС Южного фронта самовольно выступил на фронт против Деникина. В своих воззваниях он призывал русский народ брать власть, землю, фабрики и заводы в свои руки. А в одном из них говорилось: «Долой самодержавие, комиссаров и бюрократизм коммунистов, погубивших революцию...»

Это расценивали не иначе как контрреволюционное самоуправство с целью поднять восстание против Советской власти. Арестовал Кузьмича командир конного корпуса 10-й армии СМ. Буденный. Но расстрелять не успел.

Внезапно приехал Троцкий и приказал отправить Кузьмича в Москву, в распоряжение РВС Республики. 23 октября 1919 года Политбюро ЦК

РКП(б) отменило приговор трибунала. А через десять месяцев, в сентябре 1920 года его назначили командующим 2-й Конной армии, которая под его руководством отличилась при разгроме Врангеля.

В январе 1921 года Миронов, назначенный Главным инспектором кавалерии РККА, выехал в Москву, а 13 января его арестовали. Некий Вакулин написал на командарма донос, в котором обвинял его в замыслах поднять восстание на Дону. Но Кузьмич всего лишь плохо отзывался о Троцком и выражал ему недоверие.

Как сообщается в Википедии, «Миронов нажил себе немало врагов в Реввоенсовете, как среда сторонников Троцкого, так и его противников — Буденного и Ворошилова, за открытую критику политики рассказывания».

В день ареста Миронов писал Ленину: «Докладываю: я оклеветан. Прошу Вашего и тов. Троцкого участия в моей судьбе. В тяжкий момент для социалистической республики я готовился отдать всего себя на службу ей и попал в Бутырскую тюрьму.

18 лет революционной борьбы. Во внимание к этому и моим боевым заслугам (особенно в Крымской кампании — приказ РВС Республики от 04.XI. 20 № 7078) прошу социальной правды ко мне. Не за себя больно, а за орден Красного Знамени, не спасший меня от клеветы» (О. Смыслов. История Советских наград).

Миронов был героическим человеком. Он прошел Русско-японскую, Первую мировую и Гражданскую войны. И на каждой получал за свою храбрость боевые награды. К сожалению, его последний орден — Красного Знамени (за операции против врангелевских войск в Крыму) — действительно не смог защитить от расправы. Второго апреля 1921 года бывшего командарма застрелил часовой в тюремном дворике во время прогулки.

Этот подлый расстрел, в сущности, и стал той «социальной правдой», исходя из узаконенной новой властью «револьверного нрава».

Доктор философских и исторических наук, профессор Д.А. Волкогонов в своих размышлениях о Гражданской войне достаточно точно и емко выразил ее суть:

«Гражданская война — война особая. Беспощадность и жестокость в ней не случайность, а закономерность. Так было всегда. И когда в тридцатилетней войне Алой и Белой розы в Англии и в годы войны между Севером и Югом в Америке обильно лилась кровь — никто не полагал, что это случайно. Соотечественники в борьбе между собою особо непримиримы. В гражданской войне в России вес было так же, лишь масштабы насилия были значительно шире. Сегодня нам представляется, что миллионные жертвы были напрасны. Но это — сегодня. А тогда никто не хотел задумываться, что миллионные жертвы не оправдывают того “счастья”, за которое боролись и красные и белые. Непримиримость и беспощадность считались добродетелью, хотя само это слово казалось “буржуазным”. Мало кто думал и верил, что реформой, эволюцией можно добиться в конечном счете больше, чем революцией.

Так или иначе, гражданская война в России, которую развязали как отстраненные от власти классы совместно с иностранными интервентами, так и октябрьские победители, стала одним из жесточайших проявлений тотального насилия. Не только в военной области, но и в экономической, социальной, духовной. В.И. Ленин, выступая 7 ноября 1918 года с речью на митинге-концерте сотрудников ВЧК, заявил: “... когда нас упрекают в жестокости, мы недоумеваем, как люди забывают элементарнейший марксизм”. Но кто знал тогда марксизм, кроме узкой прослойки членов партии? Крестьянин если и слышал о марксизме, то воспринимал его лишь в одном ключе: даст он землю и мир или не даст? Ему было трудно понять, почему для этого нужно так много крови. Той самой крови, которую, не задумываясь, пускали и белые, и те самые сотрудники ВЧК, перед которыми тогда выступал Ленин. “Для нас важно, — продолжал Владимир Ильич, — что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неопределима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет».

Иного пути к освобождению, кроме насилия, — нет... Страшные слова. Тогда, к сожалению, это было как бы естественным. Но сегодня сознание протестует против этого обоюдного, всестороннего,

восславленного, тотального насилия».

И здесь Дмитрий Антонович добавляет: «Сегодня то насилие нам, видимо, осуждать просто. Было другое время, другие люди, другое мышление. Мы сильно изменились вместе со временем. А тогда все было по-другому».

И все же именно «то насилие» оказалось живучим долгие десятилетия. Именно «то насилие» широко применялось и в межвоенный период, и в годы Великой Отечественной войны. Но дело даже не в нем, а в том, что за «этим насилием», как правило, было мало правды.

Глава 9.

**ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА ДО РАССТРЕЛА
КОРОТКОВА**

Эта трагическая история «Зимней войны» еще долго оставалась бы неизвестной, если бы в Центральный государственный архив Советской Армии (теперь РГВА) не пришел запрос военного комиссариата Севастопольского района Москвы (1988 г.). «В нем содержалась просьба установить судьбу полковника Волкова Онуфрия Иосифовича, бывшего начальника штаба 44-й дивизии имени Щорса, связь с которым прервалась в период декабря 1939-го — сентября 1940 года. Почти полвека вдова О.И. Волкова не имела сведений о муже. Пересмотр степени секретности архивных документов, расширение исторической базы позволили провести поиск. Он увенчался успехом. Однако многие документы, касающиеся истории советско-финляндской войны, еще ждут своих исследователей», — предваряя интереснейшую публикацию в «Военно-историческом журнале», напишет старший научный сотрудник ЦГАСА О.А. Дудорова (Неизвестные страницы «Зимней войны»).

В девять часов 30 ноября 1939 года после часовой артиллерийской подготовки войска Красной Армии перешли границу соседнего государства: 7-я армия перешла границу на Карельском перешейке, 8-я армия перешла границу между Ладожским и Онежским озерами, 9-я армия перешла границу в Северной Карелии и 14-я армия — в Заполярье.

По архивным данным П. Аптекаря, «16 ноября 1939 года соединения и отдельные части, сосредоточившиеся на границе с Финляндией, насчитывали более 340 тыс. человек, около 2500 орудий и минометов, более 1300 танков и броневедомостей, около 1700 самолетов против 180 тысяч финских солдат и офицеров, примерно 700 орудий, 270 самолетов и 25 танков» (П. Аптекар. Советско-финские войны).

М. Мельтюхов статье «Правители без подданных» точно также на основе архивных данных даст несколько иные цифры: «30 ноября 1939 года в 8 часов утра войска Ленинградского военного округа (ЛВО) в составе четырех армий (18 стрелковых дивизий и 5 танковых бригад), насчитывавших 450 тысяч человек, 1576 орудий, 1476 танков и 2446 самолетов, перешли границу и стали развивать наступление в глубь страны. Им противостояли части финской армии численностью до 140 тысяч человек, имевшие до 400 орудий, 60 танков и 270 самолетов».

Несмотря на некоторую разницу в цифрах, отмстим лишь одну существенную деталь: превосходство Красной Армии над финскими вооруженными силами на момент вторжения было подавляющим. По мнению П. Аптекаря, такое превосходство над финнами «в численности личного состава и боевой технике было достаточным если не для стремительного продвижения вперед и разгрома противника, то для медленного его выталкивания с позиций, где не было серьезных укреплений». Дальше историк делает вполне уместную оговорку: «Однако советские военачальники умудрились вести боевые действия таким образом, что ряд соединений 8-й армии, наступавших в начале войны северо-западнее Ладоги, и 9-й армии в приполярной Карелии оказался в окружении».

Так как речь в этой главе пойдет о 44-й стрелковой дивизии 9-й армии, в которой начальником штаба был полковник О.И. Волков, то давайте хоть немного ознакомимся с интересными находками Павла Аптекаря, которые помогут объяснить дальнейшие события, ставшие трагическими.

Вот что он пишет:

«Я не располагаю данными о том, были ли в штабе армии командиры, которые осознавали, что операция плохо продумана и спланирована, но вот в оперативном отделе штаба Ленинградского ВО один такой человек нашелся. Им оказался начальник отделения оперативного отдела ЛВО майор Сергей Гаврилович Чернов.

Когда я несколько раз прочел и проанализировал текст “Замечания по решению Военного Совета 9-й армии”, мне показалось, что я уже где-то видел подобный хладнокровный и четкий разбор планов операций сторон. Похоже, что во время учебы в Академии имени Фрунзе (с третьего курса Чернов был назначен на должность в Ленинградском округе) этот командир старался восполнить недостаток общего образования (всего 5 классов) чтением военно-исторических трудов.

Честное слово, после прочтения “Замечаний” я стал лучше думать о командирах Красной Армии того времени. Велики все-таки таланты русского народа: никакие расстрельные ямы и ГУЛАГ и его не вместят. (...)

А теперь внимательно вчитаемся в “Замечания” майора Чернова, они действительно заслуживают этого.

“Роль 9-й армии и ее задачи поняты командованием 9-й армии в основном, правильно, но решение построено на том, что противник не окажет никакого сопротивления...”

В среднем темп операции запланирован 22 км в сутки, в то время когда свои войска к границе шли 12—16 км в сутки с большой растяжкой частей и отставанием техники (артиллерии главным образом). Как же можно планировать такие темпы на территории противника?! Это значит построить операцию на песке, без реальной обстановки и особенностей фронта. При планировании, видимо, противник в расчет вообще не принимался и бездорожье также не учитывалось, за это можно поплатиться срывом всей операции в самом ее начале, особенно если противник окажет хотя бы небольшое сопротивление путем заграждений и прикрытия погранчастями, не говоря уже о подборке полевых войск...

При движении 9-й и 8-й армий вглубь будет образовываться разрыв между ними. Наличие у финнов дорог (железных и шоссе) дает возможности создавать реальную угрозу флангам и тылу 9-й и 8-й армий и ее отдельным дивизиям... Коммуникации их... все будут перерезаны диверсионными группами противника, и они могут оказаться без питания и боеприпасов, причем тактика финнов к этому, в основном, и будет сводиться...

При дивизиях нужно создать отряды из хороших лыжников и

озаботиться обеспечением лыжами всех дивизий. Без лыж будет очень плохо: солдаты не смогут сойти с дорог и будут сбивать противника в лоб, а это будет сильно задерживать движение...”

Далее С.Г. Чернов сделал следующие выводы:

“1. Предложить Военному Совету 9-й армии свое решение пересмотреть...”

2. Иметь на фланге сильный резерв.

3. План операции не должен превышать 10 км в сутки на первом этапе и до 15 км на всех остальных этапах...

6. По существу, дивизии еще не готовы для выступления на глубину этой операции...”

Замечания были составлены 27 ноября 1939 года и в тот же день сданы начальнику оперативного отдела штаба ЛВО полковнику П.Г. Тихомирову. Казалось бы, с грядущей катастрофой можно и нужно было бороться, одернуть чересчур спешащих руководителей 9-й армии, переработать план операции и по сосредоточению новых соединений нанести более мощный и лучше спланированный удар.

Однако голос разума не был услышан. Вечером 29 ноября возвратившийся из Майнилы Тихомиров объявил Чернову: “Темпов сбавлять и уменьшать нам никто не разрешит, а теперь вообще некогда этим заниматься, нужно действовать по тому плану, что есть”. Чернов по этому поводу написал на полях своих “Замечаний”: “Эта спешка может кончиться плохо, операция не продумана, не знаю, как другие армии, но дело может сорваться, особенно по 9-й и 8-й армиям”. Предсказания эти сбылись в полной мере».

«Гром грянул 21 декабря, когда финским лыжным группам удалось выйти на коммуникации дивизии, уничтожить часть тыловых обозов и создать угрозу окружения ее основных сил, — продолжает П. Аптекарь. — Попытки отдельных частей 44-й дивизии, направление действий которой было изменено в связи с неустойчивым положением на центральном участке армии, отбросить финские отряды с дороги успеха не имели. Тому было несколько причин. Во-первых, отправка 44-й дивизии была крайне непланомерной, и в результате первым отправился не целый полк, а отдельные батальоны, которые почему-то вводились в бой поочередно без надлежащей огневой поддержки и управления. В течение нескольких дней третий батальон 305-го стрелкового полка при поддержке полковой артиллерии и 312-го танкового батальона пытался прорвать оборону противника, занявшего позиции на 25-м километре дороги на Важенвара, но безуспешно. Не принесли успеха атаки и после ввода 1-го батальона 25-

го стрелкового полка».

В статье «Преданные и забытые» О. Дудорова и П. Аптекарь уже вместе описали трагедию 44-й стрелковой дивизии:

«Последняя неделя 1939 года на участке 44-й дивизии выдалась относительно спокойной. К этому времени в районе боевых действий наконец сосредоточились почти все части 44-й стрелковой дивизии, за исключением самых нужных — саперного и разведывательного батальонов и гаубичного артполка. Из-за скученности людей и техники на небольшом участке узкой дороги колонна 44-й дивизии представляла собой очень удобную мишень для нападения противника. В ночь на 2 января финны перерезали дорогу. Несколько атак, предпринятых 2—4 января с целью прорыва позиций финнов, успеха не имели. В частях дивизии начался не только продовольственный, но и снарядный голод. Дивизия перестала существовать как целое соединение. Каждый из окруженных отрядов действовал самостоятельно.

Командир 44-й дивизии комбриг Л.И. Виноградов и начальник штаба дивизии О.И. Волков запросили у командования 9-й армии разрешение на выход частей из окружения без тяжелого вооружения и техники, вывезти которые было невозможно из-за отсутствия горючего и фуража для лошадей. Командующий 9-й армией комкор В.И. Чуйков решил получить санкцию Москвы. Пока в столице решали судьбу нескольких тысяч людей, они гибли в бескрайних снегах. 5 января командир дивизии вновь пытается оказать помощь окруженным, сформировав для этого ударную группу. Однако финны сумели блокировать и ее. В тот же день в штаб дивизии поступила незашифрованная радиограмма 146-го полка: «Дайте помощь, нас добивают, дайте помощь».

Лишь поздно вечером 6 января разрешение Ставки на вывод войск было получено. Но «действовать по своей инициативе» было уже невозможно. После последних неудачных попыток организованного выхода из вражеского кольца начался беспорядочный отход, переходящий в бегство.

Не приведенные в негодность пушки, пулеметы, огромное количество вооружения и снаряжения были брошены. Обмороженные, голодные, смертельно уставшие, потянулись к границе поодиночке и мелкими группами бойцы и командиры. Одним из первых к вечеру 7 января в Важенвара пришел и сам командир дивизии со своим штабом. Многим из

них так и не удалось добраться до своих, и они падали в снежный саван. Могилы им вырывали уже весной.

Только, по данным штаба дивизии, за неделю боев, с 1 по 7 января, ее части потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 4756 человек, то есть примерно 30 процентов личного состава, половину стрелкового вооружения, около 80 процентов тяжелого вооружения и почти все танки».

Из журнала боевых действий 44-й стрелковой дивизии:
«1 января 1940 года.

3-й дивизион 122 ал на огневых позициях (122 ап полностью). На подходе 1-й дивизион 179 гап. В ночь с 31 декабря на 1 января 1940 г. по тылу 2-го [батальона] 25 сп был открыт огонь артиллерии противника — шрапнелью, в результате один красноармеец ранен. Обстреливали 3 76-мм пушки. С 8.00 1 января 1940 г. на 2-й [батальон] 146 сп противник повел наступление силой от полутора до двух батальонов. Первая атака была отбита, после чего противник атаку повторил, но также был отбит. Не имея успеха, противник начал обход правого и левого флангов. Командир 146 сп для оказания помощи 2-му [батальону] 146 сп были направлены две роты 1-го батальона, с помощью которых 2-й батальон и отбил вторую атаку. После расширения флангом 2-м [батальоном] 146 си противник был остановлен...

2 января в 24.30 противник начал обстрел расположения 1-го [батальона] 146 си, тб 3-го [дивизиона] 122 ап, штаба 146 сп (23 км) и в течение ночи повел наступление на 146 сп, производя завал на 21-м км. Одновременно обойдя 146 сп, противник его окружил и огнем автоматов нанес большой урон. В 3-м [дивизионе] 122 ап в двух батареях выведены полностью [из строя] весь конский состав и большое количество людского состава. О потерях за двое суток боя сведений не поступало. По сообщению командира танкового батальона, он находился в окружении, имея потери 3 танка и один поврежденный. Взорвана одна бронемашина.,.

3 января ...В результате совместных действий наших отрядов с обеих сторон (комбригом был брошен батальон) последние к 18.00 овладели завалом, где и укрепились, продолжая бой в окружении и уничтожение противника. В 22.00 наши части в районе 23-го км продолжали бой с противником, засевшим на флангах завала.

Положение конского состава, находившегося в течение 5—7 суток без фуража (сена), плюс холода, в очень скверном положении. Группа во главе с комбригом остается в расположении 25 сп...

4 января ...В течение ночи продолжался бой за овладение за валом на 23-м км. Положение частей в районе 23-го км...

1. 2-й батальон 25 сп с двумя ротами 146 сп с танками и артиллерией атаковал противника в ночь на 4 января, прорвав оборону противника, и

вышел на 22-й км, где устанавливает связь с передовыми частями орб (по сообщению Виноградова в 10.50).

2. Орб, две роты пограничников и саперная рота после 25 минут артподготовки перешли в наступление, встречая редкий огонь противника. В 11.30 бронемашины подходили к завалу, рота погранполка еще не вышла на линию завала. При подходе к завалу огонь противника нарастает особенно сильно.

3. Связи с ротой 146 сп нет, выслана стрелковая рота с танком на помощь.

4. Взят один пленный на 19-м км (боевое донесение № 15 от 4 января 13.00). На фронте 25 сп — без перемен.

Дивизия продолжает оставаться отрезанной от базы снабжения с 2, 3, 4 января 1940 г...

5 января ...2-й батальон 146 сп в 18.00 4 января 1940 г. само вольно бросил район обороны на юго-восточном берегу озера Хатаиола и пришел в расположение 3-го батальона 305 сп, где занял оборону фронтом на юг. Свой отход комбат Пастухов мотивирует тем, что в течение четырех суток люди не ели.

Сведений от 9-й стрелковой роты 146 сп не поступило, рота продолжает вести бой в окружении. На помощь 9-й стрелковой роте выброшена 4 января 7-я стрелковая рота, но, пройдя 2,5 км, она встретила сильный пулеметный огонь с фронта, залегла и продвигаться дальше не может. В течение 5 января связи как с 9-й, так и с 7-й стрелковыми ротами нет. Высланная разведка в ночь с 4 на 5 января в составе двух взводов в направлении 7-й стрелковой роты также встречена огнем противника, продвигаться не может, ведет бой...

Виноградов: “Атаку начал в 13.00, успеха не имел. Полка НКВД нет. В связи с уходом 2-го [батальона] 146 сп из района обороны противник использует открытый фланг и перерезает оборону дивизии на 24-м км” (из донесения командующему 9-й армией).

Виноградов — Пахоменко в 19.50 5 января: “Положение дивизии тяжелое, особенно продфуража нет, люди обессилены, раненых 400 человек, лошадидохнут, бензина нет, выбито большее количество конского состава, боеприпасы на исходе. Противник с фронта переходит в наступление...Настроение людей плохое, часть командиров дезертирует с поля боя, прошу срочной помощи...”

Виноградов — командующему армией в 19.30: “В связи с вытеснением 2-го батальона 146 сп из района обороны левый фланг остался открыт, заполнить его не удастся. Противник сосредотачивает силы с задачей

перерезать оборону дивизии. В связи с отсутствием продфуража настроение чрезвычайно плохое, лошадидохнут, бензин и боеприпасы на исходе”.

6 января 1940 года.

В течение ночи с 5 на 6 января и весь день 6 января дивизия продолжала вести бой в окружении. Положение частей следующее: 146 сп на 23-м км ведет бой в окружении, имея большие потери.

Открытым текстом передало от 14 сп: “Дайте помощь, нас добивают, дайте помощь (в течение нескольких раз). Снаряды рвутся в расположении наших частей (Ивлев)”.

“Дорога на 21—22-м км минирована и завал на 22-м км. Связи и сведений от 7-й — 9-й стрелковых рот нет. 25 сп сейчас окружен. Матчасть и раненых без помощи вывести не можем. Возможно, удастся пробиться пехоте. Спрашиваю, что делать с матчастью» (Виоградов). Связи телефонной нет ни с кем, даже с кордоном. При попытке ее восстановить в районе 1-го километра были обстреляны противником, где обнаружил завал. Штаб дивизии занял круговую оборону.

Виоградову передано: “Если не можете пробиться с матчастью к нам, то держитесь, помощь послана, держите связь. Чуйков, Фурт...”

7 января 1940 года.

Всю ночь шел бой во всех частях дивизии. Противник обстреливал мсб с полночи до 10—12 часов дня. Прибывшая рота запасного полка была брошена на выручку мсб и разграждение завала. Рота все время подвергалась обстрелу. Связь с кордоном прервана. Вышедшие для исправления линии связисты были обстреляны.

Дегазрота была выброшена 5 января в район 11-го км и возвратилась 7 января вечером.

В 2.00 7 января наша гаубичная батарея вела огонь по завалу и сторонам дороги. После обстрела высланным дополнительно взводом саперов завалы были разграждены. И медсанбат полностью был переброшен в Латвозеро.

С 14.00 стали прибывать отдельные группы бойцов со всех частей. Комбат-2 146 сп привел 200 человек. Начальник 2-й части дивизии — около 300 человек разных частей. Старший врач 146 чп тов. Соболев сообщил, что по озеру (8—9-й км) видел группу финнов в 200 человек, идущих на лыжах в направлении нашей границы...

8 января...К утру пришел комбриг, начальник политотдела дивизии, начальники 1-го и 2-го отделов. Комиссара еще нет. Дивизия приводит себя в порядок, к 20.00 прибыло с фронта: среднего состава — 75

человек, младшего комначсостава — 126 человек, рядового состава — 672 человека...» (О.Л. Дудорова. Неизвестные страницы «Зимней войны»).

В «Википедии» одна из страниц посвящена «Сражению на Раатской дороге». Судя по ссылкам, данные для нее были взяты из весьма достоверных источников, которые, безусловно, интересны как взгляд на трагедию одной из советских дивизий в той войне.

«30 ноября 1939 года 163-я стрелковая дивизия под командованием комбрига Зеленцова, наступавшая из поселка Ухта (сегодня Калевала), пересекла границу между СССР и Финляндией и стала продвигаться на юго-запад, в направлении Суомуссалми. Противостоял ей только 15-й пограничный батальон. При явном несоответствии сил финнам приходилось во многом полагаться на выучку своих бойцов. Уже 7 декабря 163-я дивизия достигла Суомуссалми, финские военные сами полностью сожгли поселок перед отступлением. 11 декабря финны перекрыли Раатскую дорогу, соединявшую 163-ю дивизию с тылом. 13 числа финны также перекрыли северный путь доставки подкреплений, в дальнейшем снабжение велось по озеру Киантаярви. 20 декабря Зеленцов запросил у штаба разрешения отступить к советской границе, но получил отказ; в подмогу была направлена украинская 44-я стрелковая дивизия.

В конце декабря 163-я дивизия была разгромлена, и финские части перенесли свое внимание на 44-ю. Бои ниш в первых числах января, советская дивизия была остановлена у Хаукилы, в 12 километрах от Суомуссалми. Финские части, разделенные на 4 отряда, начали решающую атаку в 830 5 января. Отряды “Манделин” и “Мякиниemi” атаковали окруженных у Хаукилы, где сосредоточилась основная часть 44-й дивизии. В ходе боев 5 и 6 числа советская дивизия была расщеплена на части; танковые контратаки на финские блокпосты потерпели неудачу. В 21.30 6 января комбриг Виноградов приказал своей дивизии отступить. Часть бойцов бежала на север через озеро Кианта, но большинство их замерзли. Остальные отступали на восток, где встретили сопротивление отряда “Кари”. Прощедшие дальше на восток бойцы столкнулись с отрядом “Фагерияс”, контролировавшим мост. На какое-то время украинцам удалось его захватить, но 7 января «Фагерияс» снова взял его под контроль. Следующие два дня финны занимались поиском обмороженных пленников».

По данным финской стороны, из 44-й стрелковой дивизии попали в плен 1300 человек. По отчету же советской комиссии, на который

опирается историк Ю. Килин, численность 44-й дивизии составляла 13 962 человека, из которых: 1001 погиб, 2243 пропали без вести, 1430 ранены.

В фондах Российского государственного военного архива хранятся уникальные документы той кампании. Есть там и документы, относящиеся к трагедии 44-й стрелковой дивизии. Например, в «Приказании Генерального штаба командующему 9-й армией о мерах по выводу 44-й стрелковой дивизии из окружения», подписанном самим Б.М. Шапошниковым, говорится:

«№ 0965, 6 января 1940 г. 22 ч 45 мин

Ставка указывает, что Виноградов ведет себя позорно. Материальную часть противнику не оставлять. За оставление материальной части 44 сд, имея в своем распоряжении резервный батальон, будете отвечать Вы лично, тов. Чуйков. Ставка требует от Вас, тов. Чуйков, взять управление крепко в свои руки и организовать вывод 44 сд с материальной частью, ибо потеря ее означает, что противник использует ее против вас же. Проявите волю и решительность, тов. Чуйков, но оказанию помощи 44 сд. Виноградову дайте немедленные и в самом решительном тоне указания обороняться до последнего человека, но ни одного тяжелого орудия, даже ни одного пулемета не оставлять противнику. Продовольствие ему подбросьте...» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 233. Л. 104).

Интерес представляют и другие документы. Хотя бы тот же «Доклад начальника Политического управления Красной Армии члену Главного Военного Совета о причинах поражения и потерях в 44-й стрелковой дивизии». К слову, начальником ПУ РККА был тогда небезызвестный Л.З. Мехлис.

«№ 3/13, 10 января 1940 г.

1. По донесению члена Военсовста Фурга, посланного в 44 сд, но предварительным данным, дивизия оставила противнику: 76-мм пушек — 20, гаубиц 122-мм — 16, 76-мм — 17, 45-мм пушек — 25; полк НКВД потерял одну разбитую пушку. Всего потеряно пушек — 79.

2. Материальная часть танкбата оставлена противнику. Т-26 оставлено — 15, Т-38 — 22, всего танков — 37. Оставлено станковых пулеметов — 130, ручных пулеметов — 150, 82-мм минометов — 6, автомашин — до 150, радиостанции полков, батальонов и рот — все; весь обоз полков, кроме обоза второго разряда, который остался на месте. Тоже и с конским составом артиллерии и обозов, хотя значительная его часть перебита.

Прибывший личный состав на 40 процентов не имеет винтовок.

3. От 44 сд осталось: гаи, который находился в Важенваре; батальон 305-го полка, находившийся в 163 сд и спешно переброшенный в Ванженвар для ее прикрытия; медсанбат, выведенный из окружения ротой пополнения, переброшенный из Ухты; обозы второго разряда полков и дивизионные тылы. В каждом полку собралось сейчас до тысячи человек.

4. Раненых и обмороженных поступило за 8 и 9 января 1057 человек, из них большинство обмороженных, и притом легко. При отходе раненых не вывозили, и поэтому допускаю, что значительная часть раненых попала в плен.

5. Начштаба 44 сд Волков в самый ответственный момент донес, что последний завал ликвидирован, и тем ввел в заблуждение штарм. От него нельзя добиться ни одного правдивого слова о положении в полках, и я предложил Чуйкову временно послать начальником штаба майора Соколова из штарма.

Когда вызываешь Волкова к проводу или телефону, связь пропадает обязательно. Волкова хочу арестовать. Командование дивизией предложил временно возложить на члена Военсовста Фурта, окончившего Военную академию им. М.В. Фрунзе и знающего военное дело. Виноградова хочу арестовать, как труса, погубившего дивизию...». (РГВА. Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 1386. Л. 119, 120).

В тот же день командующий 9-й армией Чуйков вместе с Мех-лисом подписывают «Доклад... начальнику Генерального штаба о причинах поражения 44-й стрелковой дивизии и мерах по ее восстановлению»:

«№0109, 10 января 1940 г.

Докладываю о 44 сд на 20.00 9.01.1940 г.:

В течение 8—9 января в Важенвар продолжают прибывать разрозненными группами и одиночками бойцы частей 44 сд. 146 сп — командир полка майор Ивлев ранен, комиссар полка Мороз — невредим, 25 сп — командир полка майор Плюхин обморожен, находится в госпитале, комиссар полка — неизвестно где.

305 сп — командир полка майор Легодух, комиссар полка Рыбкин — невредимы.

122 ап — командир полка майор Корженевский ранен, комиссар полка Шупцев невредим.

Бойцов и командиров к 19.00 9.01 в каждом полку было около тысячи человек. Материальной части за 9.01 не прибывало.

Кроме того, в госпиталях армии из состава 44 сд находятся: раненых — 98, обмороженных — 671, больных — 167 человек.

Дивизионные тыловые органы и подразделения почти все целы. В 179

гап, который с 1.01 находился в Важеиваре, магчасть сохранилась полностью, потери в людях незначительны.

Сейчас этот гап, за исключением одной батареи, отведен в Вокнаволок.

3-й полк НКВД — бойцов и командиров вышло около 850 человек. Командир полка майор Львов убит, военком полка Черевко ранен в голову. Убийство майора Львова и ранение военкома Черевко было при следующих обстоятельствах: Львов был болен и обморожен, не мог двигаться. Его везли на санях, он все время просил, чтобы его пристрелили. При движении Львову, сопровождавшим его военкому Черевко, старшему лейтенанту и уполномоченному особого отдела показалось, что они попали в засаду противника. По просьбе Львова военком Черевко застрелил своего командира, стрелял в старшего лейтенанта, пытаясь покончить с собой, ранил себя в голову.

Командир 44 сд Виноградов в 22.00 7,01 вместе с начальником политотдела и двумя работниками политуправления армии с группой бойцов и командиров прибыли в Важенвар. Комиссар дивизии Мизин, который находился с восточной стороны с полком Львова, неизвестно где находится.

В 44 сд, в связи с обстановкой, армией было направлено четыре стрелковые роты, сформированные из прибывшего пополнения; батальон 305 сп, ранее находившийся в 163 сд, был переброшен на машинах в Важенвар; 75 средних командиров и 43 политрука.

Для помощи и приведения в порядок дивизии высланы 10 командиров штабс-ротмистра, 10 работников политуправления армии и член Военного совета Фурт. (...)

Причины поражения 44 сд.

1. Виноградов был неоднократно предупрежден о вероятных активных действиях противника против 44 сд, так что для него неожиданности не было.

2. Просьба Виноградова прислать ему самолет для вылета из района главных сил дивизии, якобы для доклада Военному совету об обстановке, Военный совет рассматривает как трусость и стремление бросить дивизию в ответственный период боя.

3. Его преступный приказ, отданный в 14—16 часов 6.01 о порче материальной части, подорвал силу сопротивления бойцов и командиров против противника, тогда как Военный совет армии в своем приказе в 23.00 5.01 требовал выводить материальную часть и пробиваться к 19-му километру, который удерживался нами.

4. Организацией обороны Виноградов не руководил, резервов не имел,

так что ему пришлось в боях 2—6.01 раздергать полки, и командиры полков потеряли свои полки, не командуя таковыми.

5. Отдав приказ на прорыв через завалы на 23-й километр 6.01, Виноградов не руководил главными силами дивизии, а поручил это командиру 25 си. Сам же, бросив дивизию, взял себе в качестве прикрытия роту 305 сп и, избегая боя, но обнаруженной дороге, севернее Важенварского шоссе, вышел на границу с 30 бойцами.

6. Не было организовано разведки противника и местности. Только при личном уходе с поля боя Виноградов нашел хорошую дорогу, которая проходила в 3—5 км от правого фланга дивизии и выходила на нашу территорию. Несмотря на мой приказ и полную возможность проложить дорогу 1—2 км в обход завалов с его стороны не было предпринято никаких мер, даже после того, как была установлена связь между сбр с востока и 25 сп с запада.

7. Виноградов не выполнил приказ Ставки № 0625 — за все время 44 сд сделала на дороге длиной 27 км только два блокгауза. Беспечность во всех звеньях работы командования и штаба 44 сд привела к тому, что еще 23—24 декабря на Важенварской дороге противник убил 23 бойца и 189 лошадей.

8. Начальник штаба 44 сд Волков ложно информировал шторм о том, что завалы на 23-м километре ликвидированы и путь очищен. На этом основании Волков двинул транспорт с продфуражом и боеприпасами к 23-му километру, где противни ком 2 января был уничтожен конский состав двух батарей. Тем самым на этом километре создавалась новая пробка, мешавшая нашим частям, действующим с востока, применять артиллерию и бронемашину.

9. Волков так организовал работу в штабе дивизии, что приказы армии и сводки поступали Виноградову, находившемуся при полках, с опозданием или вовсе не поступали. Полки совсем не получали оперативных и разведывательных сводок, а также разведывательные данные полков о противнике в шторм не поступали. Все личные мои приказы о прокладке дорог в обход завалов Волков не доводил до полков и сам не принимал мер, чтобы они были проложены, даже тогда, когда сбр связался с частями 25 сп.

10. Игнорируя совершенно организацию связи, Волков не обеспечил своевременную информацию о положении на фронте и своей преступной беспечностью дошел до того, что противник безнаказанно подошел к самой границе, угрожая штадиву и находившемуся тут гап.

Артиллерия в течение суток не использовалась для разгрома

противника на 1-м километре и была пущена в ход только по моему прямому указанию. Положение у Важенвара было восстановлено лишь после прибытия из Ухты четырех рот пополнения, роты лейтенантов — 75 человек и батальона 305 сп, отправленного на машинах из Юнтусранты.

11. Зная хорошо положение на шоссе и имея приказ для дивизии — обороняться на 19-м километре, Волков преступно оставил медсанбат и многочисленный транспорт на участках возможного нападения противника. Вследствие этого медсанбат и транспорт были отрезаны противником, устроившим завал на 1-м километре от госграницы. Подошедшие роты пополнения вырвали медсанбат и транспорт из-под удара.

Военный совет считает, что Виноградова и Волкова надо немедленно арестовать и предать суду по закону военного времени. Виноградов нами вызван в штаб и будет держаться по сути дела под арестом до ваших указаний...» (РГВА. Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 1386. Л. 127—132).

В 12 часов 33 минуты, а точнее, до вышеизложенного доклада командующий 9-й армией Чуйков доложил в Генеральный штаб:

«Военсовет опрашивал сегодня командира 25 си майора Плюхина (обморожен и находится в госпитале), командира 146 сп майора Ивлева (ранен и находится в госпитале) и начштаба 146 сп (ранен и находится в госпитале).

Кроме того, мы имели продолжительную беседу с Виноградовым и пришли к выводу о необходимости предать его суду. Приняли решение обезоружить и задержать Виноградова до вашей санкции. Ждем указаний...» (РГВА. Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 1386. Л. 120).

Вне всяких сомнений, этот вопрос был решен положительно. И уже на следующий день, то есть 11 января 1940 года, в 21 час 41 минуту Чуйков доложил:

«...Суд над бывшим командиром 44 сд Виноградовым, начальником штаба Волковым и начальником политотдела Пахоменко состоялся 11.01 в Важенваре под открытым небом в присутствии личного состава дивизии. Обвиняемые признали себя виновными в совершенных преступлениях. Речи прокурора и общественного обвинителя были одобрены всеми присутствующими. Суд тянулся пятьдесят минут. Приговор к расстрелу был приведен в исполнение немедленно публично взводом красноармейцев» (РГВА. Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 1386. Л. 124).

Что ж, и на этот раз суд был скорым. Но было ли следствие? Судя по документам, нет! Судите сами: 10 января Военный совет 9-й армии принял решение обезоружить и задержать командира дивизии, а 11-го его вместе с начальником штаба и начальником политотдела расстреляли. Кстати сказать, в конце своего доклада о суде над виновными в поражении 44-й стрелковой дивизии и исполнении приговора Чуйков подчеркнул: «В 44 сд работает комиссия Военсовета, на обязанности которой лежит детальное расследование всех причин и обстоятельств поражения 44 сд». Без комментариев!

По мнению О.А. Дудоровой, командование 44-й дивизии не было виновато в ее разгроме. Объясняет она это следующими причинами:

«Однако следует отметить, что отсутствию должного опыта у командования 44 сд способствовала политика, проводившаяся в конце 30-х годов в отношении РККА в целом: в результате репрессий против командного состава быстро продвинулись по службе и заняли командные должности люди, не вполне соответствующие занимаемым постам и не имевшие необходимых знаний и опыта.

В этом отношении продвижение по службе командира и начальника штаба 44 сд являлось вполне типичным. Так, в послужном списке комдива-44 Алексея Ивановича Виноградова значилось, что в 1936 году он был майором, с июня следующего командовал 143-м стрелковым полком, в феврале 1938-го досрочно получил звание полковника, в марте того же года был направлен в распоряжение Управления по командно-начальствующему составу РККА. Командиром 44 сд А.И. Виноградов был назначен в январе 1939 года, и тогда же ему было присвоено внеочередное воинское звание комбрига.

Начальником штаба 44 сд был Онуфрий Иосифович Волков, назначенный на эту должность 26 декабря 1938 года. Звание капитана ему было присвоено 30 декабря 1935 года, как окончившему три курса академии имени М.В. Фрунзе, а уже 31 июля 1939 года он стал полковником.

Большинство личного состава 44 сд было слабо обучено и подготовлено к боевым действиям. Основная часть красноармейцев призвана накануне войны. Так, из 3229 человек красноармейцев 25-го стрелкового полка только 900 были кадровыми, т.е. менее 30 проц. всего личного состава.

Опыт боевых действий на финском фронте, в частности, соседней 163 сд, ни командованием дивизии, ни штабом 9-й армии учтен не был, поэтому изучать условия войны и постигать партизанскую тактику финнов и командиры, и рядовые должны были непосредственно в процессе боевых действий».

Но можно ли согласиться с подобными доводами?

В Центральном архиве Министерства обороны РФ в Подольске мне удалось ознакомиться с прохождением службы Виноградова до «Зимней войны». В Учетно-послужной карте на командира 44-й стрелковой дивизии написано следующее:

«Виноградов Алексей Иванович 12 февраля 1899 г. Русский, д. Жиганово Осташковский район Калининской области, член ВКП(б) 1930 № 2 121 149, крестьянин из крестьян-бедняков, женат.

Окончил сельскую школу д. Жеганова Осташковский уезд 1913.

Военное образование: Сумские пехотные курсы — 1922;

Высшие химические курсы — 1924.

Комбриг — 1939 № 530/п.

Бытность в походах:

Восточный Фронт против Колчака 1919—20;

В районе Орехово... против Врангеля 1920—20;

В районе Мелитополя 1920—21.

Гуляй-Поле против банд Махно.

Имеет ранение в левый бок под с. Лебедино 1919 г.

Орден Красное Знамя — 1939.

Юбилейная медаль XX лет РККА — 1938.

В РККА март 1919 г.

262 стр. полк 30-й СД Восточный фронт — красноармеец 1919 март — 1920 июнь;

1-е Московские курсы краскомов — курсант июнь 1920 — август 1920;

Отдельная... бригада Южного фронта против Махно — август 20 — февраль 21;

77 Сумские Пехотные курсы — курсант — 1921 февраль — 1922 сентябрь;

143 стр. полк 48 стр. див. МВО — мл. командир — сентябрь 1922 — июнь 23;

143 стр. полк 48 стр. див. МВО — ком. взвода — июнь 23 — март 24;

143 стр. полк 48 стр. див. МВО — помкомроты — март 24 — август 24;

Комкурсы 48-й стр. див. МВО — слушатель — август 24 — октябрь 24;

143 стр. полк 48 СД МВО — помкомроты — октябрь 24—март 27;

144 стр. полк 48-й СД — комроты — март 27 — декабрь 30;
144 стр. полк 48-й СД — начальник школы мл. ком. состава — декабрь 30 — май 32;
144 стр. полк 48-й СД — начальник штаба полка — май 32 — март 33;
4-й стр. полк 48 стр. дивизии МВО — нач. штаба полка—март 33 — май 34;
143 стр. полк 48 стр. див. — нач. шт. полка Беломор. ВО — май 1934—1937 июнь;
143 стр. полк 48 стр. див. Белорусского Военного округа—командир полка — июнь 37 — февраль 1938;
В распоряжении Управления по комначсоставу РККА — 1938 февраль — январь 1939 — НКО СССР 0236—39;
44-стр. дивизия 8-го стрелкового корпуса Киевского Особого ВО — ком. дивизии — 1939 — январь — НКО СССР — 0327.
Исключен из списков согласно приказа Глав. Воен. Совета РККА от 19 января 1940 г. за № 01 227».

Кроме этих записей, есть в УПК и записи, связанные с расстрелом командира дивизии:

«По приговору Военного трибунала 9 Армии от 11.1.40 г. осужден по ст. 193—17 и. “б”, 193—9, п. “а” УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу.

Определением военного трибунала Ленинградского ВО от 17.11.90 г. реабилитирован посмертно.

Пункт приказа Главного военного совета Красной Армии от 19.1.40 г. № 01227 — отменить. Исключить из списков офицерского состава ВС СССР в связи со смертью в соответствии со ст. 64. Основание приказ МО СССР по л/с № 90 от 28.5.91 г.».

Судя по прохождению службы или по военной биографии комбрига Виноградова, можно сказать, что это типичный командир Красной Армии. Об этом можно судить как по его военному образованию, так и по его участию в Гражданской войне. Виноградов прошел все ступени пехотного командира (взвод—рота), до начальника полковой школы, после чего был выдвинут на должность начальника штаба полка (1932 г.). В 1937-м его назначили на должность командира стрелкового полка, в которой он находился менее года. А в январе 1939-го состоялось его роковое назначение на должность командира соединения. В этой должности он состоял не более года.

А теперь по существу. Нет ничего криминального в том, что в 1936 году Алексей Иванович был майором, а в 1938 году досрочно получил

звание «полковник».

Во-первых, с 1935 года до 1939 года в РККА между званиями «майор» и «полковник» воинского звания «подполковник» еще не было. Это звание было введено 1 сентября 1939 года постановлением ЦИК и СНК № 2690 (объявлено приказом НКО от 26 июля 1940 г.). Так что Алексею Ивановичу несказанно повезло, вместо подполковника он сразу же стал полковником. А затем и комбригом.

Во-вторых, Виноградов, судя по всему, как начальник штаба и командир, был на хорошем счету. Об этом говорят и его награды: орден и медаль. Об этом говорят досрочные присвоения воинских званий, введенных в РККА в 1935 году.

В-третьих, быстрое продвижение Виноградова и его начальника штаба было связано прежде всего не с репрессиями в РККА, а с невиданными ранее организационно-штатными мероприятиями. Когда ежедневно росла не только численность армии, но и количество ее новых полков и дивизий.

В-четвертых, опыт Виноградова вполне позволял ему командовать полком, а вот насчет дивизии можно усомниться, тем более в боевой обстановке. Однако сам Виноградов этому назначению, безусловно, был рад. Ведь это та самая карьера, от которой практически никто не отказывается. Не думал же он, что ему очень скоро придется вести дивизию на фронт, где она будет разгромлена. Да и вообще кто думает об этом, сидя в теплом кабинете, когда у тебя тысячи подчиненных и большое военное звание. То же самое касается и начальника штаба Волкова.

Лично мне думается, что комдиву и его начальнику штаба просто не повезло. Знаете, как у нас говорят: оказались не в то время и не в том месте. Это как раз про Виноградова и Волкова. Знали бы они, что их ожидает, подстелили бы соломки да дружно отказались от таких головокружительных назначений. Но у них сложилось именно так, как сложилось. Судьбы не выбирают. Чуть бы левее или правее, и они проскочили бы свой самый черный день в жизни. Как это получилось у других командиров, их ровесников и товарищей.

По-человечески их, конечно же, жаль, но в суровых армейских условиях, когда в твоём подчинении находятся жизни тысяч людей, о жалости говорить бестактно. Командирами, как правило, не становятся под дулом пистолета или же из-под палки. Такие серьезные вещи делаются со всей серьезностью. И речь идет о том, что люда добровольно, без всякого принуждения со стороны взваливают на себя огромную ответственность, за которую иногда приходится отвечать строго по закону. Они же и забывают, что высокая должность наделена не только неограниченными правами по

прежде всего высочайшей ответственностью. Поэтому люди должны осознавать свои возможности и, делая какой-то ответственный и судьбоносный шаг, подумать не единожды.

В апреле (14—17 апреля) 1940 года в Москве открылось совещание при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии. В своем выступлении блестящий генштабист, автор «Мозга армии», Борис Михайлович Шапошников коснулся и 44-й стрелковой дивизии:

«Дальше подтягиваются части 44-й дивизии, но командир дивизии не торопится взять руководство наступлением в свои руки и штаб армии равнодушно смотрит на это.

Наконец подошел еще один батальон и тогда только командира дивизии мы с трудом могли заставить взять свою дивизию в руки и руководить ею.

В это время события разыгрались так: 163-я дивизия, считая свое положение угрожающим, когда се северный фланг был отброшен с рокады, с разрешения Ставки была отведена с потерями и убылью в имуществе, о котором говорил начальник снабжения Красной Армии.

С отходом 163-й стрелковой дивизии перед противником осталась одна 44-я дивизия. Надо было принимать решение — отводить 44-ю дивизию или нет. Противник, обходя с юга, начал дробить и окружать по частям силы 44-й дивизии. Если здесь вспомним об окружении 54-й дивизии, то получается интересная картина. С одной стороны, противник, который старается раздробить дивизию на мелкие части и окружить их. Такой способ действия является правильным, необходимо всегда противника дробить на части, а йотом отдельные очажки ликвидировать, С другой стороны сидят “толстовцы”, которые вместо того, чтобы своевременно чистить завал из 10 деревьев, сидят и ждут, когда навалят 20. Разведки нет, фланги и тыл не охраняются. Несмотря на то что все наши уставы говорят об охране флангов, несмотря на то что Ставка 12 декабря специальным указанием о новых тактических приемах, которые нужно применять в финляндской войне, указывала, что смотрите за флангами и тылом, ничего не было сделано. Окруженные войска, как “зачарованные”, сидели в лесу. Об исходе боя 44-й дивизии всем известно, я о нем говорить не буду» (Тайны и уроки «Зимней войны»).

Трудно не согласиться с авторитетным мнением начальника Генерального штаба. Но было и другое мнение, солдатское. Так, бывший красноармеец полковой батареи 305-го стрелкового полка этой дивизии

Ф.П. Хронатый вспоминал:

«...как подлечили нас немного, подкормили, так суток через десять, а, может, и больше, собрали всех, кто вернулся с того 27-го километра, и построили. Стоим, ждем. И вдруг привозят генерала Виноградова, командира нашей дивизии, и еще с ним четырех его побратимов. И зачитывают нам приговор: Виноградова и тех других офицеров (их фамилий я не помню) расстрелять как предателей народа. На наших глазах их и расстреляли. Я потом узнал, что расстрелять хотели больше командиров, но они сами застрелились...

Вот так. За что их? За то, что они остались живы и не дали нам погибнуть?.. Этот генерал под пулями вел себя бесстрашно. Да, мы не смогли прорвать кольцо, но была ли в том вина Виноградова?

И еще мне запомнилось: после того, как выстрелы стихли, тс, кто скомандовал “Огонь!”, зааплодировали...» (Н. Филипчук. Советско-финскую войну планировали закончить за три недели).

А в октябре 2009 года рядом со старой погранзаставой «Ванжевара на месте захоронения четырехсот бойцов 44-й стрелковой дивизии был открыт памятный знак и отданы воинские почести.

Глава 10.

**«ЖЕСТОКОЕ ВРЕМЯ, ЖЕСТОКИЕ
ЛЮДИ»**

Чтобы понять всю трагическую историю командира 38-й стрелковой дивизии, достаточно заглянуть на страницы истории первых двух лет Великой Отечественной войны.

Как пишет Д.А. Волкогонов в книге «Сталин», «лето сорок первого было особенно жестоким. В наших книгах и учебниках долгое время писали об этом периоде лишь как о “крахе блицкрига”, “провале гитлеровских планов”, “планомерном отступлении”, “временных неудачах наших войск” и т.д. Но на историю незачем наводить глянец. У истории сеть одна, возможно, коренная особенность: она признает только истину, которая рано или поздно займет свое место в ее анналах. Часто она там оказывалась лишней. В монографиях и многотомниках долгое время нельзя было встретить слова “поражение”, “катастрофа”, “окружение”, “паника”, относящиеся к действиям наших войск. А это было. Крупные, катастрофические поражения целых фронтов. Было, прежде чем пришли выстрадавшие, такие желанные, добытые огромной кровью победы».

Далее Дмитрий Антонович приводит пример реакции Сталина на очередное отступление войск:

«Ставка Верховного Командования и Государственный Комитет Обороны абсолютно не удовлетворены работой командования и штаба Северо-Западного фронта.

Во-первых, до сих пор не наказаны командиры не выполняющие Ваши приказы и, как предатели, бросающие позиции и без приказа отходящие с оборонительных рубежей. При таком либеральном отношении к трусам ничего с обороной у Вас не получится.

Истребительные отряды у Вас до сих пор не работают, плодов их работы не видно, а как следствие бездеятельности командиров дивизий, корпусов, армий и фронта части Северо-Западного фронта все время катятся назад. Пора это позорное дело прекратить... Командующему и члену Военного совета, прокурору и начальнику 3-го управления — немедленно выехать в передовые части и на месте расправиться с трусами и предателями...»

По мнению доктора философских и исторических наук, «Сталин, более всех повинный в катастрофическом начале войны, проявил исключительную жестокость по отношению к тем, кто стал жертвой его просчетов. Их собственной вины, а она, видимо, есть, никто не снимает. Но

эта вина в значительной мере обусловлена сложившимися обстоятельствами, скороспелым выдвиганием и, как следствие, недостаточной компетентностью».

Волкогонов не стал самостоятельно вдаваться в размышления о жестокости, предоставив такую возможность Н. Бердяеву, который в книге «Судьба России» уже сказал:

«Жестокость войны, жестокость нашей эпохи не есть просто жестокость, злоба, бессердечие людей, личностей, хотя все это и может быть явлением сопутствующим. Это жестокость исторической судьбы, жестокость исторического движения, исторического испытания. Жестокость человека — отвратительно».

Трудно не согласиться с этими мудрыми словами русского философа, на основе которых Д.А. Волкогонов формулирует фразу «Жестокое время, жестокие люди...» и дополняет ее следующими штрихами:

«Сталин с началом войны, едва придя в себя от парализующего психологического шока, для выправления положения прибег к своему испытанному средству: репрессиям и нагнетанию страха. Тысячи, сотни тысяч людей гибли на фронте, еще больше — попадали в плен. Вышедшие из окружения, вырвавшиеся из плена оказывались в “спецлагерях по проверке”. Есть целый ряд донесений Берии о функционировании этих лагерей. Часть военнослужащих после проверки направлялась в формируемые новые подразделения, других расстреливали на месте, высылали на долгие годы в лагеря. Их доля была особенно горька: позор, бесчестье им и их семьям. Конечно, были среди них и те, кто сознательно изменил Родине или, проявив малодушие, не исполнил свой воинский долг. Не о них речь. Жестокость Сталина, проявленную в начале войны по отношению к советским людям, мы связывали обычно лишь с именами Павлова и генералов его штаба. Но мало кто знает, что в это же время Сталин санкционировал арест большой группы командиров».

8 февраля 1942 года Прокурор СССР В. Бочков в своем докладе Сталину о преступности в Красной Армии за первые месяцы войны указывал следующую статистику:

«За период с 22 июня по 31 декабря 1941 г. резко увеличилось количество уголовных дел, возбужденных по всей Красной Армии и рассмотренных Военными трибуналами. За полгода войны военными прокуратурами Красной Армии было возбуждено 85 876 дел, причем только за период сентябрь—декабрь следственный аппарат военной прокуратуры закончил расследование до 50 000 дел.

Более половины дел расследовалось в срок до 1 дня, а в срок до 5 дней были расследованы 80,6% всех законченных следствием дел.

Военными трибуналами осуждено 90 332 военнослужащих... Из общего числа осужденных Военными трибуналами приговорены к ВМП — расстрелу 31 327 чел. и 58 995 к лишению свобода» (Е. Жирнов. За полгода войны осуждено 90 322 военнослужащих).

В том же документе прокурор СССР Бочков объяснял вождю рост количества изменников Родины и его причины:

«Значительный рост количества осужденных за измену родине в ноябре и декабре объясняется тем, что в эти месяцы органы военной прокуратуры и трибунал стали широко практиковать заочное осуждение изменников, перешедших на сторону врага в прошлые месяцы. Кроме того, по мере освобождения от немецких захватчиков новых районов выявляются изменники, перешедшие к фашистам раньше, во время отступления наших частей, и скрывшиеся на территории, временно занятой неприятелем.

Совершение изменнических актов происходило в виде: а) одиночных и групповых переходов на сторону врага; б) возвращений из плена с целью проведения по заданиям фашистской разведки враждебной деятельности на территории СССР; в) подготовки к переходу на сторону врага.

Обстоятельства, приводившие к измене родине, были разнообразны: одни становились на путь измены в силу своих враждебных антисоветских убеждений, другие сплошь и рядом становились объектом обработки со стороны вражеской агентуры под влиянием и других мотивов: боязнь быть убитым на фронте, ложное представление о возможности победы фашизма, стремление пробраться к своей семье, оставшейся на территории, временно

занятой противником, и т.д.

Совершенно неудовлетворительное изучение людей и слабость политико-воспитательной работы, неправильный подбор людей, назначаемых в разведку или в боевое охранение, откуда чаще всего и совершались переходы на сторону врага, ошибки в комплектовании частей и подразделений в ряде случаев облегчали или способствовали совершению измены.

Были случаи, когда командиры не имели самых элементарных сведений о людях, посылаемых в разведку. В результате после выявления факта измены не всегда удавалось даже установить фамилии изменников.

Имели случаи, когда после назначения людей в боевое охранение начальники забывали о них. В результате в течение длительного периода времени люди оставались предоставленными сами себе, среди них появлялись и затем разрастались отрицательные настроения, приводившие иногда к изменническим актам».

По поводу цифр осужденных за дезертирство Бочков доложил следующее:

«Значительный рост количества осужденных за дезертирство в ноябре и декабре не отражает фактического состояния преступности за эти месяцы. На самом деле дезертирство идет на убыль. В декабре во многих частях и даже соединениях не было ни одного побега из части. Рост количества осужденных объясняется усилением борьбы с этим видом преступления и задержанием в ноябре и декабре значительного количества военнослужащих, дезертировавших еще в первые месяцы войны. Маршевые случаи дезертирства имели место главным образом из маршевых частей во время их передвижения на фронт. Значительное количество военнослужащих разбежались во время воздушных бомбардировок эшелонов. Вместе с тем немало побегов было совершено как из действующих, так и запасных частей. Обстоятельствами, способствовавшими массовым побегам, были:

1. Плохой учет людей. В ряде подразделений не было даже списков личного состава, командиры не знали многих бойцов по фамилиям, что делало невозможным розыск бежавших.

2. Слабое наблюдение за подчиненными со стороны командиров, особенно младшего начальствующего состава. Это приводило, в частности, к отставаниям от эшелонов и походных колонн.

3. Недочеты в воспитательной работе, в частности, слабая популяризация приговоров Военных Трибуналов по делам о дезертирах».

Коснулся прокурор СССР и причин побегов с поля боя: «Побеги с поля

боя совершаются в подавляющем количестве случаев из трусости и желания спасти собственную шкуру. Чаще всего побег с поля боя имели место в частях, только что прибывших на фронт и еще не обстрелянных. Отрицательно сказывалось укомплектование на фронте целых подразделений из только что прибывшего пополнения. В первые месяцы войны наблюдались случаи массовых побегов с поля боя вследствие проявления паники и трусости со стороны некоторых командиров. Отдельные случаи такого порядка имеют место и в настоящее время». А также многочисленных случаев членовредительства: «В декабре наблюдается большой рост осужденных за членовредительство. Это объясняется усилением борьбы и более умелым разоблачением членовредителей, но несомненно и то, что количество членовредителей возросло. Проведенные мероприятия по борьбе с дезертирством создали в массе мнение, что дезертирство безнаказанно не пройдет, поэтому малоустойчивые элементы стараются уклониться от участия в боях под видом ранения в бою. Членовредители прибегают, в основном, к самострелу. При этом характерно, что все возрастающее количество членовредителей прибегают к ухищренным способам самострела без признаков близкого выстрела, что, естественно, затрудняет их разоблачение. В частности, отмечены случаи членовредительства по взаимному сговору»

Среда иных преступлений Прокурор СССР особо подчеркнул «факты самочинных и ничем не вызванных расправ над подчиненными под видом борьбы с трусами, паникерами и изменниками»: «Несмотря на требование приказа Наркома Обороны (о недопустимости подмены воспитательной работы репрессиями) и осуждение значительного количества лиц начсостава за самочинные расправы, количество преступлений этого рода довольно большое. Только за декабрь 1941 г., но далеко не полным данным, органами военной прокуратуры зафиксировано 28 случаев самочинных и ничем не вызывавшихся расстрелов подчиненных со стороны командиров. Часть этих преступлений совершена на почве пьянства».

В заключение Бочков поведал о действии отсрочки исполнения приговора до окончания военных действий, того самого примечания 2 к статье 28, благодаря которому можно было сохранить обвиняемых для фронта и Победы:

«...из числа осужденных к расстрелу Военной Коллегией Верховного Суда СССР и Комиссией по судебным делам приговоры к высшей мере наказания заменены лишением свободы в отношении 7057 чел., из них к 4502 применена отсрочка исполнения приговора до окончания военных

действий. Таким образом, общее количество осужденных военнослужащих, возвращенных в армию с отсроченными приговорами, составляет 41 980 чел. Наблюдение за осужденными в частях показало, что практика отсрочки исполнения приговора в целом себя оправдывает. Значительное количество лиц, направленных после осуждения на фронт, отлично вели себя в боевой обстановке, многие из них отличились в боях против фашистских оккупантов, а некоторые даже были удостоены правительственных наград.

Следует, однако, отметить, что командование и политорганы не вели учета осужденных с направлением на фронт, не осуществляли должного наблюдения за ними и не принимали своевременно мер к освобождению от наказания тех, кто честно несет службу. По представлению Военной Прокуратуры начальником Главного Политуправления Красной Армии соответствующие указания политорганам даны».

Как пишет Е. Жирнов, через два месяца Прокурора СССР в применении отсрочки исполнения приговора до окончания военных действий поддержали нарком юстиции Н. Рычков и председатель Верховного суда СССР И. Голяков.

«Предложение поддержал заместитель председателя ГКО Вячеслав Молотов, а вслед за тем на докладе Рычкова и Голякова появилась пометка “Решено ГКО”. Казалось бы, после принятия такого решения эра расстрелов и непропорционально суровых наказаний для бойцов и командиров РККА должна была завершиться. Но то, что сочли приемлемым после победы под Москвой, показалось непригодным в дни летних поражений 1942 года. И в знаменитом приказе наркома обороны № 227 от 28 июля 1942 года вновь говорилось: “Паникеры и трусы должны истребляться на месте”.

Собственно, ничего странного в этом не было. Как обычно, целесообразность ставилась гораздо выше законности», — констатирует Е. Жирнов.

Из книги «История военных судов России» Н.А. Петухова можно узнать, что применение смертной казни неуклонно сокращалось во время войны. Как он уточняет, «в общей сложности в 16 раз». Далее автор приводит такие цифры:

«Во втором полугодии 1941 г. — 33,8%;
в первом полугодии 1942 года — 21%;
во втором полугодии 1942 г. — 18,3%;
в 1943—1944 гг. — 7—8%;
в первом полугодии 1945 г. — 5,1%».

Более ясная картина деятельности военных трибуналов в годы войны показана в статье М.Р. Чарыева «Деятельность Военных трибуналов во время Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.».

Например, по его данным, в 1941 году были всего осуждены — 216 142 человека, в т.ч. за контрреволюционные преступления — 28 732, за воинские преступления — 117 425, за общеуголовные преступления — 69 985.

В 1942 г. всего — 685 562, в т.ч. за контрреволюционные преступления — 112 973, за воинские преступления — 299 254; за общеуголовные преступления — 274 335.

В 1943 г. всего — 727 207, в т.ч. за контрреволюционные преступления — 95 802, за воинские преступления — 218 022, за общеуголовные преступления 413 383.

В 1944 г. всего — 543 745, в т.ч. за контрреволюционные преступления — 99 425, за воинские преступления — 88 432, за общеуголовные преступления — 355 888.

В 1945 г. всего — 357 007, в т.ч. за контрреволюционные преступления — 135 056, за воинские преступления — 69 059, за общеуголовные преступления — 152 892.

Итого за годы войны — 2 530 663, в т.ч. за контрреволюционные преступления — 471 988, за воинские преступления — 792 192, за общеуголовные преступления — 1 266 483.

То есть за контрреволюционные преступления были репрессированы 18,6%, за воинские преступления — 31,4% и 50% за общеуголовные преступления.

К этим страшным цифрам М.Р. Чарыев добавляет еще две: «за четыре года войны к высшей мере наказания было приговорено 8,9% от числа осужденных» и «в 1941—1945 гг. каждый пятый человек был осужден по контрреволюционной статье».

Но самая страшная цифра прозвучала из уст президента Международного фонда «Демократия» академика Л. Яковлева в 2005 году:

«В годы Великой Отечественной войны 954 тысячи советских военнослужащих были расстреляны своими по обвинению в трусости и за различные проступки» (Интерфакс, 4 мая 2005 г.).

Сам Яковлев в своем рассказе привел такие примеры:

«Конечно, там были и какие-то преступления, но даже за них в иностранной армии не расстреливали...»

Немцы наступали, мы их ждали, а когда наступают, страшновато становится. И вот парнишка лет восемнадцати вскочил и побежал. Его

можно было просто остановить, повалить на землю, и через 5 минут он бы очухался, ведь он не отдавал себе отчета, он не помнил себя. Но командир роты ему тут же нулю в спину.

Я приехал на фронт, а там комиссар батальона инструктирует: когда вы говорите “в атаку”, а они не встают — стрельни сам в первого попавшегося, застрели — и тут же поднимутся».

В. Звягинцев в книге «Война на весах Фемиды» несколько уточняет вышеприведенные цифры, которые если и отличаются, то незначительно. Например, всего за годы войны военными трибуналами были осуждены 2 530 686 человек. Из них — 994 300 человек были военнослужащими. Остальные, осужденные военными трибуналами были гражданскими лицами. К высшей мере наказания были приговорены 217 080 человек. Из 217 тысяч казненных 135 тысяч (10 дивизий) — это военнослужащие, а 82 тысячи — гражданские лица (главным образом по 58-й статье УК РСФСР).

Что тут скажешь, и впрямь жестокое время, жестокие люди...

Б. Соколов в своей книге о Г.К. Жукове приводит один, как он сам называет, колоритный случай, который ему рассказал известный историк Корнелий Федорович Шацилло:

«В войну Корнелий Федорович служил офицером на флоте, был ранен и в госпитале познакомился с одним офицером штаба армии. Этот офицер рассказал Шацилло сцену, которую сам наблюдал: начальник штаба армии, генерал-лейтенант, стоял навтыжку, руки по швам, а маршал Жуков охаживал его по физиономии кожаными перчатками. Таким способом Георгий Константинович частенько “воспитывал” подчиненных, в том числе и в генеральских чинах. За что впоследствии удостоился многих нелестных эпитетов».

Дальше, развивая тему рукоприкладства, Б. Соколов перечисляет самые разные примеры, собранные по крупицам свидетелями и очевидцами:

«Например, генерал-полковник авиации Георгий Филиппович Байдуков, вместе с Чкаловым и Беляковым совершивший легендарный перелет через Северный полюс, в 1985 году на советско-американской конференции, вспоминая фронтовой опыт, наградил своего тезку Георгия Константиновича Жукова кратким, но весьма выразительным определением — ”зверюга”. Впрочем, о Коневе, с которым тоже довелось вместе служить, Байдуков отзывался не лучше: “Он расстреливал меня дважды в день”. В том же духе Главный маршал авиации А.Е. Голованов в беседах с поэтом Феликсом Чуевым отмечал, что Георгий Константинович “старался унижить, раздавить человека”. Следует, однако, подчеркнуть, что мордобой в Красной Армии был повсеместным явлением и превратился в специфическое “средство рукоприкладства”. Тот же Голованов рассказывал Чуеву и о Коневе вещи малоприятные: “Конев иной раз бил палкой провинившихся. Когда я ему сказал об этом, он ответил: “Да я лучше морду ему набью, чем под трибунал отдавать, а там расстреляют!” Жуков, к несчастью, подобной широтой натуры не отличался. Он мог и морду набить, и под трибунал отдать, и приказать расстрелять провинившегося на месте.

Бывший комендант Большого театра майор госбезопасности А.Т. Рыбин в своей книге “Сталин и Жуков” приводит рассказ Н. Казьмина, офицера госбезопасности, состоявшего в войну при Жукове для особых

поручений: “Однажды Жуков приехал к Сталину в особняк на Кировской. Была объявлена воздушная тревога. Подходя к метро “Кировская”, он увидел в одном из домов незамаскированное окно. Жуков повернулся ко мне и показал рукой на окно: “Ликвидируйте”, Я взял автомат на прицел и разрядил очередь по окну. Освещение мгновенно погасло”. Другие генералы и маршалы вовсю лупили подчиненных кулаками и палками, расстреливали за действительные и мнимые провинности, но вот стрелять по окнам нерадивых обывателей своей охране как будто не приказывали. Георгий Константинович и здесь был “первым среди равных”».

Вообще же, мордобой в армии поощрял Верховный Главнокомандующий. Об этом сохранился колоритный рассказ в мемуарах Хрущева: «Конечно, Сталин глубокого доверия никогда и никому не оказывал. Всегда у него было заложено внутреннее какое-то подозрение к любому человеку. Он мне как-то сказал в пылу откровения:

— Пропавший я человек, никому не верю. Я сам себе не верю... А в 1942 году я сказал ему:

— Товарищ Сталин, я могу назвать кандидатов только из числа тех людей, которые командовали войсками на нашем направлении. Других я не знаю. Поэтому командующего на Сталинградский фронт должны назвать вы. Вы больше людей знаете, у вас шире горизонт.

— Да что вы? Что вы? Можно назначить командующим войсками фронта Еременко, но он лежит в госпитале и не может сейчас приступить к командованию. Очень хорошим был там командующим Власов, но Власова я сейчас не могу дать, он с войсками в окружении. Если бы можно было его как-то оттуда отозвать, я бы утвердил Власова. Но Власова нет. Называйте вы сами, кого хотите!

— Из людей нашего фронта я назвал бы Гордова, даже при всех его недостатках (недостаток его заключался в грубости. Он дрался с людьми). Сам очень щупленький человечек, но бьет своих офицеров. Однако военное дело он понимает. Поэтому я бы назвал его.

В то время он, кажется, командовал 21-й армией... Я от члена Военного Совета армии Сердюка... имел характеристику на Гордова... и хорошую, и плохую. Хорошую — в смысле знания дела, его энергии и храбрости; плохую — насчет его грубости, вплоть до избиения людей. Это, правда, в то время считалось в какой-то степени положительной чертой командира. Сам Сталин, когда ему докладывал о чем-либо какой-нибудь командир, часто приговаривал: “А вы ему морду набили? Морду ему набить, морду!” Одним словом, набить морду подчиненному тогда считалось геройством... И били!.. Потом уже я узнал, что однажды

Еременко ударил даже члена Военного совета. Я ему потом говорил:

— Андрей Иванович, ну как же вы позволили себе ударить? Вы ведь генерал, командующий. И вы ударили члена Военного совета?!

— Знаете ли, — отвечает, — такая обстановка была.

— Какая бы ни была обстановка, есть и фугас средства объясняться с членом Военного совета, нежели вести кулачные бои.

Он опять объяснил, что сложилась тяжелая обстановка. Надо было срочно прислать снаряды, он приехал по этому вопросу, а член Военного совета сидит и играет в шахматы. Я говорю Еременко: “Ну, не знаю. Если он играл в шахматы в такое трудное время, это, конечно, нехорошо, но ударить его — не украшение для командующего да и вообще для человека”».

Однако согласимся, что по сравнению с мордобоем на войне расстрел без всякого суда и следствия, в качестве самосуда, был куца страшнее и куца несправедливее... Но он был.

В октябре 1941 года Сталин, как народный комиссар обороны, подписал очередной приказ, который по тем временам выглядел даже в некотором роде либеральным. Ибо положение на фронте на тот момент оставалось критическим. Но, видимо, факты, перечисленные в приказе, настолько превзошли все допустимые пределы, что самому вождю, который приговаривал «А вы ему морду набили?», как утверждают современники, стало не очень весело от такого беспредела...

Приказ за № 0391 имеет название категоричное: «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями». А вот и его содержание:

«За последнее время наблюдаются частые случаи незаконных репрессий и грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров по отношению к своим подчиненным.

Лейтенант 288 сп Комиссаров без всяких оснований выстрелом из патана убил красноармейца Кубицу.

Бывший начальник 21 УР полковник Сущенко застрелил мл. сержанта Першикова за то, что он из-за болезни руки медленно слезал с машины.

Командир взвода мотострелковой роты 1026-го стрелкового полка лейтенант Микрюков застрелил своего помощника—младшего командира взвода Бабурина якобы за невыполнение приказа. (...)

Подобные нетерпимые в Красной Армии факты извращения дисциплинарной практики, превышения предоставленных прав и власти, самосудов и рукоприкладства объясняются тем, что:

а) метод убеждения неправильно отодвинули на задний план, а метод репрессий в отношении подчиненных занял первое место;

б) повседневная воспитательная работа в частях в ряде случаев подменяется руганью, репрессиями и рукоприкладством;

в) заброшен метод разъяснений и беседы командиров, комиссаров, политработников с красноармейцами и разъяснение не понятных для красноармейцев вопросов зачастую подменяется окриком, бранью и грубостью;

г) отдельные командиры и политработники в сложных условиях боя теряются, впадают в панику и собственную растерянность прикрывают применением оружия без всяких на то оснований;

д) забыта истина, что применение репрессий является крайней мерой, допустимой лишь в случаях прямого неповиновения и открытого

сопротивления в условиях боевой обстановки или в случаях злого нарушения дисциплины и порядка лицами, сознательно идущими на срыв приказов командования.

Командиры, комиссары и политработники обязаны помнить, что без правильного сочетания метода убеждения с методом принуждения немисливо насаждение советской воинской дисциплины и укрепление политико-морального состояния войск.

Суровая кара по отношению к злым нарушителям воинской дисциплины, пособникам врага и явным врагам должна сочетаться с внимательным разбором всех случаев нарушения дисциплины, требующих подробного выяснения обстоятельств дела.

Необоснованные репрессии, незаконные расстрелы, самоуправство и рукоприкладство со стороны командиров и комиссаров являются проявлением безволия и безрукости, нередко ведут к обратным результатам, способствуя падению воинской дисциплины и политико-морального состояния войск и могут толкнуть нестойких бойцов к перебежкам на сторону противника».

В третьей, заключительной части приказа, кроме восстановления в правах воспитательной работы, широкого использования метода убеждения и т.д. и т.п., было особо подчеркнуто:

«Самым решительным образом, вплоть до предания виновных суду военного трибунала, бороться со всеми явлениями незаконных репрессий, рукоприкладства и самосудов.

Приказ объявить всему начальствующему составу Действующей армии до командира и комиссара полка включительно» (ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 149—152).

Но выполнялось ли главное требование этого приказа в годы войны? В книге В. Звягинцева «Война на весах Фемиды» на этот вопрос имеется отрицательный ответ.

Так, например, командир 18-го стрелкового корпуса генерал Афонин застрелил подчиненного ему начальника разведки 237-й дивизии майора Андреева. За что? «За пререкания». Правда, сначала Афонин ударил в лицо майора, а майор ответил генералу ударом плетки. Как наказали генерала? Ему объявили выговор и отменили присвоение очередного, воинского звания.

Другой генерал, но фамилии Сараев, командир 99-й стрелковой дивизии, в 1945 году, за несколько месяцев до победы, в горячке расстрелял двух красноармейцев. Как его наказали? Ему объявили порицание.

Еще один генерал — Власенко (исполняющий обязанности командира

259-й стрелковой дивизии) весной 1944 года «отдал незаконное приказание, но которому был расстрелян без суда и следствия майор Киселев». За это вспыльчивого генерала перевели командовать другой дивизией, 113-й. Уже там он, «не разобравшись в том, кто виноват в задержке движения колонны», выстрелил в капитана Носовенко и тяжело ранил его. Только на этот раз генерал получил пять лет лишения свободы, но условно и с отсрочкой исполнения приговора.

Что еще можно сказать или что еще можно добавить к сказанному? Лично у меня никаких комментариев нет. Все предельно понятно!

Как вы понимаете, предшественники у полковника Короткова были. Были и в 1941-м, и в 1942-м. Примеры самые разные, но суть одна: расстрел перед строем...

17-я Московская стрелковая дивизия народного ополчения (Москворецкого района) была сформирована 2 июля 1941 года. Комплектовалась она рабочими и служащими завода имени Владимира Ильича, кожевенного завода, фабрики Гознак, камвольно-прядильной фабрики имени М.И. Калинина и некоторых других предприятий Москворецкого района, студентов и работников МИНХ имени Г.В. Плеханова. С 30 июля 1941-го дивизия в Действующей армии, а 26 сентября была переименована в 17-ю стрелковую дивизию.

Командиром этой дивизии был назначен полковник Петр Сергеевич Козлов (02.07.1941 г.).

Как сообщается в «Википедии», «еще не завершив формирования, дивизия получила задачу: до 02.08.1941 года занять оборону на левом фланге 33-й армии в полосе Варшавского шоссе. Дивизия была переброшена по железной дороге на станцию Спас-Деменск и заняла там оборону. В течение августа—сентября 1941 года дивизия занималась строительством оборонительных рубежей. 03.10.1941 года вступила в бой. 04.10.1941 начала отходить на север, дабы избежать окружения. Тем не менее избежать окружения не удалось, и дивизия была вынуждена малыми группами выходить из кольца. К середине октября 1941 года оставшиеся части собрались в 20 километрах от Малоярославца, где дивизию доукомплектовали и вновь направили на передовую. За бои 03—05.10.1941 года дивизия потеряла до 80% личного состава».

В книге Б. Невзорова «Московская битва: феномен Второй мировой войны» также упоминается эта дивизия:

«Низкую боеспособность показала... 17-я ополченческая Московская стрелковая дивизия полковника П.С. Козлова. А причина состояла в том, что в ней после боев под Спас-Деменском в строю оставалось всего 558 человек, то есть около 6 процентов первоначального состава. 15 октября в Угодском Заводе (ныне город Жуков, 17 километров восточнее Малоярославца) она была доукомплектовала только что прибывшим маршевым пополнением и уже через 2 дня введена на рубеже р. Протва...»

Как уточняет автор, 17-я и еще 53-я стрелковые дивизии «оставляли

один рубеж за другим, дав возможность противнику без боя форсировать р. Протву и захватить плацдарм у Тарутино... В дальнейшем под бомбоштурмовыми ударами немецких самолетов дивизии в панике бежали в Подольск, где оказалось около 7 тысяч человек из этих соединений».

Однако на сайте поискового отряда «Победа» события катастрофы 17-й дивизии излагаются несколько иначе: «Дивизия сформирована осенью 1941 года как 17-я стрелковая дивизия 2-го формирования (из ополченцев).

К этому времени немецко-фашистские войска, захватив Киров, развернули наступление на Спас-Деменск. Но здесь враг натолкнулся на упорное сопротивление ополченцев-москвичей. Западные подступы к городу прикрывала 113-я, южные — 17-я стрелковые дивизии.

17-я же стрелковая дивизия 3 октября занимала западнее Спас-Деменска по фронту 28 километров. Пропустив через себя отходящие на восток остатки трех разбитых дивизий и испытав бомбежку, на следующий день она оказалась на переднем крае, была подвергнута более мощному удару с воздуха и танковой атаке. Неприятель использовал в общей сложности до двухсот танков, поддержанных более двумя дивизиями пехоты, а также бронемашинами. Артиллеристы дивизии вели огонь по наступающим танкам в упор и погибали под гусеницами прорвавшихся машин вместе со своими орудиями.

Бой, развернувшийся на южных подступах к Спас-Деменску, сразу же принял ожесточенный характер. Подпустив пехоту противника на близкое расстояние, ополченцы открыли дружный залповый огонь из винтовок, который чередовался с губительным пулеметным. Вражеская пехота, не сумев преодолеть огневого заслона, отошла в исходное положение. Новую атаку фашистской пехоты, которая последовала спустя несколько часов, поддержали танки.

Напряжение боя возросло. (...)

Значение боевых действий дивизии к югу от Спас-Деменска состояло не только в том, что ополченцам удалось на какое-то время задержать наступление гитлеровцев на столицу, но и в том, что они убедились в возможности бить врага. (...)

Несмотря на упорное сопротивление, к 5 часам дня 4 октября 17-я дивизия была практически окружена, и с наступлением темноты положение стало угрожающим. Два батальона соседних полков дивизии дрогнули и начали отступать без приказа, ломая фронт. Связь с армией была потеряна, чудом уцелела телефонная связь с соседней 60-й дивизией (1-я ополченческая). (...)

Комдив полковник Козлов принял единственно правильное решение:

выходить из окружения группами по 100—200 человек, но возможности сохраняя связь между ними. К 12 октября остатки подразделений дивизии, в основном, вышли из окружения в район Малоярославца. Ополченцы вынесли знамена полков, 123 винтовки, 2 автомата и пулемет.

13 октября остатки дивизии перебросили в Угодский Завод на переформирование. К полудню 15 октября, после того, как дивизия была пополнена 286 солдатами-сибиряками и 500 командирами (их из окружения вышло 17), личный состав ее насчитывал 2879 человек. На 20 сентября в дивизии числилось 11 454 человека. Таким образом, за девять дней боев дивизия потеряла более 80 процентов личного состава. Урон, нанесенный ею при этом противнику, полковник Козлов оцепил максимум в 50 танков и 2—3 тысячи убитых и раненых».

17 октября 17-я дивизия была выведена из состава 33-й армии и включена в состав 43-й, где получила задачу оборонять рубеж Спас-Загорье — Высокиничи. 22 октября она заняла оборону по восточному берегу реки Нары, в районе Стремилowo—Высокое. Это и был тот самый Стремилowski рубеж, где 17-я прикрывала правый фланг 43-й армии. Как пишет В.В. Степанов (Еще раз о судьбах солдатских), «пик самых тяжелых и трагических событий в боях осени 1941 года в полосе обороны 43-й армии на рубеже реки Нары пришелся на 22 и 23 октября. В эти дни погиб командир 53-й стрелковой дивизии (сд) полковник Николай Павлович Краснорацкий. Командир 17-й стрелковой дивизии народного ополчения Москворецкого района Москвы полковник Петр Сергеевич Козлов и комиссар этой дивизии, бригадный комиссар Сергей Иванович Яковлев были арестованы. Генерал-лейтенант Степан Дмитриевич Акимов, командовавший группой войск левого крыла армии, был тяжело ранен и отправлен в тыл. А командир 312-й сд полковник Александр Федорович Наумов на основании шифротелеграммы командующего Западным фронтом Г.К. Жукова за № 6171 от 23.10,41 г. был назначен командиром сводной 312 сд, которую ему было приказано формировать в ходе боев из остатков 312,53 и 17 сд.

Все эти события произошли практически одновременно в районе деревни Корсаково, расположенной на Старой Калужской дороге — старинном тракте, который многие годы соединял юго-западные районы России со столицей. Поразительно, но именно так распорядилась сама история».

Предшествовали этим личным трагедиям не только наступление превосходящего в силах и средствах противника, но и, но сути, два соответствующих приказа.

Приказ командующего войсками Западного фронта Жукова Военному совету 43-й армии от 21 октября 1941 г.:

«В связи с неоднократным бегством с поля боя 17 и 53 сд приказываю: В целях борьбы с дезертирством выделить к утру 22.10 отряд заграждения, отобрав от него надежных бойцов за счет вдк.

Заставить 17 и 53 сд упорно драться и в случае бегства выделенному отряду заграждения расстреливать на месте всех, бросающих поле боя. О сформировании отряда донести».

И приказ командующего войсками Западного фронта Жукова командующему 43-й армией от 22 октября 1941 года:

«ГОЛУБЕВУ

1) Отходить с занимаемого рубежа до 23.10 еще раз категорически запрещая.

2) На 17 дивизию немедленно послать Селезнева, командира 17 сд немедленно арестовать и перед строем расстрелять.

17 дивизию, 53 дивизию заставить вернуть утром 22.10.41 Тарутино во чтобы то ни стало, включительно до самопожертвования.

3) Вы докладываете о малом количестве бойцов в соединениях и больших потерях, ищите немедленно в тылах, найдете и бойцов, и вооружение.

4) В обороне в полной мере применить РСы, не жалея снарядов. Самому находиться (КП) в районе боевых действий.

Для обороны района Горки, Каменка подчиняю Вам еще одну воздушно-десантную бригаду и танковую бригаду, которую из Кресты можете пододвинуть ближе к Горкам, но учтите, если Вы так же не будете жалеть танки, как не жалели их сегодня, бросая в лоб на ПТО, и от этой бригады ничего не останется, как не осталось от хорошей 9-й бригады».

В 2005 году полковник П.С. Козлов и бригадный комиссар С.И. Яковлев были посмертно реабилитированы. В отношении их был действительно совершен произвол, который никогда не может быть справедливым. Судя по обстановке, командир и комиссар сделали все, что могли. Достаточно прочитать воспоминания ветерана дивизии Г.Ф. Ситника, чтобы понять, в каких условиях командованию дивизии приходилось выполнять приказы сверху:

«В эту дивизию я был направлен политотделом 43-й армии в качестве военкома минометного батальона 1316 стрелкового полка. Но с 13 по 22 октября я исполнял обязанности военкома 980 АП 17ДНО, так как никакого минометного батальона еще не существовало. В этом же полку не было ни командира, ни комиссара и все руководство лежало на начальнике штаба

полка старшем лейтенанте Никольском. Так началась моя боевая работа в составе другого соединения — 17 ДНО Москворецкого района Москвы» (В. Степанов. Неизвестный комдив-17).

На этой истории можно было бы поставить точку, если бы не один документ:

«Генералу Армии Жукову. 31.10.41. 23.40.

...Докладываю о преступном факте. Сегодня на месте установил, что бывший командир 17 стрелковой дивизии Козлов не был расстрелян перед строем, а бежал. Обстоятельства дела таковы. Получив Ваш приказ арестовать и расстрелять командира 17 сд перед строем, я поручил это выполнить выезжавшим в дивизию Члену Военного Совета Серюкову и генерал-лейтенанту Акимову. По непонятным причинам они этого не сделали и направили командира дивизии ко мне. Я под конвоем, организованным начальником Особого отдела армии, отправил его обратно с категорическим указанием, что приказ Командарма должен быть выполнен. Мне доложили, что он был расстрелян, а сегодня я узнал, что не расстрелян, а бежал от конвоя. Назначаю следствие.

Голубев...»

24 октября 1941 года в вечернем донесении разведотдела штаба 4-й в штаб Группы армий «Центр» сообщалось: «Взят в плен командир 17-й стрелковой дивизии».

Случай для Великой Отечественной войны если не уникальный, то весьма редкий. И тем не менее полковник Козлов на сегодняшний день реабилитирован, хотя судьба его остается не известной до сих пор.

P.S.

Полковник (1940) Петр Сергеевич Козлов родился в 1905 году в Климовичском районе Белорусской ССР. В РККА с 1926 года. В партии с 1928-го. За войну с белофиннами был награжден орденом Красного Знамени. До войны учился в Военной академии им. М.В. Фрунзе. К слову сказать, Петр Сергеевич владел разговорным немецким языком, был инструктором парашютного спорта.

В мемуарах «На службе пароду» Маршала Советского Союза К.А. Мерецкова есть такие строки:

«Хуже получилось с К.М. Качаловым. Л.З. Мехлис доложил в Ставку о его поведении, и на этом карьера командарма окончилась. На мой взгляд, его судьба могла оказаться лучшей и он еще проявил бы себя достойным образом. В начале войны не многим военачальникам удавалось сразу наладить дело. Это не помешало им отлично действовать в дальнейшем».

Генерал-майор Кузьма Максимович Качалов родился в 1901 году в д. Теляки Витебской области (Беларусь). В РККА с 1918 года В 1919-м окончил 2-е Старо-Петергофские командные курсы, в 1923-м — Высшую тактическую стрелковую школу комсостава РККА, в 1929-м — подготовительные курсы при Военно-политической академии, в 1932-м Военную академию им. М.В. Фрунзе. В годы Гражданской воевал на Восточном и Южном фронтах. После войны командовал батальоном, экспедиционным отрядом, был начальником штаба полка, заместителем начальника штаба Ленинградского военного округа. С 1937-го по 1941 год дважды находился в командировке в Китае. С началом Великой Отечественной войны — командир 24-го стрелкового корпуса 27-й армии Северо-Западного фронта.

«Показал себя умелым организатором боевых действий частей корпуса в оборонительных операциях в районе г. Даугавпилс и южнее г. Псков. С 3 августа 1941 года командующий 34-й армией Северо-Западного фронта. Армия под командованием К.М. Качалова в августе участвовала в контрударе войск Северо-Западного фронта под Старой Руссой. В сентябре под натиском превосходящих сил противника армии отошли на р. Ловать, а затем восточнее пгт. Демянск (Новгородская обл.). В сложной обстановке армия не смогла выполнить поставленную задачу...» — сообщается в книге «Командармы».

А дальше генерал-майор К.М. Качалов был обвинен в трусости и самовольном отводе войск. Его арестовали 12 сентября 1941 года, 27 сентября Военным трибуналом Северо-Западного фронта приговорили к высшей мере наказания. 29 сентября расстреляли. И вроде бы все, если бы не хрущевская оттепель и начало реабилитации.

В 1956 году в адрес самого Н.С. Хрущева обратилась вдова К.М. Качалова, и в Главной военной прокуратуре началась проверка его

архивного уголовного дела.

В материале А. Чуракова «Без суда и следствия», который он подготовил на основе документов, можно прочитать о сути дела расстрелянного генерала:

«Суд признал Качалова виновным в неисполнении полученного им 8 сентября 1941 г. приказа Военного Совета Северо-Западного фронта с задачей — нанести удар во фланг и тыл наступавшему противнику, уничтожить его и выйти на новый рубеж. Вопреки этому приказу, он снял с оборонительного рубежа три дивизии, что дало противнику возможность усилить наступление на участке фронта и прорваться в тыл армии. Узнав об этом, он самовольно отдал приказ об отводе с занимаемого рубежа ряда частей армии, тогда как никакого воздействия со стороны противника не было. Отход произведен в беспорядке, управление войсками было утрачено, в результате чего врагу был открыт фронт и дана возможность занять часть нашей территории.

Кроме того, указанные его действия, согласно приговору, привели к дезорганизации армии, личный состав которой бросил материальную часть артиллерии, автотранспорт и обозы, которые были захвачены противником. По изложенным причинам войска армии на 11 сентября 1941 г. оказались небоеспособными и не могли выполнять стоявшие перед ними задачи.

Учитывая характер приведенного обвинения, решение вопроса о его обоснованности требовало привлечения к этой работе соответствующих военных специалистов, знания, понимания и грамотного анализа ими всех обстоятельств, так или иначе способствовавших приведению частей 34-й армии в небоеспособное состояние, в связи с чем в октябре 1956 г. дело с соответствующим запросом было направлено в оперативное управление Генерального Штаба Советской Армии.

Несколько месяцев потребовалось офицерам Генштаба, чтобы скрупулезно разобраться во всех деталях оперативной обстановки, учесть реальные изменения в соотношении сил, происшедшие 8—10 сентября 1941 г. на участке действий 34-й армии, временный фактор и многое другое. В частности, ими было установлено, что обстановка в полосе обороны 34-й армии на 9, а тем более 10 сентября 1941 г., резко ухудшилась, поскольку еще 9 сентября войска 34-й армии были окружены и вынуждены действовать в отрыве от соседей. Директива же Военного Совета Северо-Западного фронта, в неисполнении которой был обвинен Качалов («неисполнение приказа»), исходила из оперативной обстановки по состоянию на 8 сентября, поэтому выполнить ее Качалов объективно не имел возможности.

Поэтому принятое им как командующим армией (при отсутствии связи со штабом и в условиях ведения боя при угрозе окружения подчиненных войск) решение на перегруппировку вверенных ему сил с целью стабилизации войск армии в обороне и разгрома вклинившейся группировки противника соответствовало обстановке».

5 января 1957 года свои выводы офицеры Генштаба сообщили в Главную военную прокуратуру, а 1 февраля был подготовлен проект протеста за подписью Главного военного прокурора в Военную коллегия Верховного Суда СССР.

Но главное все же не это. Дело Качанова было доложено Маршалу Советского Союза Мерецкову. Тот лично ознакомился с некоторыми материалами дела и заявил:

«Командующий 34-й армией Качанов в сложной обстановке 1941 г., не имея опыта командования крупными воинскими соединениями, не справился с возложенной на него задачей, растерялся, упустил руководство и в результате потерял управление армией и потерпел поражение».

Сам же Кирилл Афанасьевич, как известно, был арестован 23 июня 1941 года, а уже с сентября того же года командовал 7-й Отдельной армией, которая остановила наступление финских войск на реке Свирь.

Между этими двумя месяцами были допросы, дикие издевательства, а еще письмо, не так давно рассекреченное в Центральном архиве ФСБ:

«Секретарю ЦК ВКП(б) Сталину И.В.

В напряженное время для нашей страны, когда от каждого гражданина требуется полностью отдать себя на защиту Родины, я, имеющий некоторую военную практику, нахожусь изолированным и не могу принять участие в освобождении нашей Родины от нашествия врага. Работая ранее на ответственных постах, я всегда выполнял Ваши поручения добросовестно и с полным напряжением сил.

Прошу Вас еще раз доверить мне, пустить на фронт и на любой работе, какую Вы найдете возможным дать мне, доказать мою преданность Вам и Родине.

К войне с немцами я давно готовился, драться с ними хочу, я их презираю за наглое нападение на нашу страну, дайте возможность подраться, буду мстить им до последней моей возможности, не буду щадить себя до последней капли крови, буду бороться до полного уничтожения врага. Приму все меры, чтобы быть полезным для Вас, для армии и для нашего великого народа.

28.VIII — 41 г. К. МЕРЕЦКОВ» (А. Емельяненко. Трижды командарм).

133-я стрелковая дивизия до войны дислоцировалась в Новосибирской области. «На второй день после объявления войны была доукомплектована по штатам военного времени. Ее 521-й полк под командованием подполковника Герасимова убыл на Западный фронт в составе 24-й армии, где уже 7-го июля разгрузился на станции Митино Смоленской области и занял оборону по восточному берегу Днепра, надежно оседлав магистраль Москва—Минск. Боев с противником в это время полк не вел, однако его второй батальон был передан в оперативное подчинение 16-й армии и воевал отдельно от дивизии в районе Ярцево, где в жестоких боях потерял 70% личного состава.

По приказу Главного командования в конце августа 1941 года 133-я дивизия была переброшена на Великолукское направление, под Андреаполь Калининской области, где заняла оборону в районе Жаберо — станция Охват. Здесь дивизия задержала наступление противника, нанеся ему значительный урон. Перед боями на станции Охват 521-й стрелковый полк для восполнения потерь второго батальона получил пополнение в количестве 430 человек», — это все, что сначала я прочел про 133-ю дивизию и командира одного из ее полков Герасимова (Г. Рыбина. Где ты, сынок?).

Откровенно скажу, номер дивизии меня заинтересовал исключительно из-за одного приказа Г.К. Жукова:

«ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

№ 054

4 ноября 1941 г.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ

Командование 5 армии, имея сведения, что утром истекшего 25 октября противник готовит прорыв фронта обороны, в направлении через Руза, на основе директивы фронта, дало боевой приказ 133 сд подготовиться к упорной обороне на занимаемых рубежах, сосредоточив усилия на обороне гор. Руза.

Бывший и.д. командира дивизии подполковник Герасимов А.Г. и бывший комиссар дивизии бригадный комиссар Шабалов Г.Ф. предательски нарушили боевой приказ и вместо упорной обороны района Руза отдали свой приказ об отходе дивизии.

Предательский приказ командования дивизии дал возможность

противнику без всякого сопротивления занять город Руза и занять подступы к Ново-Петровское.

За невыполнение приказа фронта по обороне Руза и за сдачу г. Руза без боя Герасимов и Шабалов — расстреляны перед строем.

Объявляя об этом для сведения командиров и политработников, Военный совет фронта требует от всех командиров частей и соединений непримиримой борьбы со всеми проявлениями трусости, особенно со стороны командного состава, и предупреждает о неуклонном выполнении приказа Военного совета фронта, воспрещающего самовольный отход без письменного приказа командования армии и фронта...» (ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 10. Л. 155).

Вот такой приказ, в условиях войны совершенно обычный, хотя в чем виноваты его «герои»?

Ответ на этот вопрос я нашел в материале Е. Шарыкина «Скупым языком документов»:

«Части 78-й немецкой пехотной дивизии при поддержке самоходных орудий наступают на Рузу со стороны Можайска. Прикрыть Рузское направление должна 133-я стрелковая дивизия. (...)

...часть дивизии успевает погрузиться в эшелоны и отправиться под Рузу, а затем немцы перерезают железную дорогу на Калинин, и две трети дивизии вместе с ее командиром генерал-майором В.И. Швецовым остаются воевать на Калининском фронте. В Можайский укрепрайон для защиты Москвы прибыли не тридцать воинских эшелонов, а всего тринадцать. Доставлена не вся дивизия, а только три стрелковых батальона из разных полков, один зенитный дивизион, который погиб, обороняясь от танков, рвущихся к Рузе, и один артиллерийский дивизион. С этими частями приехал бригадный комиссар Г.Ф. Шабалов, человек амбициозный, но не имеющий военного опыта. Он назначил сам себя командиром и комиссаром дивизии одновременно. Более опытный военный создал бы оперативную группу, которую прикрепили бы к 32-й дивизии Полосухина или какой-либо другой воинской части. Ведь у осколка 133-й дивизии, можно сказать, ее призрака, не было ни знамени, ни печати, ни бухгалтерии, их не могли снабжать.

В путанице военных дней в сводках штабов фактически оказалось две 133-х дивизии — одна воевала на Калининском фронте у Конева, а вторая должна была оборонять Рузу. В штабе S-й армии некогда было разбираться в причинах раздвоения. Дивизия есть? Есть. Причем не простая, а очень боеспособная, имеющая отличный боевой опыт. (...)

Под Боровино-Болычево между двумя необстрелянными дивизиями —

316-й и 32-й Полосухинской — командование поставило закаленную в боях с фашистами 133-ю. Разведка боем показала немцам, что на этом участке лучше не соваться. Под Боровино-Болычево они обошли этот участок стороной, смяли оборону панфиловцев — и осколок 133-й СД оказался в мешке. По приказу командования немногочисленные подразделения дивизии-призрака отошли из мешка под Рузу. А 18 октября пал Можайск. (...)

18 октября сдали Можайск, Осташево тоже было сдано, немцы заняли плацдарм со стороны 316-й дивизии Панфилова — в результате образовался клип между 16-й армией Рокоссовского и 5-й армией Говорова. Закрывать его было нечем.

А дальше на основании исследованных документов напрашивается такая версия. Жуков понимает, что от взятого Можайска при отсутствии серьезного сопротивления части вермахта через сутки могут оказаться на даче Сталина в Кунцеве. Чтобы предотвратить этот бросок, он повторяет то, что было уже сделано под Вязьмой, — решает отвернуть клин немецкого наступления на север. Под Рузой происходит то же самое.

Идея была такова: пропустить немцев через Рузу в сторону Ново-Петровского, где, по расчетам нашего командования, в их танках должно было кончиться горючее. Затем отсечь пути снабжения через Дорохово и Рузу (но железной дороге и Минскому шоссе) и далее уничтожить механизированную группу порядка ста танков (танками советская сторона считала все, что стоит на гусеницах, включая бронетранспортеры). Для разгрома этой группировки под Ново-Петровским сосредоточилась советская особая танковая группа — три танковые бригады. В целом идея отличная.

22 октября во все дивизии, стоящие на пути немецких войск на этом направлении, были разосланы представители особого отдела 5-й армии (кроме обычных штатных особистов). Это была совместная операция спецслужб и военных, цель которой — повернуть немецкие войска в сторону от Москвы. Под Можайском немцам была подброшена карта, где показана обстановка под Рузой. Из этой карты следовало, что воинских частей здесь практически нет.

Немецкие командиры были предсказуемы. Они солдат берегли и старались пройти там, где будут минимальные потери. Вечером 23 октября пехота 50-й дивизии отходит, сдав Дорохово и открыв проход налево, в сторону Рузы. Немецкая колонна, как ожидалась, сворачивает на Рузу, доходит до реки в Старой Рузе. Стоявшая на берегу 32-я дивизия Полосухина получает приказ отойти к Кубинке и оставляет свои позиции.

Немцы продолжают движение, но пути раздавив танками у деревни Воробьеве приданный 32-й дивизии третий батальон 230-го полка... Доходят до Румянцева, где расположились части 133-й СД, и останавливаются на ночевку.

Этим же вечером от Жукова прилетает на самолете адъютант и привозит устный приказ Шабалову оставить Рузу и отойти на рубеж Коковино—Барынино. Отголосок этого события мы видим в документах. Утром дивизия отходит. Немцы, видя это, заводят моторы и занимают город, раздавив госпиталь в Филимоновце. Погиб и 290-й зенитный дивизион.

Но что случилось к этому моменту?

Фальшивый командир дивизии-призрака своими донесениями дезинформировал вышестоящие штабы. Наверху считают, что это полноценная дивизия, поэтому раздергивают ее по частям, изымая части усиления и наиболее боеспособные стрелковые батальоны.

Вот приказ Говорова... В результате к 25 октября у Шабалова под Рузой осталось всего два стрелковых батальона.

Дивизия по уставу должна сдерживать врага на участке фронта в 15 км, но им нарезают еще столько же — участок, который обороняла 32-я СД. В конце концов Говоров удивится и сообщит в штаб фронта, что дивизия куда-то рассеялась. А эти два батальона растянуты до прозрачности.

Немцы доезжают почти до Ново-Петровского, где у них кончается бензин, и их танки встают в грязи. Водители расходятся по хатам, даже охранение не выставляя. (...)

Но в том-то и дело, что план сработал, немцы оказались в мышеловке.

На следующий день начинается захлопывание крышки мышеловки — Дороховская наступательная операция, забытая победа Красной Армии. Началась она 26 октября в 10 часов утра. 82-я мотострелковая дивизия удачно атаковала, перерезав подвоз снабжения немецкой ударной группировке по Минскому шоссе через Дорохово и Шелковку. Оставалось отсечь пути подвоза через Можайск и Рузу по Ново-Петровскому шоссе. Приказ перерезать эту дорогу Жуков дал Говорову вечером 26 октября. И сделать это должна была диверсионная рота 133-й дивизии. Но ее-то и не успели перебросить под Рузу, она в составе двух третей 133-й СД под командованием настоящего комдива генерал-майора Василия Ивановича Швецова квартал за кварталом успешно отвоевывала Калинин. И за это Иосиф Виссарионович Сталин по телефону сказал спасибо Швецову и всему личному составу.

Но обстановка в целом складывалась тревожно: 25-го сдана Руза,

затем пал Волоколамск...

Между тем действия развиваются по обычному для нас сценарию, когда хотели, как лучше, а получилось вот что: захлопнуть мышеловку некому, поскольку перерезать Ново-Петровское шоссе не хватает сил. В результате потери Рузы немцы прорвались не только к Ново-Петровскому, но и на Звенигородском направлении, где в болотах у Панова захватили батарею “катюш”. Тот самый случай, о котором упоминают в СМИ, но не называют, где это произошло. Оказывается, впервые секретное советское оружие в исправном состоянии попало в руки фашистов у деревни Паново Рузского района. Комиссара дивизиона расстреляли. И расстрел двух комиссаров — этого и Шабалова за Рузу в цепи других событий был использован после войны как формальная причина для отставки Жукова. А в результате операция под Рузой стала белым пятном в истории Великой Отечественной, Есть здесь и еще одна тайна. Если почитать мемуары Катюкова, в те дни командира 1-й гвардейской танковой бригады, то из повествования выпадают сутки на пути из-под Кубинки к Ново-Петровскому, куда бригада направлялась на усиление танковой группировки. Когда немецкая пехота расстреливала у Панова расчеты наших “катюш”, Катюковские танкисты проходили через Барынино. Бели бы им поступила команда свернуть в сторону, то разметать врага и помочь батарее “катюш” не заняло бы много времени. Но такой команды не было. В донесениях об этом сказано, а в мемуарах Катюкова этих суток было и не было.

Вследствие указаний Сталина нашу ударную танковую группировку под Ново-Петровским раздергали на отдельные бригады, значительно ослабив. В результате, когда нужно было наступать, удар получился не кулаком, а растопыренными пальцами. (...)

Не было взаимодействия между танковыми бригадами и стрелковыми подразделениями, между родами войск, и поэтому уничтожить ударную группировку немцев под Ново-Петровским не получилось.

Остатки Новосибирской 133-й дивизии затем составили костяк 785-го полка 144-й дивизии, сражавшейся в Звенигородском направлении, освобождавшей с боями Нестерово и Старую Рузу.

Как известно, один стрелковый батальон 133-й дивизии был передан 32-й дивизии Полосухина, которая отходила под Кубинку. В районе Колюбакина начальник заградотряда перехватил этот батальон и приказал занять оборону в деревне Апальцино, поскольку под Пановом гибла батарея Катюш, немцы рвались на Звенигород.

Бой за Апальцино описан немецким историком, увековечившим

подвиг своего врага — советских воинов, которые целый день, с шести утра до четырех часов вечера, успешно противостояли батальону противника. С 13 октября красноармейцы батальона практически не получали боеприпасов и продовольствия. Пушки были, но снарядов почти не оставалось. И враг, прошедший пол-России, нес огромные потери, не мог взять маленькую деревеньку! Только когда подошел дивизион штурмовых орудий, сибиряки отступили к Локотне. (...)

Для закрытия прорыва немцев на Звенигородском направлении в 5-й армии был создан сводный отряд, в который Катукоев передал три Т-34 под командованием танкового аса Лугового. Из 25-й танковой бригады передали мотострелковую роту, из 19-й танковой бригады — противотанковый взвод. Но все эти части не смогли встретиться и не закрыли прорыв, поэтому туда бросили батальон 521-го полка 133-й СД — то, что было под рукой. Батальон задержал противника на сутки, что позволило командованию подтянуть 144-ю дивизию и закрыть фронт.

В это время расвирепевший Жуков и начал искать виноватых в не выполнении его приказа. Кто должен отвечать? Говоров? Перевели стрелки ниже. Командир 133-й дивизии? Но там командир и комиссар в одном лице! Задним числом назначили исполняющим обязанности командира полка подполковника Герасимова, и военный совет 5-й армии приговорил Герасимова и Шабалова к расстрелу. Их расстреляли в Карийском...»

Александр Герасимович Герасимов родился в 1900 году в городе Орел. Из рабочих. В Красной Армии с 1918 года. В 1923 году окончил Командные курсы в г. Орел, в 1927 г. — Военно-политические курсы имени Ленина в Москве. С 1936-го по 1937 год — преподаватель тактики, старший преподаватель, начальник Учебной части курсов усовершенствования состава запаса Приволжского военного округа.

В 1940 году майор Герасимов — инспектор отдела Управления пехоты РККА. С этой должности назначен командиром 521-го стрелкового полка 133-й стрелковой дивизии. Весной 41-го присвоено воинское звание «подполковник». Награжден медалью «XX лет РККА». Имел одно ранение.

Постановлением Военного Совета 5-й армии от 29 октября 1941 года обвинен в сдаче противнику Рузы. В ноябре 1941-го расстрелян перед строем начсостава 144-й стрелковой дивизии. Посмертно реабилитирован в январе 1963 года, то есть еще при жизни Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. И это все о том же: «Жестокое время, жестокие люди...»

80-я стрелковая дивизия (командир дивизии И.М. Фролов) была сформирована в июле 1941 года из ополченцев Володарского (Невского) района Ленинграда. До ее переименования (23 сентября) она официально называлась 1-й гвардейской Ленинградской стрелковой дивизии народного ополчения. Неофициально — Володарской. В свой первый бой вступила 12 июля 1941 года под Волосовом. Затем воевала под Ленинградом и оказалась прижатой к Финскому заливу — на Ораниенбаумском пятачке. 25 октября дивизию перебросили через залив баржами с Ораниенбаумского плацдарма в Ленинград, далее пешим маршем на западный берег Ладожского озера.

Как пишет С. Глезеров в статье «Засекреченное кровопролитие», «марш был очень тяжелым — многие бойцы на ходу умирали от голода и истощения. Не хватало боеприпасов и фуража, да и сама дивизия была таковой только по названию — до 12 ноября в ней насчитывалось всего два стрелковых полка. За пять дней, с 19 по 24 ноября, дивизия сменила четыре района сосредоточения, люди были совершенно измотаны, а от недостатка фуража начался падеж лошадей...

Дивизии была поставлена задача: со стороны Дороги жизни нанести удар по немецким позициям в районе «бутылочного горла», захватить 1-й и 2-й Рабочие поселки и двигаться дальше в направлении Синявинских высот. Одновременно предполагались вспомогательные удары с «Невского пятачка».

Командование 80-й дивизии прекрасно знало реальное состояние вверенной им дивизии и отдавало себе отчет, в том что в случае наступления она лишь понесет бессмысленные жертвы. Поэтому Фролов сообщил начальнику штаба фронта генералу Гусеву, что «дивизия к выполнению поставленной боевой задачи не готова».

Однако в штабе фронта рассудили по-своему: выполнить приказ любой ценой! Комдив Фролов и комиссар Иванов были отстранены от командования, а новое начальство приступило в ночь на 26 ноября 1941 года к выполнению той же боевой задачи. В обстановке неразберихи и неорганизованности части 80-й дивизии с опозданием на пять часов вышли к берегу Ладожского озера, не зная, где свои, а где противник. При этом некоторые подразделения вообще не имели патронов.

По воспоминаниям ветеранов, бойцы были посажены на грузовики

полуторки и высажены на льду Невы, не доезжая шести — восьми километров до немецких позиций. Затем, без всякой артиллерийской и минометной поддержки, они пошли на вражеские дзоты и в двух километрах от берега попали под прицельный огонь врага. На открытом пространстве заснеженного Ладожского озера укрыться было практически нигде... Дивизия понесла большие и совершенно не оправданные потери...

Явный провал наступления необходимо было списать на кого-то, и спустя неделю, 2 декабря 1941 года, бывший комдив Фролов и бывший комиссар Иванов были арестованы. В тот же день они предстали перед военным трибуналом Ленинградского фронта, которым были признаны виновными в том, что “пораженчески” отнеслись к выполнению приказа, “проявили трусость и преступное бездействие, в результате чего указанная выше операция была сорвана”. На следующий день обоих расстреляли».

Летом 1957 года Военная коллегия Верховного суда СССР определит: «Приговор военного трибунала Ленинградского фронта от 2 декабря 1941 года в отношении Фролова Ивана Михайловича и Иванова Константина Дмитриевича отменить и дело их прекратить за отсутствием состава преступления».

А приговор был таким:

«СОВ. СЕКРЕТНО

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

1941 года декабря 2 дня, Военный Трибунал Ленинградского фронта, в закрытом судебном заседании, в расположении Военного Трибунала, в составе:

Председательствующего Диввоенюриста ИСАЕНКОВА

Членов: Военного юриста 1 ранга ТОКАНАЕВА

Военного юриста 2 ранга КОРОТАЕВА

При секретаре Военном юристе 3 ранга ВАСИЛЬЕВЕ,

Рассмотрел дело № 0442 по обвинению бывшего командира 80 стрелковой дивизии полковника ФРОЛОВА Ивана Михайловича, 1895 г. рождения, происходящего из граждан деревни Острый Клин, Череповецкого района Тульской области, но социальному положению рабочего, русского, с низшим образованием, женатого, исключенного из членов ВКП(б) в связи с арестом по данному делу, ранее не судимого, в Красной Армии с 1918 г. добровольно, и бывшего комиссара той же дивизии полкового комиссара ИВАНОВА Константина Дмитриевича, 1901 г. рождения, происходящего из граждан гор. Иваново, русского, но

социальному положению рабочего, женатого, с высшим образованием, исключенного из членов ВКП(б) в связи с арестом по данному делу, ранее не судимого, в Красной Армии с 1918 г. добровольно обоих в преступлении, предусмотренном ст. 193—17 п. “б” УК

УСТАНОВИЛ:

Фролов, 21 ноября с.г., доложив Командующему Ленинградским фронтом о готовности вверенной ему дивизии к выполнению боевой задачи, получил от него устный приказ о прорыве блокады противника на одном из участков фронта, о чем 22 ноября с.г., по возвращении в дивизию, информировал комиссара дивизии Иванова. На деле, Фролов и Иванов к выполнению боевого приказа Командования фронта отнеслись пораженчески, проявили трусость и преступное бездействие, причем Фролов двум представителям фронта заявил за 3 часа до начала операции, что он не верит в успешный исход операции.

В результате этого ответственная операция на одном из важных участков Ленинградского фронта была сорвана.

Таким образом, в трудный и ответственный момент для Ленинграда и Ленинградского фронта, когда командиры и политработники фронта, не щадя своей жизни мужественно и честно выполняют боевую задачу по прорыву вражеской блокады вокруг Ленинграда, Фролов и Иванов нарушили воинскую присягу, обесчестили высокое звание воина Красной Армии и своими трусливыми пораженческими действиями нанесли серьезный ущерб войскам Ленинградского фронта.

Вышеизложенными действиями Фролов и Иванов совершили преступление, предусмотренное ст. 193—17 п. “б” УК.

Руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК, Военный Трибунал ПРИГОВОРИЛ:

Фролова Ивана Михайловича и Иванова Константина Дмитриевича, в соответствии со ст. 23 Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА, лишить военного звания

Фролова — “полковника” и

Иванова — “полкового комиссара”.

На основании ст. 193—17 п. “б” УК — Фролова Ивана Михайловича и Иванова Константина Дмитриевича подвергнуть высшей мере наказания — РАССТРЕЛЯТЬ.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Подлинный за надлежащими подписями.

Верно» (РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3с. Д. 130. Л. 1—3).

К слову сказать, командующим войсками Ленинградского фронта с

октября 1941 года по июнь 1942 года был генерал-лейтенант М.С. Хозин.

48-я танковая дивизия была сформирована весной 1941 года в Орловском военном округе. Ее командиром был назначен полковник Дмитрий Яковлевич Яковлев. Уже 27 июня 1941-го дивизия Яковлева отправилась из Воронежа на фронт.

О том, что было дальше, рассказывает Валерий Кириллов («Расстрелянный комдив»):

«В статье “Право на бессмертие после расстрела” в журнале “Военно-исторический архив” (№ 11, 2004 г.) директор Великолукского госархива А.И. Сизов отмечал: “...если личным составом дивизия была в какой-то степени укомплектовала, то материальная часть, вооружение, новые технические средства практически отсутствовали». Сведения наличия боевых и транспортных машин на 29.6.41 г. (т.е. на день отправки дивизии из Воронежа на фронт), обнаруженные В.И. Горбачевым в архиве, подтверждают это. Из положенных по штату тяжелых 66 танков 48-я дивизия не имела ни одного. Из 14 средних танков в наличии было 3. Из 54 огнеметных — ни одного. Из 22 танков Т-26 с рацией — ...Из 20 бронемашин средних с рацией — ни одного. Из 39 бронемашин легких — ни одной. Из 7 танков БТ с рацией — ни одного. Из 12 линейных — ни одного. Из 36 бронемашин линейных средних — ни одной. Из 25 радиостанций — 2. Из 809 грузовых автомобилей ЗИС-5—130. Из 40 тракторов СТЗ-3. Из 40 тракторов «Коминтерн» — 3...

Место сосредоточения дивизии — район Невеля, где она и получила первый боевой опыт. Из книги «Танкисты» (издательство ДОСААФ, 1976) бывшего командира разведбата И.А. Вовченко, видно, что уже через день после выгрузки дивизии из эшелонов на наши позиции двинулись четыре десятка танков 19-й немецкой дивизии под командованием генерал-лейтенанта фон Кнобельсдорфа. Артиллеристы встретили эту атаку прицельным огнем.

Восемнадцать машин было подбито и сожжено, группа мотоциклистов захвачена в плен.

В этот район отступала 22-я армия. Прикрывая смоленское направление с северо-запада, она две недели сдерживала немцев в Полоцком укрепрайоне по линии старой государственной границы. Как пишет А.И. Сизов, согласно приказу командующего 22-й армии генерал-лейтенанта Ф.А. Ершакова, командир 48-й танковой дивизии полковник

Яковлев сразу же сформировал из танкистов сводный танковый отряд, который под его личным командованием выступил навстречу противнику в район города Пустошка. Более трех суток, — продолжает автор, — танковый отряд Яковлева вел упорные кровопролитные бои с превосходящими силами врага на рубеже реки Ушанка. Крупной гитлеровской группировке так и не удалось здесь смять оборону сводного отряда. Гитлеровцы, не сумев прорвать оборону дивизии в лобовых атаках, смогли обойти ее правый фланг и выйти в тыл дивизии. В создавшейся обстановке по приказу сверху полковник Яковлев возглавил руководство отходом частей дивизии...

Немцам удалось взять Великие Луки 19 июля. Спустя два дня наши ночной атакой освободили город. Решающую роль сыграла 48-я танковая дивизия. Примечательно, что это был первый крупный город, отбитый советскими войсками у врага. (...)

...Необходимо отметить особую стойкость, упорство, храбрость и героизм бойцов и командиров 48 тд... Моральное состояние и боевые качества бойцов и командиров высокие. Как дивизия в целом, так и ее командир полковник Яковлев заслуживают быть отмеченными...» — указывалось в характеристике состояния 22-й армии, сделанной в те дни ее руководством. За два месяца боев она понесла серьезные потери. К завершающему этапу обороны Великих Лук в дивизии из 80 танков, с которыми она начинала боевые действия, в строю оставались лишь два. Остальные были подбиты в боях или неисправны. Несмотря на это, она оставалась самой боеспособной единицей армии, насчитывая около 2,5 тысячи бойцов и командиров...

22 августа немцы наносят на стыке 22-й и 29-й армий (на участке 186-й стрелковой дивизии) мощный удар. В боевом донесении начальника штаба Западного фронта генерал-лейтенанта Д.В. Соколовского и начальника оперативного отдела Г.К. Маландина начальнику Генерального штаба Б.М. Шапошникову отмечается: “1. По уточнению у Ершакова силы противника прорываются в районе Кунья, определяются в 2 пд и 2тд (110, 206 пд и 19 и 20 тд). Противник, как видно из захваченного у него приказа, ставит себе целью окружить группировку Ершакова”. Яковлевцы двое суток сдерживали численно превосходящего противника на оборонительных рубежах города и 24 августа, в соответствии с приказом командования, оставили город, отступая в заданном направлении. Однако в целом ситуация для 22-й армии складывалась драматическая. Осознавая это, Соколовский и Маландин командирует в район действий генерала Ершакова полковника Кузнецова — как значится в их распоряжении от 24

августа, “для выполнения особого задания”. Сложность обстановки подтверждается записью переговоров Г.К. Маландина с В.Д. Соколовским 26 августа в 23.50:

“Докладываю: прибыл и начал разбираться. Положение такое:

1. Части Ершакова (командарм-22) начали выход из окружения, пользуясь северным путем. На линию бывшего передового рубежа вышла дивизия Бирюкова (186) — 30—40%, причем мат-часть — три орудия 45 мм, 3 орудия 76 мм и 2—155-мм. Все мало организовано, требует приведения в порядок.

174-я дивизия начинает выходить разрозненными группами, пока матчасти нет.

214-я дивизия точно так же собирается отдельными группами, сейчас можно насчитать не свыше полка, о матчасти сведений нет. Сам генерал-майор Розанов (214 сд) еще не вышел, его начальник штаба находится Озерцы.

48-я тд вышла в наибольшем порядке, почти до 70% боевого состава.

179-я сд вышла не более 20%, но люди подтягиваются, а о материальной части ничего не слышно.

170-я обозначилась отдельными неорганизованными группами, аналогично 126-я и 98-я сд.

Таким образом, все на выходе, но не представляют из себя боеспособных единиц.

Генерал-майор Пигаревич вышел и находится Озерцы.

Ершакова (командарм-22) пока нет, за ним послана машина.

Обстановка говорит, что полного окружения не было, северная часть открыта и позволяла провести планомерный отход.

Почти все командиры соединений потеряли управление. Ершаков тоже.

Пигаревич (начальник штаба 22-й армии) ничего не знает”».

А дальше произошло то, что в самом страшном сне трудно было представить командиру 48-й танковой дивизии:

«В суматохе отступления и неопределенности не все решения руководства Западного фронта и его представителей были осмысленными, целесообразными. Некоторые принимались под горячую руку. Жертвой подобного решения и стал Д.Я. Яковлев. О том, как это случилось, в 1978 году вспомнил бывший начальник штаба дивизии И.И. Ющук:

“Утром 28 августа 1941 года в деревне Коробкино меня, спавшего за столом, разбудил какой-то лейтенант и передал приказание, что меня вызывает к себе представитель Западного фронта полковник Кузнецов...

При входе в дом, где находился полковник, он предъявил документ представителя фронта, тут же сразу меня спросил, что мне известно о противнике. Я доложил данные о противнике на час — два ночи 28 августа 1941 года. Полковник спросил: какое мое соображение о дальнейших действиях 48-й танковой дивизии? Я вынул из планшета свою рабочую карту и кратко доложил решение командира 48-й танковой дивизии полковника Д.Я. Яковлева.

Выслушав мой доклад, решение представитель одобрил. При этом сказал, что бывший командир 48-й танковой дивизии Д.Я. Яковлев за невыполнение им боевого приказа отстранен от занимаемой должности, и подал мне шифrogramму, подписанную командующим Западным фронтом Маршалом Советского Союза Тимошенко, в которой было написано, что я, начштаба 48-й танковой дивизии, с 28 августа 1941 г. назначаюсь командиром 48-й танковой дивизии. При попытке мной задать представителю фронта вопрос, где Д.Я. Яковлев, он резко меня прервал, сказав, что не время этим заниматься, и объявил в приказном тоне, что я, как представитель командования фронта, подчиняю Вам (то есть мне, командиру 48 тд) 126-ю, 170-ю и 214-ю стрелковые дивизии. Когда совещание было закончено и три генерала, командиры стрелковых дивизий отправились к своим соединениям, я спросил полковника о Яковлеве. Он недовольтно поморщился, сказав, что Яковлев под арестом. Его навещать не стоит. Но я все же настойчиво повторил просьбу о встрече.

И он разрешил. Пройдя около 100 шагов по огороду, мы с лейтенантом подошли к бане, у дверей которой стоял красноармеец с винтовкой. Лейтенант приказал бойцу выпустить полковника Яковлева. Дверь открылась, и на пороге показался с красными, опухшими от бессонных ночей глазами полковник Д.Я. Яковлев. Мы сели на лужайке у бани. Я спросил его, что все это значит, и как все произошло. “В два часа ночи, когда ты отдыхал, — сказал Дмитрий Яковлевич, — меня вызвал к себе полковник, представитель командования Запфронтом для наведения порядка в частях и соединениях 22-й армии, который приказал:

— С утра сегодня (28 августа 1941 г.) контратаковать противника всеми частями 48-й танковой дивизии в юго-западном направлении, нанести удар по тылам противника и запячь станцию Назимово и оборонять ее до особого распоряжения.

Я ему пытался доказать, что в нашей дивизии отсутствуют танки, артиллерия и другие средства усиления. Кроме того, 48-я танковая дивизия при выходе из окружения понесла значительные потери людьми, и с одними винтовками, голодными, измученными бойцами против танков

врага да еще на глубину 30 км контратака невозможна. Эта затея, сказал я, кроме напрасной гибели людей, не даст никаких результатов. Несмотря на мои доводы, полковник повторил свой приказ в категорической форме. Видя явный абсурд его приказа, я также в категорической форме отказался его выполнить. И вот видишь, какой результат. Мне угрожают расстрелом, — сказал Дмитрий Яковлевич. — Но я не сомневаюсь, что с этим делом наверху разберутся в мою пользу»».

И «разобрались»: «1 сентября Военный трибунал Западного фронта осудил Д.Я. Яковлева по ст. 193—2, п. “д” и 193—17, п. «б» УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией имущества и лишением воинского звания полковника. Яковлев был признан виновным в том, что, являясь командиром 48-й танковой дивизии, преступно-халатно относился к исполнению своих служебных обязанностей и не выполнил ряд боевых приказов вышестоящего командования».

Дмитрий Яковлевич Яковлев родился в 1900 году в Мариуполе. В РККА с 1918-го, в партии с 1927-го. Из крестьян. Два года учился в начальном училище, 2 года на рабфаке. В 1921-м закончил 18-ю Тифлисскую кавалерийскую школу, в 1932-м Высшую школу по физразвитию. Оказывается, были и такие. Участник Гражданской войны. С 1934 года — начальник штаба танкового батальона 51-й стрелковой дивизии, в 1937-м — командир 13-й механизированной бригады. В 1936-м — капитан, в 1937-м — майор и досрочно полковник.

Казнили полковника Яковлева 5 сентября 1941 года, а реабилитировали в декабре 1958 года. Многие причастные к приговору командира 48-й танковой дивизии еще были живы.

365-я стрелковая дивизия начала свое формирование во второй половине августа 1941 года. Как сообщается в краткой истории дивизии (сайт: 365-я стрелковая дивизия. История дивизии), в отличие от многих других дивизия формировалась по штагу в 12 000 человек, а само формирование происходило в Камышловских лагерях Уральского военного округа.

Командиром дивизии был назначен слушатель Академии Генштаба РККА полковник М.А. Щукин. Со 2 ноября 1941-го дивизия находилась в составе 28-й Резервной армии, а 30 ноября вошла в состав 30-й армии. Далее по материалам сайта 365 сд:

«Боевой путь 365 сд не долог, период вхождения в состав действующей армии: 01.12.1941—18.03.1943 г. 1—3 декабря дивизия прибыла на разъезд Угольная Александровского района Московской области, откуда части дивизии отправились кто по железной дороге, кто пешком строем в г Дмитров Московской области, куда и добрались 4 декабря. Первые прибывшие батальоны занимали оборону по каналу Москва—Волга. Большая часть личного состава прибыла на исходные позиции непосредственно перед наступлением — к 5 декабря. Третий стрелковый и артполк прибыли уже с началом контрнаступления 6 декабря. Составной частью контрнаступления советских войск под Москвой является Клинско-Солнечногорская наступательная операция. Ее идея состояла в том, чтобы 30-й и 1-й ударной армиями правого фланга Западного фронта нанести сходящиеся удары с двух сторон на Клин, окружить и уничтожить ударную группировку немецких войск северо-восточнее Москвы. 30-я армия должна была атаковать на правом фланге фронта. Решение командарма предполагало нанесение ударов с трех направлений. Левофланговая группировка армии наносит удар на Рогачево и далее выходит к Клину вдоль шоссе Рогачево—Клин. Центральная, основная группировка наносит удар по кратчайшему пути на Клин. Правофланговая группировка наносит вспомогательный удар на Завидово с целью помешать противнику перебрасывать войска в центр и на левый фланг. Самой сильной была центральная группировка, состоящая из двух свежих стрелковых дивизий и двух приданных им достаточно потрепанных танковых бригад. В наступлении дивизия совместно с 8-й танковой бригадой действовала на главном направлении — из района деревень Ручьи

и Борщевка наносила удар на Клин. Здесь-то и сказалась слабость штабов и неподготовленность командного состава. Маневрировать дивизия почти не могла. Населенные пункты, как правило, брались в лоб — фронтальной атакой. (...)

Ожесточенные бои за эти населенные пункты и контроль над шоссе велись до 15 декабря — до взятия самого Клина. Вместе с мобильной группой сражались в этой “мясорубке” и полки дивизии. В этих боях сложили головы около 3 тысяч человек. На следующий день после освобождения Клина, 16 декабря, дивизия вместе с 30-й армией перешла в состав Калининского фронта. После взятия Клина была дана передышка. К завершению Клинско-Солнечногорской наступательной операции (20 декабря) от дивизии осталось около половины личного состава. Особенно большие потери понесли командиры и политработники. Не имеющие ни связи, ни опыта управления боем, находясь в первых рядах атакующих, они в буквальном смысле вели бойцов в атаку и гибли. В дальнейшем войска 30-й армии были повернуты на Старицу. Дивизия активных боевых действий не вела, двигаясь во втором эшелоне за 371-й стрелковой дивизией».

Однако уже с 24 декабря 1941 года по 10 января 1942 года дивизия приняла участие в неудачном наступлении на деревни Калицино и Дьяково. Более чем за две недели боев, в которых участвовало целых 5 стрелковых, 3 кавалерийские дивизии, 3 танковые бригады и 1 танковый батальон, эти никому не известные деревни так и не были взяты.

«11 января 1942 года дивизию вывели из состава 30-й армии в резерв командующего Калининским фронтом. Судя по сводкам БЧС, дивизия так и не получила пополнение. (...)

Видимо, понимая слабую боеспособность дивизии, потерявшей половину личного состава, а командного состава уже была потеряна большая часть, дивизию достаточно долго, но меркам того времени, держали в резерве, давая возможность оправиться от потерь. (...)

22 января дивизию передали в состав 29-й армии. Брошенная на наиболее угрожаемый участок, она уже 30 января оказалась в окружении в составе оперативной группы генерал-майора Поленова, в которую входила с 31.01.1942 г. по 25.02.1942 г. 4—5 февраля двум полкам дивизии командование поставило боевую задачу: удерживать горловину прорыва. Выполнить эту задачу полки не смогли и понесли большие потери. Фактически части дивизии были уже небоеспособны. В дальнейших боях дивизия потеряла остатки артиллерии и сдерживать напор врага не могла. 10 февраля за потерю управления дивизией и отходы без приказа

командования, но решению Военного совета 29-й армии, командира дивизии полковника Щукина расстреляли. Остатки дивизии свели в один полк, командование которым принял начальник штаба дивизии полковник Ветлугин».

В своем «Докладе о боевой деятельности частей Южной группы 29 армии...» генерал-майор Швецов писал, что «365 сд, находившаяся 22.1.42 г. в районе ОКОВО и в подчинении которой мне было отказано, ушла на юг в самый решающий период, участия в бою не принимала. Марш на юг и возвращение этой дивизии в состав 29 армии на север заняло 3 суток. Дивизия вернулась измотанной и почти не боеспособной, к тому же без тылов».

Словом, воевали наши военачальники не дивизиями, а их номерами. А когда поставленные задачи не выполнялись, потому что, кроме номеров, не было ни людей, ни боеприпасов, они искали и обязательно находили крайнего. В данном случае они нашли полковника Щукина и отчитались перед вышестоящим командованием.

Матвей Александрович родился в 1897 году в городе Жлобин БССР. Из рабочих. В РИСа с 1919 года, в партии с 1925 года. В 1911 году окончил двухклассное училище. Участник Гражданской войны.

В межвоенный период получил следующее образование:

Могилевские пехотные курсы (1920 г.), Школа дополнительного образования (1923 г.), Объединенная военная школа (1925 г.), Академия Генерального штаба РККА (1-й курс 1941 г.).

Прохождение службы:

Командир взвода, помощник командира роты, командир роты, помощник начальника 1-й части штаба 27-й стрелковой дивизии (1931 г.), начальник штаба полка 37-й стрелковой дивизии (1935 г.), с 1939 года находился в командировке в Китае, начальник пехоты 1944-й стрелковой дивизии (1940 г.), затем слушатель Академии Генштаба.

В январе 1936 году присвоено звание «майор», в марте 1940 г. присвоено звание «полковник». В 1938 г. награжден медалью «XX лет РККА», а в 1939 года награжден орденом Красного Знамени.

В общем, полковник Щукин был вполне боевой офицер и опытный командир. Более того, за бои по освобождению Клина он был представлен ко второму ордену Красного Знамени и награжден им фактически посмертно (расстрелян 10 февраля 1942 г.) Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1942 года «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество».

Кстати сказать, представление к ордену подписал лично командующий войсками Калининского фронта генерал-полковник Конев 25 января 1942 года. В этом документе черным по белому написано:

«Народному Комиссару Оборона Союза ССР

За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими оккупантами представляю к Правительственной награде ордену Красного Знамени командира 365 сд полковника ЩУКИНА Матвея Александровича и комиссара дивизии полкового комиссара КРОХИНА Александра Федоровича. Под их руководством дивизия в Клинской операции вела бои на направлении главного удара в армии ЛЕЛЮШЕНКО, перерезала пути отхода противника на запад, уничтожила до 10 тысяч солдат и офицеров противника, захватив при этом богатые трофеи. Лично товарищ ЩУКИН и КРОХИН, мужественные храбрые командиры систематически непосредственно на фронте учат свои войска боевым действиям. Вполне заслуживают правительственной награды» (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682 524. Д. 9. Л. 47).

Но вместо награды полковник получил нулю, а его жена извещение, что «бывший командир 365 стрелковой дивизии полковник Щукин Матвей Александрович за проявление трусости расстрелян». Правда, через 16 лет после этого Ленинский горвоенком г. Пензы ей же пришлет очередное извещение, в котором будут написаны другие слова:

«Согласно присланной выписки из приказа Министра обороны СССР от 24 апреля 1958 года за № 0850 Ваш муж полковник командир 365 стрелковой дивизии ЩУКИН МАТВЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ умер 10 февраля 1942 г.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии».

После расстрела командира судьба его дивизии оказалась печальна:

«Полковник Ветлугин при выходе из окружения был ранен и попал в плен. Большая часть командного состава погибла. Были утрачены знамена дивизии и полков. Уничтожены в окружении все документы. Дивизия перестала существовать. Не попавшие в окружение тылы дивизии были обращены на укомплектование воинских частей. 25 марта 1942 года дивизия была расформирована и 22 мая 1942 года, решением ГКО, исключена из списков Красной Армии».

P.S.

Полковник А.А. Ветлугин (1900—1955) в плен попал при выходе из окружения в районе Ржева 23 февраля 1942 года. До апреля 1945 года находился в плену, из которого был освобожден американскими войсками.

До декабря 45-го проходил спецпроверку. В январе 1946-го был уволен из армии по возрасту

Глава 11.

ВИНА ПОЛКОВНИКА КОРОТКОВА

Возвращаясь в январь 1944 года, давайте все же разберемся, в чем оказался виноват командир 38-й стрелковой дивизии.

Начнем с того, что в должности командира соединения Коротков был утвержден 3 января 1944 года. Наступление, как мы помним, должно было начаться 14-го. До этого:

с октября 1942 года командовал стрелковым полком;

с 1943 года исполнял должность заместителя командира дивизии (20.03.43);

через четыре месяца (16.7.43) по какой-то причине понижен до заместителя командира полка, а еще через два (04.09.43) снова назначен заместителем командира дивизии.

Образование Короткова, прямо скажем, не вызывает восхищения, но, к сожалению, многие его товарищи не могли похвастаться более высокими результатами.

Итак, гражданское: всего 6 классов в 1911 году (ему 12 лет). Затем военное: школа политруков при 11-й стрелковой дивизии Харьковского военного округа в 1921 году (ему 22 года), повторное отделение Командного состава Киевского пехотного училища в 1926 году, (ему 27 лет). И, наконец, последнее обучение: курсы при Академии Генштаба (шесть месяцев с мая 1943 года).

Прохождение службы до войны:

с 1921-го по 1927 год — политрук, затем командир роты, ответственный секретарь партбюро полка и снова командир роты;

с 1931-го по 1934 г. — командир учебной роты, затем командир пулеметной роты.

В 1939 году, т.е. аккурат в 40 лет, Коротков становится командиром батальона.

Как вы думаете, можно такому командиру, как тогда их называли, доверить командование стрелковым полком, а затем стрелковой дивизией, и тем более на фронте? Лично я считаю, что нет. Но, видимо, у тех, кто назначал Короткова на высокие командные должности, выбора не было.

Как мы уже говорили, 13 января 1944 г. части 38-й дивизии полковника Короткова вышли в Лысянский район и сосредоточились в селах Босовка, Виноград, Толстые Роги.

В населенных пунктах Погибляк, Яблонивка, Шубенный Став закрепились пехота и танки противника.

В этот же день поздно вечером командир дивизии на основании решения командира 47-го стрелкового корпуса отдал приказ своим частям с утра 14 января наступать на Погибляк, Каменный Брод, Бужанку. То есть на подготовку к наступлению у частей дивизии была всего одна ночь.

Однако все полки 38-й дивизии вышли на рубеж обескровленными. Бойцы и командиры после прежних боев были чрезмерно уставшими, валились с ног. Они были не в силах осилить огромный объем земляных работ. Да и окапываться на той местности было невозможно, мерзлую землю лопаты не брали, поэтому бойцами были использованы старые окопы и промоины.

Кроме того, на момент получения боевого приказа 38-я дивизия насчитывала около 3 тысяч человек вместо положенных 8 тысяч по штату. Например, если на 1 января 1944-го 38-я сд насчитывала офицеров — 628, сержантов — 906, рядовых — 3338, то на 1 февраля офицеров — 499, сержантов — 528, рядовых — 1988.

В стрелковую дивизию того времени, как это вразумительно дается в книге П.А. Михина «Артиллеристы, Сталин дал приказ!», входили:

«1. Три стрелковых полка по 2,5—3,0 тысячи человек — пехота. Полк состоит из трех батальонов. Стрелковый батальон (800 человек) — основная тактическая боевая единица дивизии.

2. Один артиллерийский полк — 2,0—2,5 тысячи человек, 32 орудия.

3. Штаб дивизии.

4. Саперный батальон — наводит переправы, ставит колючую проволоку и мины перед передним краем. Строит блиндажи начальству.

5. Разведывательная рота.

6. Рота связи — обеспечивает связь полков с командованием дивизии.

7. Противотанковый дивизион — охраняет штаб дивизии: 12 76-мм орудий.

8. Зенитно-пулеметная рота.

9. Минометный батальон.

10. Пулеметный батальон.
11. Учебный батальон. В нем готовят из рядовых солдат сержантов — командиров отделений и орудий.
12. Рота химзащиты.
13. Медсанбат.
14. Тылы — обеспечивают жизнь и бой всех четырех полков — питанием, боеприпасами, амуницией и т.д.
15. Полевая хлебопекарня.
16. Ветеринарный лазарет — лечит лошадей.
17. Автомобильная рота — осуществляет перевозки, подвоз.
18. Политотдел. В дивизии 16 первичных и 87 ротных парторганизаций, 16 первичных и 126 ротных комсомольских организаций. В каждой из них — парторг и комсорг. Офицеры-политработники подчиняются политотделу.
19. Прокуратура и суд.
20. Особый отдел и Смерш (Смерть шпионам) — контрразведка.
21. Редакция дивизионной газеты.
22. Оркестр, клуб...
23. Полевая почта.
24. Магазин военторга.

При формировании — в дивизии 12 тысяч человек. Из них воюют с немцами менее половины всего личного состава. Остальные обслуживают, агитируют, лечат и т.д.

Воюют, пока останется в дивизии 2,5—3,0 тысячи человек. А пополняют каждый раз всего до 6—7 тысяч. Но ведь выходят из строя люди, в основном, на передовой. Их-то, оставшихся, со всей дивизии (9 батальонов) и сводят в один батальон, он и воюет.

А в тылах — штабы, политотдел, службы вещевого, продовольственного, артснабжения, горючего, хлебопекарня, суд, прокуратура, особый отдел, банно-прачечный отряд, почта, магазин, клуб, оркестр, певцы и танцоры. Кому они пели? Непонятно. Ни они на передовую не ходили, ни к ним — с передовой. Немца-то не оставишь без присмотра!»

Вот и в тот злополучный день 14 января 1944 года для наступления 48-й стрелковый полк располагал только личным составом, сведенным из батальона старшего лейтенанта Кошелева в роту. Помимо этой роты, командир полка майор Бунтин решил в наступлении использовать роту автоматчиков — 30 человек. При этом не хватало патронов.

В Боевом уставе пехоты Красной Армии (часть 2, издание 1942 г.) написано достаточно четко:

«Наступательный бой заключается в поражении противника мощным огнем всех средств и ударом на всю глубину его обороны и ведется решительным движением вперед всего боевого порядка.

Главная цель наступательного боя — уничтожить или захватить в плен противника».

Могли полки такой дивизии идти в наступление? Думаю, что ответить несложно. Нет! Еще и потому, что ни о каком «артиллерийском наступлении», которое расписано в том же уставе, не могло быть и речи.

45-мм противотанковые пушки из 134-го Отдельного истребительного противотанкового дивизиона были изъяты ранее, а взамен новые 76-мм так до наступления не поступили.

Из-за отсутствия боеприпасов на каждое орудие имелось лишь несколько снарядов. В артиллерийском полку на каждую батарею приходилось по 20—30 снарядов.

Что касается разведки, то по приказу комдива 48-му стрелковому полку требовалось в течение ночи перед самым наступлением вести разведку и делать засечку целей...

А ведь мы говорим о январе 1944 года!

Но немного отвлечемся. «На развитие тактики наступательного боя советских войск в ходе Великой Отечественной войны влияли такие факторы, как вооружение и военная техника, организация войск» оперативное искусство, а также тактика противника, — подчеркивает доктор исторических наук, профессор В. Мануленко («Развитие тактики наступательного боя»), — Наиболее сложным видом наступательного боя в период минувшей войны являлся прорыв обороны. При этом основным его способом был прорыв из непосредственного соприкосновения с противником.

Успех прорыва обороны зависел от правильного выбора направления главного удара, от правильной постановки боевых задач, от построения боевых порядков, массирования сил и средств на направлении главного удара, от четкой и непрерывной разведки врага, взаимодействия родов войск в ходе боя, скрытности подготовки к бою, боевого и материального обеспечения и др.

Направление главного удара обычно выбиралось на наиболее уязвимых и слабых местах обороны противника (фланги, стыки частей и соединений), на участках местности, позволявшей массированно использовать различные рода войск».

Но как можно было отдавать приказ Короткову на прорыв обороны противника, если вышестоящее командование банально не разведало заранее переброски противником на обороняемый нашими войсками участок крупных резервов и скрытой подготовки к нанесению контрудара?

Если бы все это стало известно заранее, то вместо наступления войскам отдали бы приказы к отражению массированного удара пехоты и танков противника. При этом были бы избраны наиболее выгодные рубежи для противотанковой обороны, а также заблаговременно была бы создана глубокая оборона. Была бы привлечена авиация для удара с воздуха по станциям выгрузки немецкой техники и в местах ее сосредоточения.

В любом случае результат был бы не таким трагическим.

Оценивая вину командира 38-й стрелковой дивизии, очень важно вернуться к мемуарам Маршала Советского Союза К.С. Москаленко, в которых черным по белому написано:

«Надо сказать, что переброска резервов противника в полосу 1-го Украинского фронта происходила в течение всей Житомирско-Бердичевской наступательной операции. Суммированные данные об этом имеются в одном из донесений Г.К. Жукова и Н.Ф. Ватутина Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину. В документе отмечено, что с 24 декабря 1943 г. по 12 января 1944 г. немецко-фашистское командование перебросило и ввело в бой против 1-го Украинского фронта дополнительно шестнадцать дивизий, в том числе девять пехотных и четыре танковые, а также одну бригаду.

Любопытно, что часть их была взята даже из группировки, противостоящей 2-му Украинскому фронту, хотя его войска в тот период (с 5 по 16 января) осуществляли Кировоградскую наступательную операцию. В ходе ее был нанесен сильный удар, отбросивший гитлеровцев еще на 40—50 км от Днепра. Войска 2-го Украинского фронта захватили важный узел дорог г. Кировоград, что лишило немецкую 8-ю армию сильного опорного пункта, нарушило устойчивость ее обороны и поставило под угрозу фланги как корсунь-шевченковской, так и криворожской группировок врага.

Но им не удалось развить удар на г. Первомайск, что должно было привести к рассечению фронта противника на Правобережной Украине и содействовать наступлению как 1-го, так и 3-го Украинских фронтов.

Не дала ожидаемого результата и попытка Н.Ф. Ватутина помочь в выполнении этой задачи. По его приказу 27-я армия генерал-лейтенанта С.Г. Трофименко силами трех стрелковых дивизий нанесла удар на Звенигородку, а 5-й гвардейский танковый корпус к исходу 11 января завязал бой за этот город. И все же им не удалось оказать существенное содействие ни 52-й армии, ни ударной группировке 2-го Украинского фронта. Противник смог не только надежно сковать их, но выделить часть сил для нанесения удара наступавшим войскам 1-го Украинского фронта.

Против них были выдвинуты переброшенные из полосы 2-го Украинского фронта 72-я и 168-я пехотные, 6-я и 17-я танковые дивизии. Кроме того, пленные подтвердили, что здесь находятся части 11-й танковой

дивизии. Наконец, пленные, захваченные в районе Монастырище, показывали, что туда ожидалось прибытие 3-й танковой дивизии.

В том же донесении Жуков и Ватутин указывали, что всего противник имел в полосе фронта тридцать пять дивизий (вместе с вновь прибывшими), в том числе одиннадцать танковых и одну моторизованную. Из них на главном направлении, на участках 38-й и 40-й армий, он сосредоточил группировку из пяти-шести пехотных и семи танковых дивизий. Она насчитывала до 400 танков, что было, конечно, недостаточно для нанесения мощного контрудара в северном и северо-западном направлении. И хотя не исключалась возможность подхода дополнительных вражеских сил, задача имевшейся группировки, по мнению Г.К. Жукова и Н.Ф. Ватутина, заключалась в стремлении не допустить наши войска в Винницу, Жмеринку и Умань.

Ход событий подтвердил этот прогноз, основывавшийся на реальной оценке, в частности, состояния войск противника, несших невосполнимые потери. Только в Житомирско-Бердичевской операции, продолжавшейся немногим более 20 дней, войска 1-го Украинского фронта разгромили восемь танковых дивизий из состава 1-й и 4-й немецких танковых армий».

Скажем откровенно, у полковника Короткова не было выбора: выполнять приказ или отказаться от его выполнения в силу объективных причин неготовности к наступлению частей его дивизии. Он прекрасно знал, что ожидало его, если бы он выбрал второй вариант. Но он также отдавал себе отчет в том, что шел 1944 год, а не 41-й и не 42-й. Красная Армия наступала. И наступала в целом успешно. И еще он, видимо, не сомневался в том, что ему дадут в критический момент корпусной артиллерийский резерв. И на него он и надеялся... Но и на старуху бывает проруха!

Когда на рассвете 14-го Короткову доложили о том, что не более чем в километре от частей дивизии стояли в исходном положении большое количество танков противника и масса пехоты, он пока спокойно приказал вести наблюдение за действиями немцев и быть готовым к наступлению. На тот момент он еще был в себе уверен, успокаивая подчиненных одним ответом: «У нас есть, чем потревожить их!»

О чем тут говорить, если КИП (командно-наблюдательный пункт) был выбран командиром 48-го полка на обычной скирде соломы посередине ровного поля! Неудачный выбор хоть и был связан с отсутствием в округе высоток и за неимением возможности за одну ночь оборудовать в мерзлом грунте надежное укрытие, тем не менее на нем пришлось находиться командиру дивизии. А ведь этот самый КИП был вскоре накрыт плотным огнем противника...

И вот полки дивизии отступили, потому что, как утверждают непосредственные участники этого боя, устоять против такой силы было невозможно, Коротков сначала не поверил докладу. А убедившись в его точности, приказал комбату Кошелеву удерживать рубеж до конца. Сам же Коротков принялся связываться со штабом корпуса. В это время единственный батальон 48-го полка был отрезан от основных сил.

Недооценив силы противника, теперь Коротков сам докладывал командиру 47-го стрелкового корпуса обстановку, оценивая ее как критическую. Он просил выдвинуть в полосу обороны 38-й сд корпусной противотанковый резерв. Но, как известно, ему было в этом отказано. Отправленная (для прокурора) в корпус шифровка была подло уничтожена. Далее Коротков, увидев бойцов, оставляющих свои позиции и бегущих в панике от врага, начинает истерически стрелять по своим.

Как потом расскажет комбат Кошелев, Коротков в нетрезвом состоянии потерял управление войсками, растерялся в момент столкновения с противником и уже не смог ничего предпринять, чтобы сосредоточить последние силы. Но главной виной Короткова Кошелев назовет одну: в той критической ситуации по вине комдива не был задействован дивизион «катюш», в результате чего оборона дивизии была прорвана.

На ветеранских встречах, однополчане будут в один голос называть Короткова храбрым офицером. По их мнению, а они видели его в бою, комдив умел драться и руководить боем. Однако одной храбрости, одного умения драться, как оказывается, не всегда бывает достаточно.

И снова отвлечемся. В статье «Из опыта организации и ведения обороны в ходе наступательных операций» кандидат военных наук В. Ерофеев пишет:

«Опыт Великой Отечественной войны показывает, что переход к обороне в динамике наступательных операций был временным явлением. Основными целями ее считались: закрепление достигнутых войсками рубежей или занятых важных плацдармов, отражение контрударов противника и выигрыш времени для сосредоточения сил и средств, необходимых для возобновления наступления.

Переход к обороне с целью закрепления достигнутых рубежей осуществлялся в тех случаях, когда сильно возросло сопротивление противника, а наши войска израсходовали свои наступательные возможности, и требовалась подготовка последующей наступательной операции. (...)

На отдельных участках применение обороны вызывалось необходимостью отражения контрударов противника. (...)

Таким образом, оборонительные действия в ходе наступательных операций на том или ином направлении были связаны с временной утратой превосходства над противником и резким ослаблением боевых возможностей войск. (...)

...в большинстве случаев для организации обороны в ходе наступательных операций войска имели до одних суток. Сжатые сроки создавали значительные трудности при проведении практических мероприятий по организации обороны командирами соединений и частей, в силу чего она носила характер поспешно занятой и имела специфические черты.

Решение на оборону принималось командирами дивизий и полков, как правило, но карте, без проведения рекогносцировок».

В статье автор поместил таблицу, в которой привел эпизод Корсунь-Шевченковской операции (январь 1944 г.) 47-го стрелкового корпуса 40-й армии. Там же указано: «Наступление в первом эшелоне армии. Отражение контрудара и создание внешнего фронта окружения. Одни сутки. Перешли к обороне».

Дальше он называет первоочередную задачу при переходе к обороне:

«Стабилизация положения соединений и частей путем закрепления

выгодного рубежа и создания организованной системы огня. Именно этим было вызвано стремление командиров разворачивать на достигнутом рубеже максимально возможное количество живой силы и боевой техники.

Закрепление достигнутых в ходе наступления рубежей осуществлялось в том построении боевого порядка, которое части имели в ходе наступления. Как уже отмечалось, переход к обороне производился зачастую тогда, когда войска были в значительной степени ослаблены, ввели в бой основную часть своих сил и средств, полностью или почти полностью израсходовали свои вторые эшелоны. Поэтому в период становления соединения и части в большинстве случаев имели боевой порядок в один эшелон. Резервы и вторые эшелоны (в том случае, если они имелись) были также приближены к первому эшелону и имели своей задачей не столько создание глубины обороны, сколько парирование ударов противника».

Все это, конечно, правильно, но в случае с 38-й стрелковой дивизией никак не вяжется. Части дивизии закрепиться на достигнутых рубежах не могли. В конкретном случае они израсходовали не только наступательные, но и оборонительные возможности. Превосходство противника было полным. Переход же к обороне частей дивизии ничего не дал, так как ни сил, ни средств у них не было. А фактически дивизия была если и не разгромлена, то, значит, разогнана. Не лучшей была обстановка и в соседних соединениях 47-го корпуса. Следовательно, об одних сутках на отражение контрудара и создание внешнего фронта окружения 47-го стрелкового корпуса говорить не приходится. Как мы помним, части 38-й дивизии, а также части других дивизий этого корпуса еще долго выходили из окружения.

Автор статьи и дальше говорит правильные слова: «Выполнение задач обороны, как правило, начиналось с быстрого маневра частей и подразделений на угрожаемое направление и развертывания на тактически выгодном рубеже». Он пишет, как на занятом, намеченном для закрепления рубеже подразделения и части обрушивали огонь всех своих огневых средств на атакующего противника. Пишет про огонь прямой наводкой из танков. Пишет про авиацию, поддерживающую перешедшие к обороне войска. Однако танков у 38-й стрелковой дивизии не было, но крайней мере участники того боя их не видели. Я уже не говорю про авиацию. О ней речь тогда вообще не шла. Не было там и никакого быстрого маневра частей и подразделений на угрожаемое направление. А был там мощный и неожиданный контрудар немцев по всем правилам их военной науки, против обессиленного советского стрелкового полка, брошенного туда без

боеприпасов, практически без противотанковой артиллерии и лишённого каких-либо артиллерийских резервов. Словом, гладко было на бумаге, да забыли про овраги.

В газете «Правда» в номере за 20 января 1989 года впервые появилось прижизненное признание Г.К. Жукова. В какой-то степени оно стало оправдательным за то поражение наших войск в январе 1944 года, где он был представителем Ставки ВГК.

Вот его слова: «Начиная с Курской дуги, враг уже не мог противостоять ударам наших войск. Конев, как никто из командующих, усердно лебезил перед Сталиным, хвастаясь перед ним своими “героическими” делами при проведении операции, одновременно компрометируя дословно своих соседей.

Я вспоминаю Корсунь-Шевченковскую операцию, которая проводилась силами 1-го Украинского фронта под командованием Н.Ф. Ватутина и 2-го Украинского фронта, которым командовал И.С. Конев. Координацию действий фронтов осуществлял я.

Операция шла успешно. Лучше действовали войска Ватутина. Но под конец операции, пользуясь метелью, остатки окруженного противника прорвались через боевые порядки войск Ватутина.

Сталин тут же позвонил мне и в возбужденном тоне спросил: “Известно ли вам, что противник прорвал фронт Ватутина и выходит из окружения в районе Корсунь-Шевченковской?”

Я ответил: “Нет, не известно. Думаю, что это не соответствует действительности”.

Тогда Сталин выругал меня и сказал, что ему только что звонил Конев и доложил о прорыве, а затем сказал: “Я думаю передать завершение операции в руки Конева, а вам и Ватутину лучше сосредоточить внимание на внешнем фронте и подготовке Проскуровско-Черновицкой операции”.

Я тогда ответил Сталину, что до завершения операции осталось не больше трех дней. Главную роль в Корсунь-Шевченковской операции сыграл 1-й Украинский фронт, и Ватутину и возглавляемым им войскам будет обидно не быть отмеченными за их ратные труды.

Сталин положил трубку, прекратив со мной разговор, а через 2 часа была получена его директива о передаче завершающих действий по ликвидации окруженного противника.

Нужно ли было это делать в интересах дела?

Нет, не нужно. Это нужно было Сталину для того, чтобы вбить еще глубже клин между Коневым, Ватутиным и мною. Конев в этом вопросе

сыграл неблагоприятную роль.

Зная мою щепетильность, Сталин при проведении и последующих операций пытался неоднократно натравить меня на Конева, Рокоссовского и других, а их, в свою очередь, на меня. А.М. Василевскому он наговаривал на меня, а мне на Василевского, но Василевский, весьма порядочный человек, не шел на провокации Сталина. Зачем это нужно было Сталину?» (Салтыков Д.И. Последний поиск).

К середине января наступательные возможности 1-го и 2-го Украинских фронтов были в значительной мере исчерпаны и их усилия сосредоточены на отражении сильных контрударов немецких войск. Для продолжения наступления фронты получили пополнение, на 1-м Украинском фронте была создана новая 6-я танковая армия (командующий генерал-лейтенант А.Г. Кравченко). Вместе с 27-й, частью сил 40-й и при авиационной поддержке 2-й воздушной армии они составили ударную группировку 1-го Украинского фронта. Ударную группировку 2-го Украинского фронта составили 4-я гвардейская армия, 53-я армия, 5-я гвардейская танковая армия при авиационной поддержке 5-й воздушной армии.

В результате обращения Конева к Сталину внутренний фронт окружения был полностью передан под командование Конева. Именно это обстоятельство осложнило отношения маршалов Жукова и Конева.

После смерти Ватутина именно Жуков возглавил 1-й Украинский фронт, а 10 апреля 1944 года Г.К. Жуков был удостоен высшей военной награды — ордена «Победа» № 1.

Генерал армии Г.И. Обатуров в январе 1944-го воевал на Никопольском плацдарме. В одной из глав мемуаров под названием «Дороги ратные крутые» он объясняет если не все, то очень многое, о чем говорилось выше:

«Опасность гитлеровского плацдарма для главной группировки войск 4-го Украинского фронта была бесспорной, что подтвердила попытка перейти с него в контрнаступление. Поэтому стремление нашего командования быстро ликвидировать его можно считать оправданным. (...)

Со стороны Ставки ВГК преуменьшались силы противника, оборонявшего плацдарм, и это преуменьшение затянулось вплоть до начала января 1944 года. Хотя ноябрьские бои показали, что группировка сильнее, чем предполагалось, это игнорировалось. Ставка настойчиво требовала наступать и наступать. Против плацдарма фронт сосредоточил до 10 различных корпусов, включавших десятки дивизий и бригад, но те и другие из-за низкой укомплектованности были небоеспособными или ограниченно боеспособными. Ощущалась постоянная нехватка боеприпасов. Словом, номеров было много, а сил и средств — мало. Фронт нуждался в значительном пополнении, но Ставка не могла его дать: главным в то время было киевское направление, куда и были переданы крупные резервы. Фашистское командование, в свою очередь, не имело возможности нарастить силы на плацдарме для контрнаступления, так как терпело поражение на киевском и Кировоградском направлениях.

Следовательно, вопреки создавшейся обстановке, требовавшей перехода к обороне, для чего сил было достаточно, велось наступление, приведшее, на мой взгляд, к излишним потерям. Командование фронта и армией, в свою очередь, не внесло встречных предложений, касающихся изменения способа действий. Под воздействием часто повторяющихся упреков в неумении организовать боевые действия оно вновь пыталось прорвать оборону. В книге «Суровые годы» бывший начальник штаба фронта Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов о тех боях написал: «Анализируя теперь эти неудачные для нас бои, можно с уверенностью сказать, что и во второй и в третий раз нами повторялась одна и та же ошибка: для ликвидации вражеского плацдарма выделялись явно недостаточные силы».

Он, правда, не указал, что, во-первых, фронт и не располагал достаточными силами, а во-вторых, что это делалось по неоднократным

требованиям Ставки ВГК.

Недостаточность сил являлась главной, но не единственной причиной неудач. Имелись крупные ошибки в подготовке и в ведении наступления. Необходимость без задержки переходить в наступление нами воспринималась как должное, но поспешность в подготовке к нему удивляла. Тогда мы это относили за счет командования армии, но, как следует из изложенного выше, в этом было повинно не только оно.

По вине прежде всего командования армии огневое поражение противника организовывалось не лучшим образом. Артиллерия излишне сосредотачивалась в руках командования армии, ею не усиливались бригады. А механизированные и танковые корпуса, понеся потери при прорыве, были неспособны развить успех.

Обидно было встречаться с теми же промахами, что и под Старой Руссой, спустя год, в течение которого кадрами был получен огромный опыт в крупнейших операциях.

Начало наступления на плацдарм показало бесперспективность лобового удара по нему, возложенного на четвертый Украинский фронт. Целесообразность переноса главного удара на левое крыло третьего Украинского фронта была ясна еще в начале декабря, но Ставка опоздала с ним почти на два месяца, что вызвало дополнительные потери.

Досадно, что в официальной военной исторической литературе бои южнее Никополь освещены еще меньше, чем в районе Демянска. Не осветили должным образом эту страницу войны в своих воспоминаниях и те начальники, которые командовали там войсками. Видимо, в первую очередь это должен был сделать генерал армии Д.Д. Лелюшенко. В 1986 году мне пришлось на эту тему беседовать с Дмитрием Даниловичем.

— Почему вы, Дмитрий Данилович, в своей книге ничтожно мало написали об ожесточенных боях 3-й гвардейской армии на Никопольском плацдарме? — спросил я.

Со свойственной ему категоричностью и безапелляционностью он ответил:

— А кому интересно писать о неудачных боях? Описывая неудачи, я должен был бы сказать, как расплачивался за грехи соседей и начальников повыше.

— Неудачи часто учат больше, чем удачи, что и нужно нашей офицерской молодежи, — упорствовал я.

— Если тебе, Обатуров, нравится копаться в дерьме, то ты и пиши, а я этим заниматься не намерен.

Жаль, что во многих воспоминаниях описания проигранных боев и

операций не делаются».

Следствие над Андреем Даниловичем Коротковым длилось недолго, хотя, безусловно, рамки законности в этом случае были соблюдены. 15 января его арестовали, а 29-го уже был объявлен приговор Военного трибунала 1-го Украинского фронта. Затем комдива расстреляли. Однако в самой процедуре расстрела поражает два факта. Бывшего комдива привезли на суд с завязанными руками и повязкой, закрывающей рот, а после выполнения приговора расстрельную команду предупредил генерал: «Вы ничего не видели, ничего не знаете и забудьте это место». Такое складывается впечатление, что вместе с трупом Короткова в его могилу ушла какая-то огромная и неудобная тайна. По крайней мере до него так никого не расстреливали.

Коротков, безусловно, был слабым командиром дивизии, но в той ситуации и любой другой на его месте вряд ли бы что смог сделать...

Вина комдива заключается прежде всего в растерянности и потере управления частями своей дивизии. Он виноват и в том, что не все сделал заблаговременно для того, чтобы попытаться отразить контрудар противника. Хотя, еще раз повторяю, сделать он мог немного. И все же...

Предполагаю, что накануне наступления командир корпуса пообещал в случае чего выделить ему корпусной противотанковый резерв, а потом подло обманул и подставил...

Безусловно, вина Короткова заключается и в том, что он в состоянии алкогольного опьянения ничего лучшего не придумал, как расстреливать своих солдат и офицеров. Но и здесь надо разбираться по каждому расстрелянному в отдельности.

Могу лишь предположить, что гораздо большая вина лежит на тех, кто стоял выше Короткова: на командире корпуса, на командующем армией, на командующем фронтом. Но они предпочли сделать крайним недавно назначенную на должность командира дивизии полковника. Причем командира дивизии, личный состав которой давно нуждался в отдыхе и пополнении. Который не мог ни наступать, ни обороняться. По всей видимости, такова правда одного фрагмента из истории Вошкой Отечественной войны.

Последний раз с Александром Захаровичем Лебединцевым мы встретились поздней осенью 2008 года на проспекте Мира. Он тогда только что вернулся из поездки по родным местам, побывал на могилах родителей, посетил библиотеку, в которой работал до войны.

Мы долго говорили, и почему-то впервые не о войне. Говорят, человек предчувствует свою смерть... Выглядел ветеран в этот серый и мрачный день неважно. Все больше говорил про свои болячки и перечислял все свои диагнозы. У него даже вырвалось:

— Вот съездил на родину и чувствую, что больше там никогда не побываю, видимо, скоро деревянный бушлат примерять.

— Да что вы, Александр Захарович, — возразил я, — живите, не надо туда спешить, ведь вы еще не все сделали.

— Мы не выбираем, нас выбирают, — улыбнувшись, ответил он и как-то легко перешел к другой теме. Теперь мы уже беседовали о книгах военно-исторической тематики. Вспомнили Суворова-Рсзуна. А когда неторопливо возвращались к метро, Александр Захарович вдруг остановился, повернулся ко мне и, необычно странно посмотрев мне в глаза, сказал:

— Вы помните, как вы меня спрашивали про следователя военной прокуратуры фронта, который вея дело Короткова?

— Да, помню.

— Так вот. Их было двое.

— Как двое? — удивился я.

— Двое! Почему, сам не знаю. Но двое. Это точно. Я вам даже назову сейчас их фамилии. Вы запомните их или запишите.

— Я запомню.

— Один по фамилии Мацкевич. Именно он был следователем. А второй по фамилии Прут. Если мне не изменяет память, в 44-м он был помощником военного прокурора фронта.

— Как же вам удалось узнать эти фамилии? — спросил я.

— Эти фамилии назвал мне один из ветеранов нашей дивизии, который лично сам видел следственные документы. Видимо, общался он и с этими двумя работниками военной прокуратуры 1-го Украинского фронта.

После этих слов, Александр Захарович сделал короткую паузу,

посмотрел по сторонам и добавил:

— Вы обязательно поищите их биографии. Возможно, там найдется ключ к пониманию следствия и приговора нашего комдива.

Прошли годы, и я, откровенно скажу, забыл про эти фамилии. Но, уже завершая книгу, вдруг случайно в буквальном смысле наткнулся на них в одной из своих записных книжек: «МАЦКЕВИЧ. ПРУТ». Тут же подумалось: «Да что они мне дадут; фамилии, если уголовное дело совершенно секретно, если этих людей уже нет в живых?» И все-таки решил попробовать просто ради любопытства, потратив на поиски не очень много своего драгоценного времени. И самое интересное — мне повезло. Кое-что про этих офицеров юстиции я нашел.

Мацкевич Владимир Иосифович. В январе 1944 года капитан юстиции. Военный следователь военной прокуратуры Первого Украинского фронта. Тридцать четыре года. Белорус. Член ВКП б).

На фронте с 1941-го. Призвал военным комиссариатом г. Ворошиловграда. Был дважды ранен. Награжден орденами Красной Звезды в августе 1943 года и Отечественной войны 1-й степени в 1945-м.

Характеризуется «вдумчивым, инициативным и грамотным следователем. В боевой обстановке проявил смелость, решительность».

«За время службы в должности военного следователя ВП Фронта... успешно закончил расследования ряда сложных следственных дел, связанных с неисполнением боевых приказов командования и разоблачения расхитителей военного имущества» (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686 196. Д.1523. Л. 14),

Прут Лев Давидович. В январе 1944 года помощник военного прокурора 1-го Украинского фронта. Сорок четыре года. Еврей. Член ВКП(б). На фронте с 1941-го. Войну начал в должности военного прокурора 275-й стрелковой дивизии, затем был назначен военным прокурором 11-го стрелкового корпуса.

Характеризуется как «энергичный прокурор, знающий военно-прокурорскую работу в условиях Действующей армии».

В его представлении к ордену Красной Звезды (декабрь 1942 г.) указано:

«Тов. Прут умело и решительно помогал командованию наводить порядок и железную воинскую дисциплину в частях, борясь со всеми аморальными явлениями. Систематически бывая непосредственно в частях на передовой линии фронта, т. ПРУТ проявил себя смелым, отважным и умеющим организовать в сложных боевых условиях свою работу.

Проводя систематически правовую предупредительную работу, тов. ПРУТ добился снижения преступности в частях. Всю свою работу т. Прут постоянно сочетает в выполнении боевых задач, стоящих перед соединением» (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682 525. Д. 202. Л. 121).

На этом можно было бы поставить точку, если бы не одно «но»! В 2001 году я приобрел книгу «Записки “важняка”». Ее автор — следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, а до этого старший следователь по важнейшим делам при Главном военном

прокуроре Сергей Михайлович Громов. Закончив в 1941 году Московский юридический институт, он в первые дни войны ушел на фронт и служил военным следователем военной прокуратуры 275-й стрелковой дивизии, которую возглавлял... Как вы думаете, кто? Тот самый Лев Давидович Прут!

«Записки» СМ. Громова сами по себе чрезвычайно интересны. И лично я их читал не один раз. Но фамилия Прут в моей голове, как-то не отложилась. И теперь, еще раз перелистывая книгу «важняка», я нахожу то, что меня интересует про Л.Д. Прута:

«Военный прокурор дивизии, подполковник юстиции Прут, что-то сосредоточенно записывал в своем блокноте, сидя за обшарпанным канцелярским столом, пережившим не одно поколение разных начальствующих лиц. В молодости Прут был портовым грузчиком в Одессе. Видимо, этому обязан он своими широкими плечами и спокойным упорством человека, привыкшего носить тяжелые ящики по узкому трапу...

По роду своей работы прокурор должен обладать безотказной памятью. Должен помнить законодательство и статьи уголовного кодекса, знать права и обязанности военнослужащих и многое другое, в том числе, например, и то, по чьей вине неоднократно вовремя не доставляли горячую пищу на передовую, должен помнить жалобу авиационного техника, по ошибке направленного в пехоту, и просьбу связиста, с матерью которого несправедливо обошлись где-то в прииртышском райцентре.

А Пруту уже под пятьдесят, память у него неважная, поэтому он и не расстается с блокнотом».

По книге Громова, Прут любил говорить: «Нужно хорошо выполнять свои служебные обязанности!» И еще: «Война — это труд». Лев Давидович всегда требовал полной ясности. А однажды он поддержал предложение следователя о разрешении дела рядового Духаренко, допустившего самовольную отлучку, в дисциплинарном порядке, не передавая его суду. Военного прокурора за глаза называли уважительно «стариком», который говорил со своим подчиненным перед трудной командировкой так:

«— Все продумал как следует?

— Вроде как.

— К сожалению, это не всегда удастся сделать в полном объеме. Готовь себя ко всяким неожиданностям».

«Все неожиданности учесть нельзя. На то они и неожиданности», — при случае добавлял «старик».

Более того, прежде чем следователю отбыть в дальнюю командировку,

Прут всегда настаивал взять с собой надежного помощника» без которого — ни шагу. Позднее, он как-то в сердцах сказал следователю, проявившему в деле особую прыть: «Одну смелость нужно пускать в ход лишь в тех случаях, когда не хватает ума...»

Прут мог и дисциплинарно наказать пятью сутками домашнего ареста. Но его наказание носило, скорее, чисто символический характер, так как домом у следователя на фронте была прокуратура. А еще он постоянно обучал своих подчиненных, начиная разбирать дело прежде всего с промахов. Признавал Прут и свою вину. Однажды разрешая организовать «свободный поиск», подчеркнул Громову:

«— Придумай подходящую легенду. Сними с петлиц юридические эмблемы. И помни, что времени в обрез, не увлекайся. Обстановку на фронте ты знаешь».

Для Льва Давидовича было важно, чтобы дело было успешно доведено до конца. При этом хвалить не любил, а вот награждать не забывал, и делал это, судя по всему, всегда неожиданно. Как пишет Громов, «после моего возвращения Прут, оказывается, успел написать на меня представление о награждении. Сделал он это втайне...».

Передо мной наградной лист представления к медали «За боевые заслуги» на Громова Сергея Михайловича:

«Военный юрист т. ГРОМОВ СМ. является военным следователем 275 сд со дня ее формирования, проходя вместе с дивизией весь ее боевой путь.

Находясь все время в 982 сд, тов. ГРОМОВ заканчивал быстро и оперативно расследование по всем возникающим чрезвычайным происшествиям, проявляя свою инициативу в раскрытии таких преступлений, как членовредительство, измена Родине, и др. воинских преступлений.

В ноябре м-це 1941 г. тов. ГРОМОВ вскрыл бандитскую группировку, разграбившую партизанские хранилища.

Расследовал и дважды разыскал бежавшего бывшего работника штаба 37 армии ЦВЕТКОВА, сфабриковавшего ряд документов: освобождение от воинской службы и другие.

Большую помощь командованию т. ГРОМОВ оказывал своевременной постановкой вопросов о необходимости тех или иных нарушений революционной законности в обслуживаемых им частях.

Не ограничиваясь этой работой, т. ГРОМОВ, будучи тесно связан с красноармейской массой, проводил и проводит большую массово разъяснительную работу с бойцами по разъяснению законов, ответственности за нарушения воинской дисциплины, но борьбе с

изменниками Родине и т.д.

Эти беседы проводятся непосредственно в роте, взводе, вплоть до отделения.

Тов. ГРОМОВ проводит свою работу в любых сложных условиях боевой обстановки, не считаясь ни с трудностями, ни с отдыхом.

Своей оперативной работой тов. ГРОМОВ помог командованию полка успешно выполнить ряд боевых задач в августе и сентябре м-цах с.г.

Храбрость, спокойствие, самоотверженность — являются характерными для тов. ГРОМОВА чертами.

По оценке Военного прокурора дивизии, т. ГРОМОВ является лучшим ведущим следователем...» (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682 524. Д. 912. Л. 367).

Как пишет в «Записках военного юриста» А.З. Асовский, «в условиях войны работа военной прокуратуры была многообразной и разносторонней, однако с организационной и функциональной точки зрения она по-прежнему укладывалась в две основные формы — общий надзор за законностью и уголовное преследование преступлений».

Собственно, все так и было, если бы не некоторые нюансы. Например, один из военных следователей военной прокуратуры стрелковой дивизии, правда, еще до войны, умудрился за первые пять месяцев своей работы в должности закончить 57 уголовных дел, из которых 55 было направлено в военный трибунал. При этом известнейший военный юрист, имени которого я не называю умышленно, за плечами имел семилетнюю трудовую и профессионально-техническую школы, 3 курса экономического факультета. И только через несколько лет после войны он окончил Всесоюзный заочный юридический институт. Получается, что в месяц такой следователь расследовал более десяти дел. Интересно, какова же была объективная сторона такой работы?

Военные прокуратуры на фронте обычно располагались в третьем эшелоне. То бишь вдали от передовой. Если это военная прокуратура дивизии, то расстояние от линии фронта составляло порядка 10 километров. Если ранг прокуратуры был выше, то еще дальше. У каждого военного следователя в дивизии был свой транспорт — верховая лошадь. В прокуратуре фронта — автомобиль. Несмотря на наличие транспорта, следователю приходилось преодолевать огромные расстояния, попадать и под бомбежки, и под обстрелы. А проще говоря, рисковать жизнью.

Допросы проводились в самых разных местах, самых разных погодных и полевых условиях. Хорошо, если в блиндаже, где можно было более или менее безопасно сесть и положить на один из порожних ящиков от мин свою полевую сумку, извлечь из нее бланк протокола допроса и подложить под него кусок картона. А если допрос проводился непосредственно в траншее? А если во время боя? И было лишь тогда хорошо, когда допрос проходил во время обыкновенного утреннего обстрела наших позиций немцами. К нему можно было привыкнуть быстро.

Процесс работы следователя сопровождался периодическими докладами прокурору. Выслушивались самые различные мнения, и они

нередко разделялись. Но мнение прокурора было решающим.

По окончании любого расследования следователь военной прокуратуры должен был обязательно заручиться прокурорским согласием. Так было заведено. Ибо мнение первого и последнего могли разойтись.

Сегодня можно с великим трудом найти литературу о работе следователя военной прокуратуры в годы войны. На самом деле ее очень мало. А если вы найдете, то там не будет никаких рассказов о деле, подобном делу Короткова. Тогда говорить об этом из-за секретности было опасно, а теперь, когда участников тех событий среди нас нет, говорить просто некому. Остаются дела, на которых до сих пор стоит гриф «совершенно секретно». И все же отдельные рассказы ветеранов военной прокуратуры заслуживают нашего внимания хотя бы из-за некоторых особенностей их работы в то время.

«В годы Великой Отечественной войны случались всякие военные преступления, но один случай на почве страстной любви мне запомнился особенно, — вспоминает А.З. Асовский. — Дело было в одной медицинской части. Любвеобильная жена начальника военного госпиталя полковника медицинской службы Поплавского решила отблагодарить молодых офицеров-любовников, находившихся на излечении в госпитале, за их боевые заслуги на любовном фронте.

Все командиры воинских частей действующей армии были наделены орденскими книжками для награждения бойцов и офицеров боевыми правительственными наградами. Такие книжки были у начальника военно-полевого госпиталя полковника медицинской службы Поплавского. Его супруга знала, где находятся наградные документы, тайком выписала несколько “папер” о награждении полюбившихся ей офицеров.

Любовники, как правило, награждались по заслугам: кому орден Красной Звезды, а кому и орден Отечественной войны 2-й степени.

Об этой афере стало известно замначальника госпиталя по политической части, он-то и сообщил в Военную прокуратуру.

Следствие по этому необычному делу военный прокурор 2-го Украинского фронта генерал-майор юстиции Алексеев поручил мне.

Было установлено, что жена полковника Поплавского, кстати, медицинская сестра того же госпиталя, “наградила”, как я помню, восьмерых офицеров. Двое из них уже убыли в свои части, а другие только собрались. У всех были изъяты документы о награждении их орденами.

Дело в отношении медсестры было прекращено, так как виновница до госпиталя участвовала в боевых действиях, выносила раненых с поля боя, была сама ранена.

Было решено не передавать дело в суд».

Следствие по делу Короткова, если брать его юридическую составляющую, было одним из чрезвычайно сложных. Военный следователь капитан юстиции Мацкевич и помощник военного прокурора подполковник юстиции Прут работали по делу комдива 38-й стрелковой дивизии в паре. Одному человеку справиться в тех условиях в установленные сроки было нереально. Ведь обычно по таким сложным делам должна работать целая бригада следователей. В данном случае «бригаду» составили два опытных работника военной прокуратуры фронта. Но что они могли сделать вдвоем за две недели своей каторжной работы в условиях фронта, наступления и зимы?

Могу лишь предположить, что для Мацкевича и Прута дело командира дивизии Короткова стало в некотором роде «крепким орешком». И вряд ли до этого им приходилось работать с такими делами.

За две недели второй половины января 1944 года объективно провести следствие физически было невозможно. В мирное время для целой бригады следователей для этого бы понадобился один год. Более того, дело Короткова они не могли не вести без нарушений, потешу что за нехваткой времени, за давлением сверху, за вмешательством Смерша, за огромными просторами украинской земли, но которой передвигались подразделения, части, соединения, объединения 1-го Украинского фронта, установить все эпизоды, опросить всех свидетелей, а самое главное, установить истину им было не под силу. Все по тем же причинам они не могли без исправлений, объективно оформить те же протоколы допросов.

Словом, показать свой профессионализм, установить истину, не нарушить презумпцию невиновности ни Мацкевичу, ни Пруту было не суждено. В этом и заключается трагедия полковника Короткова, который был приговорен к расстрелу, как мне кажется, несправедливо. То есть не по закону, а, как бы сейчас сказали, по понятиям. Его истинная вина остается для нас тайной за семью печатями. Хочется только надеяться, что уголовное дело Короткова пересмотрят во второй раз и, возможно, хотя бы спустя десятилетия отменят смертный приговор, которого он в любом случае не заслужил. Правда, какая бы она ни была, должна восторжествовать.

Глава 12.

О СУДЬБАХ НЕКОТОРЫХ ГЕРОЕВ

Как удалось узнать Александру Захаровичу Лебединцеву, неизвестную могилу комдива найти удалось. В книге он пишет:

«По-своему решила администрация села Голодьки Тетиевского района Киевской области. Вот что сообщил мне в своем письме житель Колесник Иван Сергеевич: “21 мая 1994 года останки комдива А.Д. Короткова перенесли из Черного леса, где он был расстрелян 3 февраля 1944 года, и захоронили со всеми почестями у памятника-мемориала павших воинов под Турсунским лесом”. Несмотря на глубокую секретность происходившего в этом лесу, многие жители знали о расстреле и решили по-своему эту мрачную страницу истории тех грозных лет.

Всех участников тех памятных боев как магнитом тянуло в Лысянский район, чтобы, не пригибаясь, не из окопа осмотреть места сражений, побеседовать с жителями и возложить цветы на могилы наших павших побратимов. Конечно, в этих местах сражалась не одна наша дивизия, но и потери дивизии были значительными. Только убитыми, но далеко не полным учетным данным, дивизия потеряла 355 человек, а всего в двух братских могилах села Босовка похоронены 874 человека, в Винограде 369. Только в Лысянском районе в 40 населенных пунктах покоится прах 5196 человек. А по данным Музея истории Корсунь-Шевченковской битвы, только в Звенигородском, Лысянском, Шполянском, Городищенском, Смелянском и Корсунь-Шевченковском районах похоронены в братских могилах 18 049 человек».

Что касается судьбы командира 47-го стрелкового корпуса генерал-майора С.П. Меркулова, то в январе 1944 года он был отстранен от занимаемой должности и зачислен в распоряжение Военного совета 1-го Украинского фронта. Говорят, его спасло звание Героя Советского Союза, присвоенное «За умелое руководство боевыми действиями корпуса при форсировании р. Днепр и проявленные при этом смелость и отвагу». Кстати сказать, в некоторых документах будет фигурировать такая фраза: «В январе 1944 г. из-за болезни от должности командира корпуса был отстранен». Хотя, как мы знаем, речь идет совсем о другой болезни...

После окончания следствия генерал Меркулов исполнял должность командира 180-й стрелковой дивизии, с июня 1944-го снова командовал стрелковым корпусом. В мае 1945 года Меркулова направили на учебу в Высшую военную академию имени Ворошилова. После ее окончания в

1946-м он командовал тремя стрелковыми дивизиями подряд, а с мая 1950-го — 5-м гвардейским стрелковым корпусом. С осени 1952-го снова учился на курсах при той же академии и снова командовал стрелковым корпусом.

Последняя должность Меркулова (1955 г.) — 1-й заместитель командующего 7-й гв. армией в ЗакВО. В 1960 году генерал-лейтенант (1955 г.) Серафим Петрович Меркулов был уволен в запас (в 57 лет). Умер генерал спустя всего шесть лет в Липецке.

Бывший начальник штаба 38-й стрелковой дивизии Петр Филиппович Хамов по приговору Военного трибунала от 25 января 1944 года был направлен в штрафной батальон 40-й армии 1-го Украинского фронта. 4 апреля того же года был освобожден и восстановлен в правах.

Передо мной наградной лист на командира отделения отдельного штрафного батальона 1-го Украинского фронта Хамова П.Ф.:

«Командир отделения ХАМОВ за с. Павловку командовал своим отделением правильно. Проявил храбрость и отвагу в бою. Он шел все время впереди отделения, расстреливая немецких солдат и офицеров, тем самым вовлекая своих подчиненных к выполнению поставленной задачи.

Тов. ХАМОВ сам лично уничтожил 4 немца. Достоин правительственной награды — медаль “За отвагу”

23 февраля 44 г.

Майор БОЙКО»

(ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196 Д. 264. Л. 116).

В своей книге Л.З. Лебединцев свою встречу с Хамовым после освобождения из штрафбата опишет так:

«Вот и курортный румынский городок Фэлтичений. Здесь мы накануне освободили полсотни русских военнопленных. Строения все целые, улицы чистые. Я озираюсь по сторонам. Слева вижу в зимней гимнастерке и таких же новых брюках подполковника Хамова П.Ф. Я спрыгиваю на ходу и бегу к нему, не зная, как быть, как выразить радость встречи с ним после возвращения его из штрафной роты. Видя мое замешательство, он упреждает меня своим вопросом: “Значит, едешь. Молодец! Ведь я же обещал послать тебя с первой оказией на учебу. Вот и поспособствовал”. Так вот он, оказывается, тот негаданный начальник, устроивший мне протекцию, хотя он сам только что сменил форму ефрейтора-штрафника на форму подполковника! Я не находил слов, как и с чем его поздравить, чтобы не ранить лишний раз его гордость. Он указал мне место расположения отдела кадров и тепло обнял, чтобы пожать в следующий раз мою руку только в 1972 году в Генеральном штабе».

В июне 1944-го Петр Филиппович был назначен на должность

начальника оперативного отдела 104-го стрелкового корпуса 40-й армии. В 1955 году окончил Академию Генштаба. Занимал должности начальника отдела оперативного управления штаба ГСВГ, 1-го заместителя начальника штаба 2-й гвардейской танковой армии, начальника штаба — заместителя командующего и члена Военного совета 2-й гвардейской танковой армии.

Военную службу генерал-майор танковых войск П.Ф. Хамов закончил в 1974 году. До этого возглавлял управление в Главном управлении военно-учебных заведений МО СССР.

По рассказу А.З. Лебединцева, Петр Филиппович всегда подробно рассказывал о многих сражениях, в которых лично участвовал. Но когда заходил разговор о Корсунь-Шевченковской битве, то умолкал и переводил беседу на другую тему. О событиях января 44-го он будто бы что-то недоговаривал.

Начальник оперативного отделения дивизии Василий Иванович Петров в январе 1944 года был направлен на учебу в академию. А.З. Лебединцев в своей книге пишет, как на одной из встреч с ним задал ему вопрос:

«Прежде всего я спросил его: почему ни в одной из его биографий, опубликованных в исторических справочниках и энциклопедиях, не указало, что он является участником Корсунь-Шевченковской битвы? Улыбнувшись, он ответил, что даже во время учебы в Академии имени М.В. Фрунзе и Академии Генерального штаба он не афишировал свое участие в этой операции. Я деликатно не задал вопрос: “Почему?” — так как сам догадывался, что это связано с разгромом дивизии под Босовкой, карой комдива и серьезным приговором в отношении начальника штаба. Он почувствовал мои сомнения и сказал: “А ведь и мне самому первоначально ”пахла вышка”. Я спросил: “За что же вам?” — и он так пояснил то, о чем уже частично сказано выше».

О том, как последний комдив 38-й дивизии увидел у майора Петрова военное будущее, а проще сказать, «маршальский жезл», А.З. Лебединцев расскажет в статье «Маршал — ветеран 38-й стрелковой»:

«Трем ветеранам 38-й дивизии в послевоенное время удалось написать и издать свои мемуары о боях и сражениях в годы Великой Отечественной войны. И в каждой книге авторы очень тепло и объективно пишут о своем однополчанине Василии Петрове. Вспоминают, как он постоянно замещал начальника штаба дивизии, даже временно вступал в командование частями при внезапно выбывавших командирах. Однако и как штабной оператор был просто незаменим.

Тут нельзя не сказать вот о чем. Только последний командир дивизии генерал-майор Сергей Тимошков имел высшее военное образование. Однако он очень долю находился на преподавательской и административной работе в Академии имени Фрунзе и, вступив в командование 38-й сд в начале 1944 года, быстро убедился, что его теоретического “багажа” маловато для руководства соединением на фронте. Поэтому первое время комдив всегда безотлучно имел при себе майора Петрова, на боевой опыт которого он всегда твердо полагался. Думается, именно Тимошков разглядел в своем ближайшем помощнике будущего крупного военачальника.

Вот как об этом вспоминает сам Петров: “В моей судьбе Сергей Прокофьевич Тимошков сыграл большую роль. К концу войны я уже считал себя ветераном дивизии. Когда в январе 1945 года мне предложили поехать на курсы при военной академии имени М.В. Фрунзе, колебался — не хотелось оставлять боевых товарищей перед самой победой. Но комдив убедил в необходимости учиться. “Ты уже навоевался, четыре боевых ордена имеешь, — говорил он тепло, по-отцовски, — надеюсь, что в будущем займешь почетное место в офицерском корпусе нашей армии”.

Как в воду глядел...».

Это действительно так:

«После войны—на штабной работе в армейском звене, с июня 1953 г. по декабрь 1955 г. — командир полка, но январь 1957 г. — начальник штаба дивизии, но июль 1961 г. — командир дивизии.

Командующий войсками Дальневосточного Военного округа генерал-полковник Пеньковский В.А. в аттестации за ноябрь 1959 г. на командира 129-й мотострелковой дивизии В.И. Петрова отмечал, что “природное дарование, опыт войны, академия, опыт штабной и строевой службы (в хорошем сочетании) и старательность в службе позволяют сделать вывод о тов. Петрове как о хорошем командире дивизии. (Но в то же время!) Дивизией командует пока неровно, то вытянет, то завалит. Причин много, но главная все же — в самом Петрове. Равняет на себя, требует — как будто все могут сделать, как он. Начинает нервничать, ругать людей...”

По июнь 1964 г. В.И. Петров — начальник штаба армии, но январь 1966 г. — командующий армией, но апрель 1972 г. — начальник штаба, но май 1976 г. — командующий войсками Дальневосточного военного округа. Затем первый заместитель Главнокомандующего Сухопутными войсками (май 1976 г. — декабрь 1978 г.), Главнокомандующий войсками Дальнего Востока (по ноябрь 1980 г.), Главнокомандующий Сухопутными войсками — заместитель министра обороны СССР (по январь 1985 г), первый заместитель министра обороны СССР (по июль 1986 г.), генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР (по январь 1992 г.), советник начальника Генерального штаба Объединенных Вооруженных Сил Содружества независимых государств. С сентября 1992 г. — советник при Министерстве обороны Российской Федерации» («Маршалы Советского Союза: личные дела рассказывают»).

В феврале 1982 года генералу армии В.И. Петрову было присвоено звание Героя Советского Союза, а еще через год, в марте 1983-го — звание Маршала Советского Союза.

В книге Д.И. Салтыкова «Последний поиск» автор приводит такой

малоизвестный факт из биографии маршала Петрова:

«Рассказывали о таком ЧП, происшедшем в одном из гарнизонов. Однажды генералу Петрову доложили о том, что вооруженный солдат занял служебное помещение и никого не подпускал, угрожая оружием. Кто-то из сослуживцев довел его до нервного расстройства. Его надо было немедленно разоружить. Но никто не решался на такой риск. Тогда генерал Петров сам пошел к тому обиженному солдату и обратился к нему:

— Слушай меня внимательно! Я генерал Петров, начальник штаба. Знаешь ли ты меня? — Услышав утвердительный ответ, он сказал: — Сейчас я приду к тебе, откроешь мне дверь и расскажешь все, что случилось.

Действительно, генерал, не страшась, шагнул навстречу смерти. Все присутствующие офицеры замерли в ожидании. Спустя несколько минут Петров вывел из помещения обезоруженного солдата. Виновные были наказаны, а солдат переведен в другое подразделение. Думаю, этот инцидент не требует комментариев».

Однажды Василия Ивановича спросили: «Как стать маршалом?» — и он ответил с присущей ему скромностью: «Скажу откровенно: не знаю. Лично у меня никаких расчетов и планов на служебный рост не было. Я никогда не думал, как стать генералом, тем более маршалом. Но всегда и везде, на любой должности стремился как можно лучше выполнять поставленную задачу».

Разведчик Алексей Николаевич Зайцев после войны сменил свою опасную профессию на более мирную. Он стал адъютантом начальника штаба Киевского военного округа. Потом был помощником начальника штаба, командиром взвода и даже начальником физподготовки полка. После окончания Военно-педагогического института в 1953 году Алексей Николаевич преподавал тактику в Благовещенском военном училище. Только в 1957-м его назначили на должность начальника штаба мотострелкового полка, потом заместителем и, наконец, командиром учебного мотострелкового полка (1960 г.). Спустя пять лет новое назначение — заместитель командира учебной дивизии. А в 1967 году после окончания академии Генерального штаба Зайцева назначают заместителем начальника штаба объединения в Туркестанском военном округе. Свою службу генерал-полковник (1983 г.) Зайцев закончил первым заместителем командующего войсками Одесского военного округа в 1985 году.

Командир 48-го стрелкового полка 38-й сд майор Бунтин, прежде чем был отстранен от должности 25 февраля 1944 года, успел получить очередное воинское звание «подполковник». Самое удивительное, что приказ НКО СССР состоялся 15 января 1944 года! В этом звании Ивана Михайловича назначили на должность заместителя командира 360-го стрелкового полка 74-й стрелковой дивизии. И только в марте 1945-го Бунтин стал командиром 509-го стрелкового полка 239-й стрелковой дивизии.

В апреле 1945-го Бунтин был тяжело ранен осколком в правый коленный сустав, а 31 января 1946 года уволен из кадров Красной Армии в запас по статье 43 (по болезни). В его учетно-послужной карточке указано: «Состав политический. Запас 3 разряда. Род войск пехота)». Записаны и два ордена: Красная Звезда — 1944 год и Отечественной войны 1-й степени — 1947 год.

После демобилизации И.М. Бунтин работал заместителем директора по политчасти Бековской МТС.

О судьбе начальника штаба 48-го стрелкового полка 38-й сд майора Ершова в своей книге поведал А.З. Лебединцев:

«Чуть больше месяца длилась любовь моего начальника штаба, чтобы окончиться, как я уже писал, трагедией. В феврале во время Корсунь-Шевченковской битвы штаб полка передвигался из одного населенного пункта в другой вдоль переднего края. Наш начальник штаба, не заметив передний край, проехал в село Виноград, занятое противником. Немцам достался очень ценный “язык” со множеством боевых документов и рабочей картой, а нам осталась только Инна “с икрой”, которая уже в Румынии “разрешилась” дочерью и убыла к своей бабушке в родной город Ромны. После войны она вышла замуж за военного политработника, родила ему еще сына и дочь. (...)

Ершову, уже после пленения, пришли приказы на звание подполковника и на орден Красного Знамени за форсирование Днепра. Все считали, что он погиб, но в Карпатах он бежал из плена и после войны вернулся к своей первой семье. Видимо, по этой причине он не приезжал на встречи однополчан и только за год до своей кончины узнал о судьбе Инны, его и ее дочери Светланы.

Инна тоже скончалась через год после того, как узнала о существовании совета ветеранов и о судьбе своего фронтового возлюбленного».

В учетно-послужной карточке Ершова записано:

«48 стрелковый полк НШ 1943 05.

Этап военнопленных Бессарабия 1944.02.

Партизанский отряд им. Дзержинского. Начальник штаба 04.1944.

В резерве 4 гв. армии (по репатриации уполн. 1944.08).

32 запасной стрелковый полк, госпроверка. 1945.11.

Уволен в запас со званием подполковника по ст. 1945 г. 22.11. Южн.Ур.ВО...»

Как рассказывал Александр Захарович, Василий Васильевич Ершов работал проводником плацкартного вагона. Продвинувшись до купейного на новом поприще он так и не сумел...

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Утверждено Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР

от 20 августа 1926 года

ПОЛОЖЕНИЕ О ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛАХ И ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЕ

I. Организация военных трибуналов

1. Военные трибуналы состоят при военных округах (фронтах, отдельных армиях, флотах), корпусах и дивизиях.

Примечание. В военное время или в районе боевых действий могут быть учреждаемы военные трибуналы при других войсковых соединениях, а равно при укрепленных районах.

2. Общее руководство деятельностью военных трибуналов принадлежит Верховному Суду Союза ССР.

Непосредственное руководство деятельностью всех военных трибуналов и управление ими осуществляется военной коллегией Верховного Суда Союза ССР.

Военным трибуналам округов (фронтов, отдельных армий) принадлежит наблюдение за военными трибуналами корпусов и дивизий, входящих в состав соответствующих округов (фронтов, отдельных армий).

3. Организация новых и ликвидация действующих военных трибуналов осуществляется военной коллегией Верховного Суда Союза ССР, но представлению Народного Комиссариата по Военным и Морским Дела́м, согласованному с народным комиссариатом юстиции соответствующей союзной республики.

4. Военные трибуналы всех наименований состоят: из председателя, его заместителя и членов, число которых определяется штатами, устанавливаемыми военной коллегией Верховного Суда Союза ССР по соглашению с Народным Комиссариатом по Военным и Морским Дела́м.

Военные трибуналы всех наименований действуют в составе председателя или его заместителя и двух членов.

Примечание. Военным трибуналам всех наименований предоставляется на основании особого положения, утверждаемого Советом

Народных Комиссаров Союза ССР, заменять постоянных членов временными членами.

5. При всех военных трибуналах состоят: секретариат и военные следователи, а при военных трибуналах округов (фронтов, отдельных армий) — кроме того, инспектора, согласно штатов, устанавливаемых военной коллегией Верховного Суда Союза ССР по соглашению с Народным Комиссариатом по Военным и Морским Дела.

6. Назначение, увольнение и перемещение председателей, их заместителей и членов военных трибуналов производится с соблюдением порядка, установленного ст. 16 п. «б» Положения о Верховном Суде Союза ССР (Вестник ЦИК, СНК и СТО Союза ССР, 1923, №10. ст. 311).

Назначение, увольнение и перемещение военных следователей проводится военными трибуналами, но согласованию с подлежащими военными прокурорами и с последующим утверждением военной коллегией Верховного Суда Союза ССР.

Назначение, увольнение и перемещение инспекторов, секретарей, а равно обслуживающего персонала производится председателем соответствующего военного трибунала.

7. Военные трибуналы получают все виды довольствия от Народного Комиссариата по Военным и Морским Дела. Весь личный состав военных трибуналов, за исключением лиц, работающих по вольному найму, состоит на действительной военной службе со всеми вытекающими отсюда последствиями, за изъятиями, установленными ст. ст. 6 и 33 настоящего Положения.

II. Подсудность военных трибуналов

8. Военным трибуналам подсудны дела:

а) о воинских преступлениях (Собр. Зак. Союза ССР, 1924, № 24, ст. 207);

б) о преступлениях государственных, должностных и имущественных, предусмотренных ст. ст. 58—62,64,65,68,69,70,72,73, 76, 97 ч. 2, 109, 111—117, 180 п.п. «д», «е» и «ж» и 180 а Уголовного Кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик, если притом преступления эти совершены военнослужащими и угрожали крепости и мощи рабоче-крестьянской красной армии и воинской дисциплине;

в) об иных преступлениях, угрожающих крепости и мощи рабоче-крестьянской красной армии, рассмотрение которых будет поручено военным трибуналам в порядке применения 1 к ст. 21 Основ судостройства Союза ССР и союзных республик (Собр. Зак. Союза ССР,

1924, № 23, ст. 203);

г) о всех преступлениях, совершенных кем бы то ни было в местностях, где в силу исключительных обстоятельств не функционируют общие суды.

9. При наличии в доле нескольких обвиняемых (исполнителей преступления), из которых одни или несколько подсудны военному трибуналу, а другие — общим судам, дело, при невозможности его разделения, рассматривается в отношении всех обвиняемых военных трибуналом.

При наличии в деле обвинения по нескольким преступлениям, из которых одно или несколько подсудны общим судам, а другие — военному трибуналу, дело в отношении всех преступлений, связанных между собой единством действия или намерения, рассматривается военным трибуналом. В противном случае преступления эти подлежат отдельному рассмотрению общих судов и военного трибунала по принадлежности.

10. Военному трибуналу дивизии подсудны дела о преступлениях, совершенных военнослужащими до командира неотдельного батальона включительно и равных ему по положению лиц.

Военному трибуналу корпуса подсудны дела о преступлениях, совершенных военнослужащими, занимающими должность до командира полка включительно и равных ему по положению лиц.

Военному трибуналу округа (фронта, отдельной армии, флота) подсудны дела о всех военнослужащих, за исключением лиц, персонально подсудных военной коллегии Верховного Суда Союза ССР, согласно ст. 56 Наказа Верховному Суду Союза ССР (Собр. Зак. Союза, 1924, № 2, ст. 25).

III. Военная прокуратура

11. Военные прокуроры и их помощники состоят при военных округах (фронтах, отдельных армиях, флотах), корпусах, дивизиях, а равно при других войсковых соединениях, где имеются военные трибуналы (примечание к ст. 1).

12. Военные прокуроры округов (фронтов, отдельных армий, флотов) состоят в непосредственном подчинении старшему помощнику прокурора Верховного Суда Союза ССР по военной коллегии и военной прокуратуре.

Военные прокуроры корпусов, дивизий и других войсковых соединений, где имеются военные трибуналы, состоят в непосредственном подчинении военному прокурору соответствующего округа (фронта, отдельной армии).

Помощники прокуроров состоят в непосредственном подчинении соответствующим прокурорам.

Прокурор нижестоящий подчиняется исключительно вышестоящему прокурору.

13. Учреждение новых должностей военных прокуроров и их помощников и упразднение существующих должностей осуществляется прокурором Верховного Суда Союза ССР, но согласовании с Народным Комиссариатом по Военным и Морским Дела́м.

В том же порядке устанавливаются штаты военной прокуратуры и состоящего при ней обслуживающего персонала.

14. Назначение, увольнение и перемещение военных прокуроров и их помощников производится в порядке, установленном ст. 23 Положения о Верховном Суде Союза ССР, причем назначение, увольнение и перемещение военных прокуроров округов (фронтов, отдельных армий, флотов) и их помощников согласовываются с Народным Комиссариатом по Военным и Морским Дела́м, а военных прокуроров корпусов и дивизий и их помощников—с революционным военным советом соответствующего округа (фронта, отдельной армии), а где таковых нет—с соответствующим командующим войсками.

15. Военные прокуроры, их помощники и обслуживающий военную прокуратуру персонал получают все виды довольствия от Народного Комиссариата по Военным и Морским Дела́м. Личный состав военной прокуратуры и обслуживающий ее персонал, за исключением лиц, работающих по вольному найму, состоят на действительной военной службе, со всеми вытекающими отсюда последствиями, за изъятиями, установленными ст. ст. 12, 14 и 38 настоящего Положения.

16. На военную прокуратуру возлагается:

а) осуществление общего надзора за законностью действий всех должностных лиц и учреждений рабоче-крестьянской красной армии;

б) опротестование нарушающих закон приказов, циркуляров, постановлений и иных распоряжений, за исключением оперативных;

в) возбуждение в подлежащих случаях судебного преследования;

г) осуществление всех функций прокурорского надзора по делам, подсудным военным трибуналам;

д) надзор за всеми органами следствия и дознания, действующими в рабоче-крестьянской красной армии, а кроме того, и за особыми отделами Объединенного Государственного Политического Управления, в последнем случае в порядке Положения об Объединенном Государственном Политическом Управлении;

е) надзор за правильностью содержания под стражей лиц, числящихся за военными трибуналами, а равно органами следствия и дознания,

указанными в предыдущем пункте, а также за правильностью содержания под стражей военнослужащих, числящихся за всеми органами следствия и дознания во всех местах заключения, с том, что об обнаруженных в последнем случае неправильностях в содержании под стражей военнослужащих уведомляется соответствующий прокурор;

ж) надзор за исполнением приговоров военных трибуналов.

17. Военные прокуроры имеют право:

а) требовать от всех должностных лиц и учреждений Народного Комиссариата по Военным и Морским Делах для просмотра копии их приказов, циркуляров, постановлений и иных распоряжений, за исключением оперативных;

б) присутствовать на всех заседаниях учреждений Народного Комиссариата по Военным и Морским Делах с правом совещательного голоса, кроме заседаний по оперативным вопросам;

в) требовать от военных трибуналов дела в порядке судебного надзора;

г) требовать необходимые сведения от всех учреждений и должностных лиц, приводящих в исполнение приговоры военных трибуналов.

18. Военная прокуратура в своей деятельности руководствуется законодательством Союза ССР и законодательством соответствующей союзной республики.

IV. О производстве дел в военно-судебных учреждениях

19. При производстве дел военные трибуналы, а равно военные следователи и органы дознания руководствуются:

а) законодательством Союза ССР и

б) законодательством, в том числе уголовным и уголовно-процессуальным кодексами, той союзной республики, на территории которой совершено рассматриваемое преступление.

20. Органами дознания в рабоче-крестьянской красной армии являются командиры и комиссары отдельных воинских частей, а также начальники и комиссары учреждений рабоче-крестьянской красной армии по делам о преступлениях, совершенных военнослужащими в расположении воинской части или учреждения.

Примечание. По делам о преступлениях, совершенных военнослужащими вне расположения части или учреждения, предварительное расследование производится общими органами дознания.

21. Производство дознания не может продолжаться более одного месяца. По делам, подсудным военным трибуналам, весь материал дознания препровождается военному следователю, в участке которого

состоит орган дознания:

а) для прекращения дела, при отсутствии в нем признаков преступления или при обнаружении нарушителей;

б) для предания суду при наличии в деле, но которому производство предварительного следствия не является обязательным, признаков преступления;

в) для производства предварительного следствия, когда таковое по делу является обязательным.

Примечание. В случаях, предусмотренных п. «в» настоящей статьи, органы дознания ограничиваются производством только тех действий, которые необходимы в целях немедленного расследования дела и воспрепятствования уклонению подозреваемых от следствия и суда, а равно уничтожению и сокрытию следов преступления, после чего, не выжидая конца месячного срока, немедленно передают весь материал дознания следователю.

22. По делам о преступлениях, совершенных военнослужащими, но неподсудных военным трибуналам, органы дознания в Рабоче-крестьянской Красной Армии при направлении дознаний руководствуются уголовно-процессуальным кодексом соответствующей союзной республики.

23. Аресты лиц, не принадлежащих к составу рабоче-крестьянской красной армии, а равно обыски и выемки у них производятся через общие органы дознания.

24. Надзор за производством дознания по каждому отдельному делу органами, указанными в ст. 20, принадлежит военному следователю того участка, в котором состоит данный орган дознания.

25. Предварительное следствие по делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 2—4, 6—8, 10, 11, 14, 17, 19 Положения о воинских преступлениях (Собр. Зак. Союза ССР, 1924, № 24, ст. 207 и Собр. Зак. Союза ССР, 1926, № 15, ст. 106) не обязательно и может быть произведено в каждом отдельном случае по усмотрению следователя или по предложению прокурора, или по определению военного трибунала. По остальным делам, подсудным военным трибуналам, производство предварительного следствия обязательно.

26. Военный следователь, получив в порядке ст. 21 настоящего Положения, материалы дознания, либо прекращает дело, либо постановляет о предании обвиняемого суду, либо возвращает дело для производства дополнительного дознания, либо приступает к производству предварительного следствия.

27. Предварительное следствие производится военным следователем под надзором военной прокуратуры.

Предложения военного прокурора, наблюдающего за производством следствия, обязательны для военного следователя. При несогласии с предложением военного прокурора военный следователь в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальными кодексами союзных республик, в праве, не останавливая исполнения, перенести возникшее разногласие на разрешение подлежащего военного трибунала.

28. Военные трибуналы действуют применительно к процессуальным правилам, установленным для губернских (и соответствующих им) судов уголовно-процессуальными кодексами союзных республик.

Приговоры, выносимые военными трибуналами, провозглашаются именем Союза ССР.

29. Кассационной инстанцией для всех военных трибуналов является военная коллегия Верховного Суда Союза ССР.

30. Приговоры военных трибуналов, действующих в местностях, объявленных на военном положении на театре военных действий (ст. 16 и 17 Положения о чрезвычайных мерах революционного порядка — Собр. Зак. Союза ССР, 1925, № 25, ст. 167) кассационному обжалованию не подлежат и могут быть отменены и изменены лишь в порядке надзора (ст. 33).

31. В местностях, объявленных на военном положении не на театре военных действий (ст. 9—14 Положения о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка), военным трибуналам предоставляется право, в случае вынесения приговора, присуждающего к расстрелу, и подачи осужденным кассационной жалобы, входить в течение 24 часов после вынесения приговора в революционный военный совет; а там где его нет; к командующему соответствующего войскового соединения с представлением о непропуске кассационной жалобы и обращении приговора к исполнению.

Представление военного трибунала о непропуске кассационной жалобы не освобождает его от соблюдения правил, предписанных предыдущей статьей, и получение соответствующего распоряжения о приостановке приговора имеет силу независимо от разрешения вопроса о непропуске жалобы.

32. Частные жалобы и протесты на определение распорядительных заседаний военных трибуналов рассматриваются в распорядительных заседаниях тех же военных трибуналов, но в другом составе присутствия.

Жалобы и протесты на определения о прекращении дел

рассматриваются военной коллегией Верховного Суда Союза ССР.

33. Председателю и прокурору Верховного Суда Союза ССР, председателю военной коллегии Верховного Суда Союза ССР и старшему помощнику прокурора Верховного Суда Союза ССР по военной коллегии и военной прокуратуре принадлежит право истребования судебных дел из всех военных трибуналов для рассмотрения их в порядке надзора и право приостановки приговоров по этим делам.

Всякий военный трибунал по получении требования о высылке дела немедленно препровождает таковое, приостановив по нему производство. В тех случаях, когда по данному делу происходит судебное заседание, отсылка дела допускается лишь после вынесения приговора.

В местностях, объявленных на военном положении на театре военных действий, право приостановки приговоров, присуждающих к расстрелу, принадлежит также революционному совету фронта, флота или армии, а где таковых нет — командующему, с тем, однако, что о приостановке приговора революционный военный совет или командующий не позднее 24 часов сообщает кому-либо из лиц, перечисленных в первой части настоящей статьи, от которых зависят дальнейшие распоряжения по делу.

Прокурору Верховного Суда Союза ССР и его старшему помощнику по военной коллегии и военной прокуратуре, кроме того, принадлежит право истребования дел, не переданных еще в военные трибуналы и находящихся в стадии предварительного следствия или на рассмотрении военной прокуратуры.

34. Истребованное председателем Верховного Суда Союза ССР или председателем военной коллегии Верховного Суда Союза ССР из военного трибунала дело поступает на заключение старшего помощника прокурора Верховного Суда Союза ССР по военной коллегии и военной прокуратуре. Если последний не усмотрит в производстве по делу существенных нарушений, то доводит о том до сведения истребовавшего дело председателя Верховного Суда Союза ССР или председателя военной коллегии Верховного Суда Союза ССР. В случае согласия их, производство в порядке надзора прекращается и дело немедленно возвращается в соответствующий трибунал.

При несогласии истребовавшего дело председателя Верховного Суда Союза ССР или председателя военной коллегии Верховного Суда Союза ССР с заключением старшего помощника прокуратура Верховного Суда Союза ССР, а равно во всех случаях, когда последний усмотрит в производстве по делу существенные нарушения, дело с соответствующим заключением направляется в военную коллегию Верховного Суда Союза

ССР.

35. Истребованное прокурором Верховного Суда Союза ССР или его старшим помощником по военной коллегии и военной прокуратуре дело, если оно находится в стадии предварительного следствия или на рассмотрении военной прокуратуры, возвращается по принадлежности с преподанием соответствующих указаний.

Если же истребованное дело уже было внесено в военный трибунал, то при наличии существенных нарушений дело направляется с заключением старшего помощника прокурора Верховного Суда Союза ССР в военную коллегия Верховного Суда Союза ССР. При отсутствии существенных нарушений производство в порядке надзора прекращается и дело возвращается в военный трибунал.

36. О всяком приговоре, присуждающем к расстрелу, военный трибунал, независимо от наличия или отсутствия кассационной жалобы или протеста, немедленно сообщает телеграфно председателю военной коллегии Верховного Суда Союза ССР и старшему помощнику прокурора Верховного Суда Союза ССР по военной коллегии и военной прокуратуре, а в местностях, объявленных на военном положении на театре военных действий, также соответствующему революционному совету или командующему (ст. 33), с указанием числа, месяца, часов вынесения приговора, краткого существа обвинения, статей уголовного закона, на котором состоялось осуждение, фамилии, имени, отчества, классовой принадлежности и должностного положения, а также возраста и образования осужденного.

а) либо от лиц или органов, перечисленных в ст. 33 настоящего Положения;

б) либо от Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР;

в) либо от президиума центрального исполнительного комитета союзной республики, на территории которой вынесен данный приговор, который, отдав распоряжение о приостановке приговора, одновременно должен возбудить перед Президиумом Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР вопрос о помиловании осужденного.

При наличии кассационной жалобы или протеста, приговор, во всяком случае, не приводится в исполнение впредь до рассмотрения жалобы или протеста в военной коллегии Верховного Суда Союза ССР <..>

V. О дисциплинарной ответственности работников военных трибуналов и военной прокуратуры

38. Порядок дисциплинарной ответственности работников военных

трибуналов и военной прокуратуры определяется особым постановлением, утвержденным в законодательном порядке.

Председатель ЦИК Союза ССР

М. КАЛИНИН

Председатель СНК Союза ССР

А. РЫКОВ

Секретарь ЦИК Союза ССР

А. ЕНУКИДЗЕ

(Сайт: Библиотека нормативно-правовых актов СССР).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРИКАЗ ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ О ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЯ 2 К СТАТЬЕ 28 УК РСФСР (СООТВЕТСТВУЮЩИХ СТАТЕЙ УК ДРУГИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК) И НАПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ

№ 004/0073/006/23 от 26 января 1944 г.

Проверкой установлено, что судебные органы в ряде случаев необоснованно применяют отсрочку исполнения приговора с направлением осужденных в действующую армию (примечание 2 к статье 28 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других республик) к лицам, осужденным за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, ворами-рецидивистам, лицам, имевшим уже в прошлом судимость за перечисленные преступления, а также неоднократно дезертировавшим из Красной Армии.

Вместе с тем пет должного порядка осужденных с отсрочкой исполнения приговоров в действующую армию.

Вследствие этого многие осужденные имеют возможность дезертировать и снова совершать преступления.

В целях устранения указанных недостатков и упорядочения практики передачи осужденных в действующую армию — приказываю:

1. Запретить судам и военным трибуналам применять примечание 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующие статьи УК других союзных республик) к осужденным за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, ворами-рецидивистам имевшим уже в прошлом судимость за перечисленные выше преступления, а также неоднократно дезертировавшим из Красной Армии.

По остальным категориям дел при решении вопроса об отсрочке исполнения приговора с направлением осужденного в действующую армию судам и военным трибуналам учитывать личность осужденного, характер совершенного преступления и другие обстоятельства дела.

2. Органам расследования, а по делам, по которым предварительное расследование не производится, судам точно устанавливать отношение обвиняемых к воинской обязанности, прошлые судимости и другие данные,

характеризующие обвиняемых.

3. Отсрочку исполнения приговора судам и военным трибуналам применять лишь в отношении тех лиц, сверстники которых призваны (мобилизованы) в Красную Армию.

4. Отсрочку исполнения приговора с направлением осужденного в действующую армию судам и военным трибуналам предусматривать в самом приговоре.

5. При вынесении приговора с применением примечания 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других союзных республик) судам и военным трибуналам в качестве меры пресечения осужденным оставлять, как правило, содержание под стражей и направлять их под конвоем обратно в места заключения.

6. Судам и военным трибуналам, вынесшим приговор, немедленно направлять копии его начальнику места заключения и в соответствующий районный (городской) военкомат по месту содержания осужденного.

Сообщать военкомату место содержания осужденного под стражей.

Начальнику места заключения, но вступлении в законную силу приговора, но которому применено примечание 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующие статьи УК других союзных республик), в суточный срок извещать соответствующий районный (городской) военкомат. Последнему не позже чем в трехдневный срок производить медицинское освидетельствование осужденного по месту содержания его под стражей.

7. Лиц, признанных годными к службе в действующей армии, военкоматам принимать в местах заключения под расписку и отправлять в штрафные батальоны военных округов для последующей отправки их в штрафные части действующей армии вместе с копиями приговоров.

При поступлении осужденных в штрафные части сроки пребывания в них устанавливать командирам войсковых частей.

8. Командующим войсками военных округов и начальникам гарнизонов для сопровождения осужденных из мест заключения в пункты сбора и оттуда в штрафные части действующей армии назначать опытных и энергичных офицеров, сержантов и красноармейцев, способных поддерживать строгий порядок и дисциплину в пути.

В пунктах сбора осужденных до отправки в штрафные части содержать под охраной.

9. О лицах, признанных негодными к службе в действующей армии, военкоматам в трехдневный срок извещать суд или военный трибунал, вынесший приговор. Последним в этом случае в порядке статьи 461 УПК РСФСР (и соответствующих статей УПК других союзных республик)

немедленно выносить определение об отмене отсрочки исполнения приговора и обращаться его к исполнению.

10. У лиц, к которым была применена мера пресечения, не связанная с содержанием под стражей, судам немедленно по вынесении приговора отбирать подписку о явке в военкомат и одно временно направлять в военкомат копию приговора.

В случае призвания осужденного к службе в действующей армии военкоматам и судам действовать в порядке, предусмотренным пунктом 9 настоящего приказа.

11. Приказы НКО, НКВД, НКЮ и Прокурора Союза ССР №74/15/115 от 13 марта 1942 г. и №0114/054/016/7с от 10 февраля 1943 г., а также приказ НКО и НКВД Союза ССР № 0571/0285 от 23 июля 1942 года в части, касающейся осужденных, к которым применяется примечание 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующие статьи УК других союзных республик), считать утратившими силу.

Заместитель Народного комиссара обороны

Народный комиссар внутренних дел

Л. БЕРИЯ

Маршал Советского Союза

ВАСИЛЕВСКИЙ

Народный комиссар юстиции СССР

Н. РЫЧКОВ

Прокурор СССР

К. ГОРШЕНИН

(ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 83. Л. 8—9.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР № 227

28 июля 1942 г. Г. Москва

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население пашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должен понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского Союза — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов и фабрик. Мы потеряли более 70 млн. населения, более 80

млн. пудов хлеба в год и более 10 млн. тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекрати отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш плавный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы нам это ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и нага фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять свою Родину.

Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование — ни шагу

назад без приказа высшего командования.

Командир роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот приказ — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

***ВЕРХОВНОЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ
ПРИКАЗЫВАЕТ:***

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:
 - а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны

якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для при влечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от 1 до 3 (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае пашней и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизии выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны

И. СТАЛИН

(ЦАМО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122—128).

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ПРИКАЗ ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ О НАКАЗАНИИ ВИНОВНЫХ В СРЫВЕ БОЕВОГО ПРИКАЗА О СОСРЕДОТОЧЕНИИ ТАНКОВЫХ ЧАСТЕЙ В 40-Й АРМИИ

№ 006

20 января 1944 г.

Согласно боевому приказу, отданному мною и военным советом 1-го Украинского фронта, должны были сосредоточиться и поступить в подчинение командующего 40-й армией: 233 тбр — к утру 15.1.44 г., батальон 242 тбр — к 6.00 17.1.44 г., 55 гв. тбр — к 8.00 17.1.44 г.

Выполнение этого боевого приказа было сорвано, и ни одна из названных выше танковых частей своевременно не сосредоточилась. Также было задержано на 2 дня поступление 20 танков, предназначенных для 5 гсктк.

Произведенным по моему приказу расследованием установлено, что все это имело место в силу расхлябанности со стороны командиров танковых частей и неорганизованности штабов.

Начальник штаба 242 тбр подполковник Смирнов преступно халатно отнесся к выполнению порученного ему приказа, явившись к месту сосредоточения танков с опозданием на 2 часа 30 минут.

Заместитель командующего 1 ТА генерал-майор Баранович, будучи обязан на месте лично контролировать выполнение приказа и видя, что подполковник Смирнов проявляет преступную медлительность, необходимых мер к своевременному выполнению приказа не принял.

Приказ о сосредоточении 55 гв. тбр был вручен командиру бригады гвардии подполковнику Бородину с запозданием на 1 час 30 минут. Командир бригады, выйдя на марш, не имел даже карты заданного маршрута. Начальник штаба 3 гв. ТА генерал-майор Митрофанов не контролировал за своевременным вручением и исполнением приказа о сосредоточении 55 гв. тбр.

Командиры 233 тбр не были снабжены картами.

Поступление 20 танков 5 гв. сктк было задержано по вине генерал-лейтенанта Штевнева.

Командующий БТ и МВ 40-й армии подполковник Епифанцев, обязанный организовать встречу и продвижение танковых частей, проявил полное бездействие, и ни одна из прибывших танковых частей представителями 40-й армии встречена не была.

Установлено, что командующий БТ и МВ 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант Штевнев необходимой требовательности к подчиненным не проявляет, решительной борьбы с фактами расхлябанности, нарушения дисциплины в танковых частях не ведет.

Свой штаб в должной мере не использует и четкости его работы не организовал.

Приказываю:

1. Начальника штаба 242 тбр подполковника Смирнова с должности снять и передать суду военного трибунала.

2. Командующего БТ и МВ 40-й армии подполковника Епифанцева с должности снять и использовать как инженера по специальности.

3. Генерал-лейтенанту Штевневу, генерал-майорам Барановичу и Митрофанову объявить выговор и предупредить их, что в случае допущения ими неорганизованности и недисциплинированности они будут сняты с должностей и привлечены к ответственности.

4. Обратить внимание всех командующих танковыми армиями на необходимость немедленного изжития расхлябанности, имеющей место в танковых частях, и на недопустимую медлительность при производстве перегруппировок.

Настоящий приказ объявить генеральскому и офицерскому составу бронетанковых и механизированных войск Красной Армии до командира бригады включительно.

По ознакомлении приказ в установленном порядке уничтожить.

Первый заместитель Народного комиссара обороны

Маршал Советского Союза Г. ЖУКОВ

(ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д.83. Л. 14—16).

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ 4 УКРАИНСКОГО ФРОНТА

Действующая армия

15 февраля 1945 г.

№ 041

Содержание: О наказании генерал-полковника Гречко за нанесение оскорблений и побоев подчиненному офицеру

2 февраля 1945 года командующий 1 гвардейской армии генерал-полковник Гречко, проверяя готовность войск 2 гск к наступлению, установил, что командующий артиллерией 271 сд полковник Ханович, несмотря на то что артиллерия дивизии вела на занимаемом рубеже бой четвертые сутки, оказалась к бою не готова.

Генерал-полковник Гречко, не ограничившись руганью и бранью по адресу полковника Хановича, избил последнего, после чего приказал его арестовать.

В последующие дни полковник Ханович приказом по армии был отстранен от должности.

Расследованием подтверждены факты оскорбления и нанесения побоев генерал-полковником Гречко полковнику Хановичу. Также подтверждается и то, что полковник Ханович, будучи грамотным и опытным офицером-артиллеристом, проявил бездеятельность по службе, допустив серьезные упущения в подготовке к бою артиллерии, что и подтвердилось ходом следующего дня.

Считая оскорбление и нанесение побоев генералом подчиненному офицеру совершенно недопустимым и унижающим достоинство, воинскую честь генерала и офицера Красной Армии,

Приказываю:

Командующему 1 гвардейской армии генерал-полковнику Гречко, за оскорбление и нанесение побоев офицеру — объявить выговор.

Служебную деятельность полковника Хановича, переведенного в другую часть и другую армию, командующему артиллерией фронта взять под особый контроль.

Приказ объявить командующим армиями, членам Военных советов, начальникам штабов армий, командующим родами войск армий и фронта и

всем генералам.

В связи с данным случаем обращаю внимание командующих армиями и членов Военных советов, что в войсках широко практикуются со стороны генералов и старших офицеров по отношению к подчиненным не вызываемые обстановкой и необходимостью ругань, бессмысленные оскорбления, роняющие достоинство нашего офицера и генерала.

Такое поведение многих старших начальников недопустимо. В этом отношении руководящий состав армий должен дать в войсках направление, соответствующее чести и достоинству офицеров и генералов Красной Армии.

Командующий войсками 4 УФ

Генерал армии — Петров

Начальник штаба 4 УФ

Генерал-лейтенант — Корженевич

(ЦАМО. Ф. 393. Оп. 9023. Д. 124. Л. 197).

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Главный военный прокурор

Заместителю наркома обороны СССР

Армейскому комиссару 1 ранга тов. Мехлису Л.З.

27 сентября 1941 года

10—20 июля сего года части 25-го ск, занимавшие оборону в районе города Витебска, Сураж-Витебский, позорно разбежались, открыли дорогу противнику для продвижения на восток, а впоследствии, попав в окружение, потеряли большинство личного состава и материальную часть.

Произведенным по поводу этого следствием установлено следующее: 25-й ск в составе 127-й, 134-й и 162-й сд в конце июня 1941 года из города Сталино — Донбасс был переброшен в район города Киева, куда прибыл к 1 июля.

Из Киева по приказу командующего 19-й армии корпус переброшен в район Смоленска для занятия обороны по реке Западная Двина в районе города Витебска и города Сураж-Витебский, протяжением около 70 километров.

Погрузка и отправка частей по железной дороге из Киева проходила 2—4 июля. Руководство погрузкой и продвижением частей отсутствовало, в результате чего прибытие эшелонов не согласовывалось с предстоящим выполнением боевых задач, в связи с чем прибывающие части вводились в бой без организованного сосредоточения. К 10 июля штаб корпуса расположился в лесу севернее города Витебска у села Мишутки.

На 11 июля в районе расположения корпуса находились: 442-й кап, 263-й отд. бат. связи, 515-й, 738-й сп и 410-й лап 134-й сд, 501-й сп 162-й сд, 1-й стр. батальон и дивизион гаубичного артиллерийского полка 127-й сд.

Несколько правее от штаба корпуса в районе села Прудники располагался штаб 134-й сд, в составе которой здесь находились два батальона 629-го сп, два батальона 738-го сп, батальон связи, зенитный арт. дивизион, один дивизион гаубичного арт. полка.

По приказанию штакара два батальона 501-го сп 162-й сд заняли оборону на западном берегу реки Западная Двина, севернее города

Витебска. Части 134-й сд в составе 2-х батальонов 629-го сп и одного батальона 738-го си заняли оборону по западному берегу Западной Двины в районе села Прудники, между городами Витебском и Сураж-Витебском. Остальные части находились на восточном берегу реки Западной Двина.

Днем 11 июля на участке обороны, занимаемой двумя батальонами 501-го сп, мотомехчасти противника неизвестной численности (разведка отсутствовала) прорвались через Западную Двину на шоссе Витебск — Смоленск и Витебск — Сураж. Указанные два батальона 501-го сп, не имея надлежащего руководства, в панике разбежались. Охваченный паникой (окружения), в ночь на 12 июля начал менять свое месторасположение штаб корпуса.

К 16.00 12 июля командир корпуса генерал-майор Честохвалов с группой штабных работников и батальоном связи, бросив часть автомашин, прибыл на КП 134-й сд в село Прудники. Их прибытие сразу внесло панику в части дивизии, так как прибывшие, в том числе и сам Честохвалов, панически рассказывали о якобы нанесенных немцами потерях частям 162-й сд, бомбежке их с воздуха и т.п. К 17.00 в тот же день генерал-майор Честохвалов сообщил, что мехчасти противника прорвались в районе Витебска и движутся по шоссе Витебск — Сураж (штаб окружен). Приказал корпусным частям отходить на восток, бросив на произвол находившиеся в обороне на западном берегу Западной Двины части 134-й сд. Только командир 134-й сд комбриг Базаров и комиссар Кузнецов, вопреки указанию командующего корпусом, остались на месте в районе села Прудники и руководили находившимися в обороне частями 629-го и 738-го сп, помогая им обратно переправиться через реку Западной Двина, а затем выходить из окружения.

После указания командира корпуса Честохвалова об отступлении началось паническое бегство на восток. Первыми побежали штаб корпуса и 2-й эшелон штаба 134-й сд, возглавляемый начальником штаба дивизии подполковником Светличным, который с 9 июля на КП отсутствовал (отстал) и только к моменту отхода 12 июля прибыл в село Прудники.

Автомашины без руководства в панике неслись на восток на местечко Яновичи. Паническое бегство штабных командиров губительно отразилось на частях и местных советских органах, которые бросали все и бежали на восток, еще не видя никакого противника и даже не слыша стрельбы.

13 июля штаб корпуса остановился у местечка Яновичи, но 14 июля переехал в лес у села Понизовье, бросив всякое управление частями корпуса и потеряв связь со штабом армии. По примеру штаба корпуса разбежались воинские части, не оказывая никакого сопротивления

противнику, бросая материальную часть и снаряжение. 14 июля, боясь дальше двигаться без прикрытия и охраны, командир корпуса Честохвалов выделил несколько командиров и приказал собрать хотя бы небольшую группу войск, разбросанных в округности по проселочным дорогам, чтобы под их прикрытием организовать дальнейшее отступление войск.

К исходу дня 14 июля в лесу были сосредоточены: 515-й сп, 410 лап, батальон 738-го сп 134-й сд, два дивизиона 567-го лап 127-й сд, один батальон 395-го сп 162-й сд и мелкие подразделения других частей, всего около 4000 человек, вооруженных винтовками, пулеметами, гранатами, артиллерией, минометами с запасами боеприпасов.

В штабе корпуса находились: 1) командир корпуса генерал-майор Честохвалов; 2) военком бригадный комиссар Кофанов; 3) начальник политотдела полковой комиссар Лаврентьев; 4) начальник штаба полковник Виноградов; 5) помощник начальника штаба полковник Стуков; 6) начальник особого отдела старший лейтенант госбезопасности Боганько и другие, около 30 человек.

Из штаба 134-й сд — начальник политотдела батальонный комиссар Хрусталева, начальник артиллерии подполковник Глушков и другие. Сюда же в лес 14 июля вечером прибежал переодетым в гражданское платье, без личного оружия начальник штаба 134-й сд подполковник Светличный.

Командир корпуса Честохвалов принял решение: не ожидая подхода остальных частей корпуса, продолжать отходить на восток, продвигаясь только лесами и только ночью, не входя в соприкосновение с противником, категорически запрещая стрелять в немцев. Трусость командования корпуса доходила до крайности. По приказанию командира корпуса полковник Виноградов пытался застрелить водителя одной из автомашин колонны, у которого случайно произошел гудок от замыкания. Тут же лично побил сигнальные рожки во всех автомашинах, чтобы не повторился случайный гудок и не выдать противнику местонахождение колонны штаба. Так двигались 14, 15 и 16 июля. Пройдя 60—70 километров, сосредоточились в лесу у села Букине.

16 июля в этом лесу командир корпуса Честохвалов провел совещание начсостава и приказал бросить все имущество, оставить только носимое при себе. Были брошены: личные вещи начсостава, две рации, смазочные материалы, масса противогазов, пулеметные диски и коробки, документы, часть обоза, лошади и другое имущество. Здесь же Честохвалов объявил дальнейший маршрут отступления на восток по направлению на село Овсянкино. Движение из Букине помечалось двумя колоннами в 20.00 16 июля, причем колонна 10—12 легковых автомашин штаба корпуса вместе с

броневиком охранения должна была двигаться в хвосте правой колонны. Для разведки по намеченному маршруту в 18.00 выслан конный отряд в 25 человек. Однако командир корпуса не стал ждать результатов разведки, изменил свое прежнее решение и в 19.00 приказал колониям двигаться по намеченному маршруту, а сам с колонной штабных автомашин бросил части позади и уехал по направлению село Овсянкино. При въезде в село Рыпшево в 23.00 колонна штаба была встречена окриками (Стой!) и беспорядочной стрельбой незначительного отряда немецкой разведки, но словам очевидцев, разведчиков было около 10 человек.

Возглавлявший автоколонну на первой машине начальник штаба корпуса полковник Виноградов, не останавливая машины, проехал и выскочил за село. Следовавший за ним во второй матине командир корпуса генерал-майор Честохвалов остановил машину, бросил личное оружие, поднял руки и пошел к немцам. Находившийся с ним в машине начальник инженерной службы штаба корпуса подполковник Егоров выскочил из машины и бросился в другую сторону, через огороды в лес. То же сделали остальные командиры и политработники штаба корпуса; и стрелок автоброневика, и водители, следовавшие на своих машинах, бросили машины, документы и все, что было, без единого выстрела разбежались по кустам.

Полковник Виноградов, проехав 1—1,5 км за село, побоялся ехать дальше, бросил машину и с шофером ушел в лес, а оттуда одиночным порядком пробирался в сторону частей Красной Армии из так называемого (окружения). Разбежавшиеся от машин комиссары Кофанов и Лаврентьев, полковники Виноградов и Стулов и другие штабные командиры, зная, что по этой дороге движутся части корпуса и могут попасть в засаду немцев, не предупредили об этом командиров частей.

17 июля, когда наши части подошли к указанному месту, немцы, подтянув силы, встретили их сильным огнем. Командиры соединений по своей инициативе вступили в бой, длившийся 2—3 часа, потеряв 130 человек убитыми и ранеными, под прикрытием артиллерии 410-го и 567-го лап вывели свои части обратно в лес.

18 июля группа командиров штаба корпуса, разбежавшихся у села Рыпшево от немецкой разведки, в количестве 12—13 человек под руководством помощника начальника штаба корпуса подполковника Стулова подошли к находившимся в лесу частям корпуса. Эти части возглавляли помощник начальника штаба 134-й сд подполковник Светличный и начальник политотдела дивизии Хрусталева. Подполковник Светличный обратился к Стулову и находившимся с ним командирам штаба

корпуса с предложением присоединиться к частям и возглавить руководство по выводу их из окружения. Полковник Стулов и находившиеся с ним командиры штаба корпуса отклонил это предложение и заявили, что меньшей группой им легче будет пробираться на сторону советских войск, и через пару дней ушли одиночным порядком.

Находясь в окружении, под влиянием трусости некоторые командиры и политработники, чтобы скрыть свою принадлежность к командному составу Красной Армии, посрывали знаки различия и петлицы, обменяли свое воинское обмундирование на гражданские костюмы, а часть из них даже уничтожила личные и партийные документы. Начальник политотдела корпуса полковой комиссар Лаврентьев уничтожил партийный билет, обменял свое комсоставовское обмундирование на рваный костюм (заключенного), отпустил бороду, повесил котомку за плечи и, как трус и бездельник, несколько дней двигался за частями, ничего не делая, деморализуя личный состав своим внешним видом. Когда ему предложили военное обмундирование, он отказался и одиночным порядком в своем костюме (заключенного) пошел на восток.

Также одиночным порядком пробирались военком корпуса бригадный комиссар Кофанов, полковник Сгулов, начальник особого отдела корпуса старший лейтенант госбезопасности Богатко. Последний вместе со своей машинисткой, переодевшись в костюмы колхозников, выдавая себя за (беженцев), пробирались в город Вязьму.

Подполковник Светличный, возглавлявший части 134-й сд после бегства работников штаба корпуса, несмотря на наличие достаточного количества огневых средств и людей, продолжая преступную (тактику) командования штаба 25-го ск, вел части только ночью и только лесами. Категорически запрещал вступать в соприкосновение с противником. Все время восхвалял мощь немецкой армии, утверждая о неспособности Красной Армии нанести поражение немцам. Боясь, чтобы стук повозок не демаскировал местонахождение частей дивизии, и столкнувшись с трудностями ночных передвижений, Светличный 19 июля сего года приказал бросить в лесу повозки, лошадей, другое имущество, как (ненужное).

В тот же день он разбил оставшиеся части на три отряда; 1-й отряд — из состава 515-го сп с батареей полковой артиллерии и артиллерии 410-го лап под командованием капитана Цулая; 2-й отряд — из состава 378-го сп с полковой артиллерией и дивизионом 567-го лап, командир отряда капитан Соловцев.

В 3-й отряд вошли остальные части дивизии с двумя батареями 410-го

лап под командой подполковника Светличного.

По приказанию Светличного в ночь на 20 июля отряды выступили по намеченному им маршруту на восток: 1-й и 2-й отряды левой колонной под общим командованием начальника артиллерии дивизии подполковника Глушкова, а 3-й отряд под руководством Светличного — справа. Никакой разведки и связи между отрядами во время движения организовано не было.

Пройдя 10—12 километров, правая колонна, заметив впереди выпущенную противником ракету, по приказанию Светличного повернула обратно, к исходному положению. Сам подполковник Светличный уехал от частей.

Начались паника и бегство.

Весь день 20 июля части 3-го отряда находились без руководства и без связи с 1-м и 2-м отрядами. Только к вечеру из лесу появился подполковник Светличный и начали подходить одиночные бойцы и командиры из 1-го и 2-го отрядов без оружия.

По выяснении оказалось, что во время движения в ночь на 20 июля руководители 1-го и 2-го отрядов, услышав вдалеке шум моторов, посчитали их за танки противника. В испуге начальник артиллерии 134-й дивизии подполковник Глушков приказал бросить материальную часть отрядов, а людям спасаться, кто как может.

21 июля была выделена группа бойцов, одно орудие — вручено Глушкову и приказано забрать оставленную им материальную часть. Однако и на сей раз он струсил, бросил людей и лошадей, а сам скрылся в лесу и больше к частям не подходил.

В результате преступной трусости подполковника Светличного и Глушкова в ночь на 20 июля сего года части 134-й сд, находившиеся в окружении, потеряли: около 2000 человек личного состава (разбежавшиеся из 1-го и 2-го отрядов), часть из них попала в плен к врагу; два дивизиона артиллерии, две батареи полковой артиллерии, много артиллерийских снарядов, более 10 пулеметов, около 100 лошадей и вооружение — оставлено немцам.

27 июля сего года подполковник Светличный с небольшой группой, 60—70 человек, прорвался на сторону частей Красной Армии, оставил в окружении 1000 человек личного состава, раненых и остатки имущества 134-й сд, которые возглавил начальник 5-го отдела штаба 134-й сд капитан Баринов и находился с ними в лесу до прибытия генерал-лейтенанта Болдина, под руководством которого они вышли из окружения 11 августа.

За допущенные преступления считаю необходимым предать суду

военного трибунала:

Бывшего командира 25-го ск генерал-майора Честохвалова как изменника Родине — заочно;

Начальника штаба корпуса полковника Виноградова;

Помощника начальника штаба корпуса полковника Стулова;

Военкома корпуса бригадного комиссара Кофапова;

Начальника политотдела корпуса полкового комиссара Лаврентьева — за проявленные ими трусость, бездействие, паническое бегство от частей и запрещение частям оказывать сопротивление,

Начальника штаба 134-й сд Светличного;

Начальника артиллерии дивизии подполковника Глуткова — за проявленную ими трусость, запрещение частям вступать в соприкосновение с противником и оставление врагу материальной части дивизии.

Главный военный прокурор В. Носов

(ЦАМО. Ф. 913. Оп. 11 309. Д. 70. Л. 160—165).

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

ЧЕСТОХВАЛОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

(1891-1941)

...С началом Великой Отечественной войны 25-й стрелковый корпус под командованием СМ. Честохвалова в составе этой же армии находился в резерве Ставки ВГК, затем в начале июля 1941 г. был передан Западному фронту и вступил в тяжелые бои с превосходящими силами противника. Участвовал во фронтовом контрударе в районе г. Витебск, в Смоленском сражении. Во второй половине июля подвижные соединения противника, прорвав оборону войск армии, окружили соединения корпуса западнее г. Смоленск. За период командования стрелковыми соединениями аттестовывался положительно. В боевой обстановке вел себя спокойно, принимал правильные решения. В ходе боевых действий командир корпуса С.М. Честохвалов не вышел из окружения и с 17 июля 1941 г. считался пропавшим без вести в бою в районе населенного пункта Рибшесво. Однако, по уточненным данным, С.М. Честохвалов 17 июля 1941 г. был пленен немецкими войсками. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 5 мая 1942 г. осужден заочно по ст. 58 п. 1 «б» УК РСФСР («измена Родине, совершенная военнослужащим, добровольная сдача в плен») и приговорен к высшей мере наказания. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 11 августа 1956 г. дело в отношении С.М. Честохвалова было прекращено — «за отсутствием состава преступления». Судьба Сергея Михайловича не известна.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, медалью «XX лет РККА».

(Комкоры. Военный биографический словарь. Том 1.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ

На поставленные Вами вопросы сообщаю следующее:

1. 28 ТД 21.6.41. После совершения 135-й км марша из РИГИ сосредоточилась по приказу штаба округа в р-не ГРУДЖАЯ. Таким образом, 1-й день войны застал дивизию в 14S км от границы. В ночь с 21.6 на 22.6.41 производилась разведка маршрутов вдоль ШЯУЛЯЙ-ТИЛЬЗИТСКОГО шоссе, а в 14.00 22.6 дивизии приказано выступить в совершенно другом направлении, на КУРШЕНАЙ. В новом р-не из корпуса поступило распоряжение, что высылаются 16 цистерн горючего, но вместо чего прислано было 16 бочек, что позволило заправить полностью только 6 танков.

2. С 22-го на 23 июня 28 ТД, совершив ночью марш в направлении УЖВЕНТИС, ЖВИРАДИС, ПОПРУДИС, сосредоточилась в р-не: ЖВЕРАДИС, УЖКИРЯИ, ПОПРУДИС, БОМБАЛИС. Установить связь с 23 ТД при всех попытках не увенчались успехом, так как место ее нахождения никто не знал, в том числе штаб корпуса. Дивизии в течение часа была поставлено 3 задачи:

1. Атаковать в направлении ПАШИЛЕ, ТСАЛТИНЕНАЙ, СКАУДВИЛЕ.

2. Противник прорвался на КРЯЖАЙ — атаковать КРЯЖАЙ.

3. Противник прорвался в направлении ВАРНЯЙ — не допустить его через межозерное дефиле.

В 15.00 23.6 дивизия выступила с двумя танковыми полками (без мотополка, который по приказу Военсовста был оставлен в г. РИГА) выполнять задачу по разгрому КРЯЖАЙСКОЙ группы пр-ка. На марше разведка донесла, что пр-ка в м. КРЯЖАЙ нет. Дивизии пришлось делать поворот на юго-запад и действовать в направлении КАЛТИНЕНАЙ—СКАУДВИЛЕ, предварительно организовав сильную танковую разведку, так как, где пр-к, где свои войска, никто не знал. Ни одной разведсводки, ни оперсводки из штаба корпуса или штаарма не поступало.

После ночного боя в р-не КАЛТИНЕНАЙ дивизия, ведя сильную ночную разведку, вышла в 5 км вост. КАЛТИНЕНАЙ, имея в виду (по моему решению) с рассветом 24.6. атаковать пр-ка после тщательной

разведки в направлении СКАУДВИЛЕ. В 1.00 24.6 лейтенант Фетисов, командир бронероты, привез приказ командира корпуса: «Пр-к прорвался ВАИГОВО рассветом 28 ТД атаковать». М. ВАИГОВО было в 25 км в тылу дивизии на северо-восток, и дивизии пришлось, выполняя приказ, совершить 25-километровый марш в обратном направлении, чтобы с рассветом атаковать, но высланная разведка показала, что пр-ка в ВАИГОВО нет.

В ночь с 24-го на 25 июня дивизии поставлена была задача атаковать в направлении ПАШЛЕ, КЕЛМЕ. Перед выступлением задача была изменена — атаковать на КРЯЖАЙ. Справа по приказу должна была действовать 23 ТД. 25.6. 28 ТД вела 8-часовой бой в районе ПАШЕЛЕ, КАЛТИНЕНАЙ, где она была окружена, а в это время 23 ТД отошла за озера в районе ВАРНЯЙ и приказ о наступлении получила только, как выяснилось на разборе 28.7, после того, когда 28 ТД вышла из боя. 90 СД имела приказ на отход и его начала 24.6.

Таким образом, 12 МК с первых дней войны и до выхода его в резерв фронта действовал:

а) Совершенно разрозненно, но частям и без взаимодействия между дивизиями.

б) Дивизии действовали совершенно самостоятельно, причем с первых дней 28-я ТД была лишена самого необходимого для взаимодействия с танковыми полками и для обеспечения действий танков — мотострелкового полка, который самостоятельно по приказу Военного совета действовал на ЛИБАВСКОМ направлении.

в) Взаимодействия с авиацией или с наземными частями, стрелковыми дивизиями или корпусами не было никакого, и за дач для дивизии или корпуса таких не ставилось, хотя это должно было лечь в основу подготовки операции мех. корпуса.

г) Отсутствие разведывательных данных и отсутствие всякой корпусной или армейской разведки, работающей на корпус, и наличие только ограниченной тактической танковой разведки в дивизиях (причем из-за отсутствия мотострелкового полка разведка была чисто танковая) приводило к тому, что дивизия получала по 3, 4 задачи в день для действия с большими маршами, поворотами и даже перевернутым фронтом, тогда как обстановкой это не вызывалось. На протяжении всего периода боев, начиная с 23.6, от м. КАЛТИНЕНАЙ и до выхода в район ПСКОВ, ни впереди, ни на флангах дивизии не было ни одной стрелковой части, хотя по приказу они должны были быть. Например:

1. При обороне на рубеже р. МУИЖА север. ШЯУЛЯЙ в приказе значилось, что впереди занимает оборону 11 СК. На самом деле 11 СК

оказался далеко сзади, в результате КП штаба 12 МК был совершенно открыт для пр-ка. На этом же КП погибла опергруппа штаба во главе с генерал-майором Шестопаловым.

2. При обороне на сев. берегу р. ЗАП. ДВИНА по приказу справа 28 ТД должна обороняться 48 СД, слева 202 СД. На самом деле оказалось: справа 48 СД без разрешения снялась и ушла, а слева 202 СД совершенно не была на реке, а оказалась м. МАДО-НА в 40 км от р. ЗАП. ДВИНА.

3. При наступлении на МАДОНУ по приказу значилось: справа наступает 48 СД — ее не было совершенно; слева — 181 СД, которой тоже совершенно не было.

На протяжении всего периода материальное обеспечение боя не было организовано совершенно. В первые дни боев с/с (станцией снабжения) для дивизии была г. РИГА, т.е. 20—25 км от боевого эшелона дивизии, причем путей подвоза не было, так как дорога, по которой можно было подвозить, была забита транспортом и людьми строительных батальонов, которые в первый же день войны загрузили своим паническим отходом все пути подвоза. В последующие дни с/с никто не знал, куда эвакуировать раненых, указаний, несмотря на запрос дивизии, не было, как правило, сообщались названия тех пунктов, которые уже были заняты пр-ком или где уже все запасы уничтожены.

За весь период боев корпуса не были совершенно организованы армейские СПАМы аварийных машин, не было никаких средств эвакуации. Поэтому машины, которые эвакуированы с поля боя, оставались подорванными на СПАМах (в р-не УЖВЕНТИС осталось 27 танков, в р-не ГРУДЖАЙ— 17 танков и т.д.).

О ПРИЧИНАХ ПОТЕРИ БОЕВОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

1. Материальная часть 28 ТД по своему техническому состоянию еще до войны на 75% была в неудовлетворительном состоянии. Все машины старые, которые прошли ПОЛЬСКИЙ поход, поход в ЛИТВУ, ЛАТВИЮ, участвовали ряд лет на маневрах и учениях. Большинство машин требовали замены рабочих колес, коробок перемен передач, фракционных, гусениц и т.д. Но из-за отсутствия запасных частей все машины так неисправными, но могущими двигаться и вышли на войну. Нагрузка же на машины была дана чрезвычайно большая, выходящая за всякие рамки технической эксплуатации. Это и является причиной того, что очень большой процент потерь по техническим неисправностям.

2. Очень большой процент потерь машин от авиации пр-ка в первые дни боев, действовавшей безнаказанно.

3. Отсутствие мотострелкового полка в дивизии, что поставило

дивизию в условия действия только одними танками, без пехоты в лесисто-болотистых р-нах.

4. Отсутствие взаимодействия дивизий корпуса, все действовали в разное время и разных направлениях, отсутствие прикрытия с воздуха и воздушной разведки, слабость работы чисто танковой разведки без мотопехоты, отсутствие по обстановке соседей справа, слева, вопреки всему полная ясность пр-ка о направлении действия танковых полков дивизии (висел целый день аэростат в воздухе). В р-не ПАШИЛЕ дивизия в течение 6 часов вела бой в окружении.

5. Совершенное отсутствие средств для эвакуации машин из СПАМов.

КОМАНДИР 28-й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ

ПОЛКОВНИК ЧЕРНЯХОВСКИЙ

(ЦАМО. Ф. 241 с. Оп. 1. Д 10. Л. 244—247).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аптекарь П. Советско-финские войны. М., 2004.

Асовский А.З. Записки военного юриста. Литовский курьер, № 21, 26 мая и № 24, 16 июня 2011 г.

Боевой устав пехоты Красной Армии. Часть 2 (батальон, полк). М., 1942.

Боевые действия стрелковой дивизии. Сборник тактических примеров из Великой Отечественной войны. М., 1958.

Вандышев В.В., Смирнов А.В. Основы уголовного судопроизводства. Выпуск 5. СПб., 1996.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1984.

Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009.

Волкогонов Д. Троцкий. Книга 1. М., 1992.

Волкогонов Д. Ленин. Книга 1. М., 1994.

Волкогонов Д. Сталин. Книга 1—2. М., 1996.

Гнезеров С. Засекреченное кровопролитие // Смена, 21 сентября 2003.

Головникова О.В., Волкодаве И.И. Поезд Троцкого // ВИЖ № 9, 1990.

Горбатов А.В. Годы и войны. М, 1989.

Горбатов А.В. Годы и войны. Записки командарма. 1941— 1945. М., 2008.

Громов С.М. Записки «важняка». М, 2001.

Делаграмматик М. Военные трибуналы за работой // Новый мир, №6, 1997.

Дудорова О.А. Неизвестные страницы «Зимней войны» // ВИЖ, №9, 1991.

Дудорова О., Аптекарь П. Преданные и забытые // Родина, № 12, 1995.

Дунаев П. Горбатова только могила исправит // Слово, 30 октября 2009 г.

Емельяненко А. Трижды командарм // Российская газета, 22 июня 2011 г.

Ерофеев В. Из опыта организации и ведения обороны в ходе наступательных операций // ВИЖ, № 5, 1967.

Жирнов Е. В июле 1920 года дезертировало 773 тысячи красноармейцев // Коммерсант, № 7, 22 февраля 2010 г.

Жирнов Е. За полгода войны осуждено 90 332 военнослужащих //

Коммерсант, № 4, 30 января 2012 г.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Том 3. М., 1985.

Зайцев А.Н. На острие красных стрел. М., 1988.

Звягинцев В. На весах Фемиды. М., 2006.

Иоффе Зяма Яковлевич. Я помню. Интервью и обработка Г. Койфман.

Интернет.

Исаев С.И. Вехи фронтового пути // ВИЖ, № 10,1991.

Кириллов В. Расстрелянный комдив // Местное время (Тверь), 29 июня 2011 г.

Котов В. Память и боль: Невостребованные откровения офицера Генерального штаба. М., 1995.

Командармы. Военный биографический словарь. М, 200S.

Комкоры. Военный биографический словарь. Том 1. М, 2006.

Конев И.С. Записки командующего фронтом. М., 1972.

Кулинченко В. Алексей Щастный. Спаситель Балтийского флота. Кто есть кто, № 2,2006.

Лебединцев А.З. Письма ветеранов // НВО, 22 июня 2001 г.

Лебединцев А.З. Справедливо ли расстреливали офицеров? // Дуэль № 12, 25 марта 2003 г.

Лебединцев А.З. Маршал К.С. Москаленко // Дуэль, № 9,2 марта 2004 г.

Лебединцев А. Мухин Ю. Отцы-командиры, М., 2004.

Лебединцев А.З. Маршал — ветеран 38-й стрелковой // НВО, 19 января 2007 г.

Ленский А.Г., Цыбин М.М. Первая сотня. Стрелковые, горнострелковые, мотострелковые, моторизованные дивизии РККА группы номеров 1—100 (1920-е — 1945 гг.). Справочник. СПб., 2003.

Маништейн Э. Утерянные победы. М, 1999.

Маршалы Советского Союза: личные дела рассказывают. М., 1996.

Мацуленко В. Развитие тактики наступательного боя // ВИЖ, №5,1986.

Мелтьухов М. Правители без подданных //Родина, № 12,199S.

Мерецков К.А. На службе пароду. М., 1983.

Михин П.А. Артиллеристы, Сталин дал приказ! М., 2006.

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга 1. М., 1969.

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга 2. М., 1973.

Невзоров Б. Московская битва: феномен Второй мировой войны. М., 2001.

Обатуров Г.М. Дороги ратные крутые. М., 1995.

Овечкин В.В. Дезертирство из Красной Армии в годы Гражданской войны // Вопросы истории, № 3, 2003.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. М., 2008.

Отечественная война 1941—1945 гг.; Действующая армия. М, 2005.

Петухов Н.А. История военных судов России. М., 2005.

РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д.108. Л. 152—157.

РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 41. Л. 141,179.

РГВА. Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 1386. Л. 119,120.

РГВА. Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 1386. Л. 120,124, 127—132.

РГВА. Ф. 37 977. Оп. 1. Д. 233. Л. 104.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М, 1997.

Рубцов Ю.З. Штрафники Великой Отечественной. М., 2007.

РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3с. Д. 130. Л. 1—3.

Рыбина Г. Где ты, сынок? // Красное Знамя, № 17,7 мая 2009 г.

Салтыков Д.И. Последний поиск. Мемуары разведчика. Саратов, 1995.

Смыслов О. История Советских наград. М., 2007.

Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши. М., 2000.

Степан В. Полковая разведка // Советская Белоруссия, 27 апреля 2010

г.

Степанов В.В. Еще раз о судьбах солдатских // Чеховский вестник, № 12,17 февраля 2009 г.

Степанов В.В. Неизвестный комдив-17 // Чеховский вестник, № 35,9 мая 2009 г.

Сукнев М. Записки командира штрафбата. Воспоминания комбата. 1941—1945. М., 2007.

Тайны и уроки «Зимней войны». 1939—1940. СПб., 2000.

Типпельскирх, Курт, фон. История Второй мировой войны. СПб, 1999.

Троцкий Л. Моя жизнь. М, 2007.

Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года с изменениями по состоянию на 1 марта 1957 года Интернет: <http://www.JKxlcks-luks.ru>.

Филипчук Н. Советско-финскую войну планировали закончить за три недели // Голос Украины, № 239,19 декабря 2007 г.

Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания.) Книга 1. М, 1999.

ЦАМО. Ф.4. Он. 11. Д. 66. Л. 149—152.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 8. Л. 164.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 9. Л. 47.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 912. Л. 367.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 10. Л. 509.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 25. Л. 30.
ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 232. Л. 236.
ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 455. Л. 176.
ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 202. Л. 121.
ЦАМО. Ф. 33. Он. 682525. Д. 468. Л. 385.
ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 366. Л. 269.
ЦАМО.Ф. 33. Оп. 682 526. Д. 1379. Л. 219.
ЦАМО.Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1103. Л. 227.
ЦАМО.Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1103. Л. 240.
ЦАМО.Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1108. Л. 23.
ЦАМО.Ф. 33. Он. 686196. Д. 264. Л. 116.
ЦАМО.Ф. 33. Оп. 686196. Д. 1523. Л. 14.
ЦАМО.Ф. 148 а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 300.
ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 10. Л. 155.

ЦАМО (УПК): Виноградов А.И., Герасимов А.Г., Ершов В.В., Зайцев А.Н., Коротков А.Д., Хамов П.Ф.

Чарыев М.Р. Деятельность военных трибуналов во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Военно-юридический журнал, № 8, 2006.

Чистяков Н.Ф. По закону и совести. М., 1979.

Чураков А. Без суда и следствия (или 270-й приказ Ставки ВГК в действии). Проза.ру.

Шарыкин Е. в записи Рыбиной Г. Скупым языком документов. Красное Знамя № 5» 4 февраля 2010 г.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Лейтенант А.З. Лебединцев — командир взвода пешей разведки 1135-го стрелкового полка 339-й стрелковой Ростовской дивизии. Январь 1942 г.

Офицеры 48-го стрелкового полка. Сидят (слева направо): полковой инженер Чирва, командир роты связи Переверзенцев, стоят: старший врач полка Шлома и начальник связи полка капитан Осипов. Бухарест, 1945 г.

Снимок, сделанный в Москве в январе 1945 года на память о совместно пройденном боевом пути в 38-й стрелковой дивизии. Сидят: майор В.И. Петров (начальник оперативного отдела), подполковник М.Я. Кузминов (командир 48-ю стрелковой полка), капитан Т.Ф. Ломко (комбат 48-ю стрелковой полка). Стоят: капитан А.З. Лебединцев (ПНШ-1 48-го стрелковой полка) и рядовой А.Д. Нестеренко

Командир 38-й стрелковой дивизии С.П. Тимошков с сослуживцами

Девушки из медперсонала, связистки, повара и писари 38-й стрелковой дивизии в феврале 1945 года в Венгрии. В центре: комдив генерал-майор Тимошков, начальник политотдела Лебедев и комбат Романов

Одна из минометных рот 343-го стрелкового полка в 1945 г. В центре: командир роты капитан А.Д. Алексеенков, командир расчета старшина Л. Павлова и другие

Офицерский состав 122-го батальона связи 38-й стрелковой дивизии в День Победы в Бухаресте

Командование и штаб 29-го стрелкового полка, Бухарест, май 1945 г.

Командование 29-го ордена Суворова стрелкового полка с командирами рот и батарей. Снимок

на память в честь Дня Победы. Бухарест, 1945 г.

А.Н. Зайцев — начальник разведки 29-го стрелкового полка

Штабной взвод связи 122-го обс 38-й стрелковой дивизии. Январь 1945 г.

Командование 122-го обс 38-й стрелковой дивизии с девушками-связистками. Бухарест. Май 1945 г.

Встреча ветеранов 43-го стрелкового Трансильванского Краснознаменного полка в Краснодаре по случаю 30-летия Победы. Сидят (слева направо): А.М. Хотт, Д.Ф. Третьяк, А.З. Лебединцев, П.И. Шлома, Ф.И. Костомаха. Стоят: М.С. Шиянов, М.С. Жевела, Т.Ф. Ламко, А.В. Кошелев, Ф.И. Тутов, Д.И. Осипов

Ветераны 38-й стрелковой Краснознаменной дивизии прибыли 9 мая 1984 г. на встречу в село Арлина Обуховского района Киевской области, где сражались в ноябре и декабре 1943 г.

Снимок в Академии Генштаба по случаю 20-летия выпуска в 1959 г.

Одеситы-ветераны 38-й стрелковой дивизии. Сидят (слева направо): П.Е. Гусаков, А.И. Зайцев, О.Н. Мягков, А.М. Швец. Стоят: И.В. Паршиков, М.Т. Комов, П.И. Чухран, И.С. Колодяжный

*Встреча ветеранов 29-го стрелкового ордена Суворова полка 38-й стрелковой дивизии 8 мая
1984 г. в Киеве*

*Ветераны 29-го стрелкового ордена Суворова полка 38-й стрелковой дивизии на кладбище в
деревне Жуковцы*

*Преподавательский состав кафедры Управления Высшей Академии Генерального Штаба.
Москва. 8 мая 1975 г.*

Делегация ветеранов с Украины на фоне Знамени Победы в Музее Вооруженных Сил. Москва. 9 мая 2002 г.

Встреча ветеранов-однополчан 1-го гвардейского танкового корпуса у главного входа Музея Вооруженных Сил в Москве

Однополчане 1-й гвардейской мотострелковой бригады. Москва. 16 сентября 1978 г.

А.З. Лебедяцев в 1983 г.

Генерал И.П. Петров

-1-
Наградной лист к 240

1. Фамилия имя и отчество Лебединцев Александр Александрович

2. Звание лейтенант Форминский, часть Полковой авиационной
звеной на оперативной линии Чувашской области 35 стрелковой дивизии.

3. Представляется к Ордену «Красная звезда».

4. Дата рождения 1921 г. с Национальностью русский в Мартинском
Земельном ВЗВ (с) с 1942 года. Участие в финляндской войне,
после окончания боевых действий на защите СССР и отступления
в 1944 году в Финляндию и в Европу. Единственным оставшимся
полком в ранениях и контузиях в том же составе воевал
с начала времени в Красной Армии с 1941 года. 10 Значки ОВЗ
получен в Финляндии ВЗВ в 1944 году. В 1945 году под
полком полковник воевал на линии фронта. Не награждался.

5. Расположить докладный адрес представительства и командования
в [redacted]

6. Историческое подтверждение личного боевого подвига: [redacted]
Служил лейтенантом Лебединцев в период боевых действий под командованием
полковника Будыко в авиационном полку 35 стрелковой дивизии на равнине и в горах
задачи авиационной в свободный отрыв с задачей захватить во время противнику
находясь на территории авиационной авиации. Действия полка на
непродолжительный бой, противник удерживал авиацию в обороне на подступах к
городу Вильянди. В течение боя развилась с новой силой инициатива инициатива
Лебединцев с отрядом самолетов и вывел из боя противника. В этот боевой отрыв
инициатива авиации авиации противника. Сам он захватил несколько самолетов и
авиационную авиацию и авиацию. В этот же день он захватил авиационную, авиацию
авиации и авиацию. В этот же день он захватил авиацию авиации в авиационной
авиации. В этот же день он захватил авиацию авиации. В этот же день он захватил
авиацию в боях на территории реки Финне, авиация авиации в боях 18 июля
1943 года авиация авиации в авиационной авиации в авиации авиации авиации
на территории в горах. В этот же день он захватил авиацию авиации на авиации
на территории в горах и авиацию авиации противника инициатива инициатива
инициатива от авиации, тем самым инициатива авиации авиации и
наши авиационные задачи. В этот же день командир авиации инициатива инициатива
инициатива авиации. В этот же день в авиационной авиации награде ордена
«Красная звезда».

18 октября 1945 г. Майор: Жуков

Наградной лист, представляющий А.З. Лебединцева к ордену «Красная звезда»

Эта книга никогда не была бы написана, если бы не знакомство с Александром Захаровичем Лебединцевым, председателем Совета ветеранов 38-й стрелковой дивизии и основным автором книги «Отцы-командиры». Состоялось оно в декабре 2005 года, когда Александр Захарович разговаривал со мной по служебному телефону.

Он был очень активным, человеком, ветераном и собеседником. Его цепкая память сохранила превеликое множество эпизодов той войны. Он мог детально рассказывать о боях и походной жизни бойцов и командиров матушкиной пехоты.

Но красной линией в его рассказах очень часто проходила явварская трагедия 1944 года, когда его 38-я стрелковая дивизия вместо наступления сначала попала под сильнейший контрудар немцев, а затем оказалась в окружении. Командир дивизии полковник Коротков вскоре был обвинен в измене Родине и расстрелян перед строем.

Александр Захарович часто просил меня когда-нибудь написать об этой истории отдельную книгу и, прекрасно зная о том, что дело Короткова до сих пор является совершенно секретным, он был убежден, что мне обязательно удастся в ней разобраться.

На каждую встречу ветеран обычно приносил мне редкие книги, статьи, публикации и даже копии документов. Только потом я понял, что все это делалось с одной целью — убедить меня в необходимости заняться этой темой...

И сегодня я выполняю просьбу А.З. Лебединцева.

ISBN 978-5-9533-6579-6

9 785953 365796